84(2 Рос=Рус)6
Кр. Д 81

Николай Дудников

ЛАЮЩИЙ ВОЛК РУК НЕ ЛИЖЕТ

Николай Дудников

ЛАЮЩИЙ ВОЛК РУК НЕ ЛИЖЕТ

84 115—

НБС
Краеве
отдел

Москва
«Вилад»
1999

ББК Р2
Д 81

Книга издана благодаря глубокому пониманию проблем экологии Ямала мэром г. Надыма — В. Н. Ковальчуком, профинансировавшим ее выпуск.

Дудников Н. Ф.
Д 81 Лающий волк рук не лижет. — М.: Вилад, 1999.— 160 с.
ISBN 5-87431-098-3

В книге «Лающий волк рук не лижет» дается ситуация с охраной природы в нефтегазовых и аграрных районах Ямало-Ненецкого автономного округа.

Наравне с очерками, интервью и статьями в книгу включены работы литературного жанра.

ISBN 5-87431-098-3 © Дудников Н. Ф., 1999 г.

АЙБОЛИТ ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

Ямбург. До сих пор у меня не укладывается в голове, как можно было его «поднять». Жуткий холод. Пар от дыхания замерзает на лету. Нехватка «койкомест» в общежитиях, отсутствие элементарных бытовых условий. И как не смешно об этом говорить, острый дефицит воды. При том, что за окнами ее было море, а точнее — целая губа. Но у посудомоек в столовых трескались, покрывались болячками руки от того, что называлось водой. А уж пить ее, даже кипяченой, с бахромой рыжей накипи, отваживались немногие. Вместе с тем кислый гранатовый сок, которым напичканы были все прилавки, надоел до отвращения.

Оказавшись в шкуре обустроителей газоконденсатного месторождения, я, в это время заведующий отделом окружной газеты, командированный на Ямбург, шагая по берегу губы, обдумывал, как в своих будущих статьях больнее «выдрать» руководство Главямбургнефтегазстроя за столь наплевательское отношение к людям. И вдруг запнулся и полетел через смерзшуюся колею трактора. А когда поднялся, увидел, что весь склон берега представлял собой лунный ландшафт. Он тянулся до островка балков строителей, который после назвали Барановкой. И в голове тут же родилась новая тема об экологии. Это слово только еще входило в моду. И буквально бесило первооткрывателей. Разве можно говорить о каком-то бережном отношении к природе, если речь идет о завоевании несметных богатств! И услужливая память мне тут же стала подбрасывать «фактики» и «факты». На самом выходе в губу реки с длинным трудным ненецким названием Нюдимонготоепокояха когда-то были зимовальные ямы осетра. Но летом

земснарядами, а зимой взрывами их уничтожили, строя шунтовую причальную стенку для порта.

А рыжая вода? И к ней, наверное, приложили руку обустроители, спуская в губу всякую гадость. В общем, я уже «созрел» для статьи в самом черном цвете, когда неожиданно при тусклом свете звезд впереди себя увидел ровную, как стол, площадку. Что это? Может, будущая взлетно-посадочная, о которой тогда уже шла речь? А колышки с какими-то табличками при чем тут? Ответ я получил в этот же день самый неожиданный. Оказалось, некий Масалкин решил восстанавливать искромсанную, израненную техникой тундру. Вот это было интересно. И первым делом, прилетев в Надым, я попытался отыскать ученого в недрах огромного здания Главямбургнефтегазстроя. Но не нашел. И наша встреча отодвинулась на целых 10 лет.

Итак, прежде всего, кто такой С.Д. Масалкин? Это директор научно-производственного предприятия «Экология Арктики», кандидат сельскохозяйственных наук, действительный член Российской экологической академии.

Больше 10 лет назад он приехал в Надым по приглашению бывшего начальника главка И.А. Шаповалова. И возглавил совхоз «Арктика». Но во времена плановой экономики одним из критериев, определяющих жизнеспособность предприятия, являлась рентабельность. Однако даже ученый со званием не мог ее получить. По той простой причине, что затраты, особенно на доставку кормов, поистине делали золотой продукцию животноводства. Обо всем этом несостоявшийся директор доложил начальнику главка и на этом хотел уже распрощаться. Но Шаповалов не отпустил. Изучив досье Масалкина, он предложил ему создать при проектно-конструкторском технологическом институте отдел природоохраны. Диктовалось это тем, что в 1987 году главк вел активные работы по обустройству Ямбургского газоконденсатного месторождения, очень часто нарушая экологическое равновесие в тундре. И нужна была служба, которая бы при отсутствии законодательной и нормативной базы нарабатывала практику бережно-

го отношения к природе. Помогла бы сдвинуть с места рекультивацию израненных земель. Для этих целей на Ямбурге, в карьере под номером 10, был создан специальный полигон. Тот самый, на который я наткнулся. Опыты проводились на берегу Обской губы, в условиях экстремальных для выращивания многолетних трав и кустарников с последующим их внедрением как рекультивантов на нарушенных землях.

— В частности, — вспоминает Сергей Данилович, — мы высадили несколько видов ивы, многолетних трав, таких, как кострец безостый, овсяница красная, тимофеевка луговая, пырей. При этом фоны удобренности были самые разные, как и сроки посева.

Далее. Мы проводили геофизические наблюдения с целью определения динамики промерзания почвы. В этом нам помогали термодатчики, которые мы опускали в скважины на разные глубины, получая данные о среднемесячных температурах во всех исследуемых слоях земли. Проводили также опыты и агрохимического порядка. И так на протяжении четырех лет.

Результатом стала монография, пока единственная в России, по районам Крайнего Севера. В ней мы называем наиболее приемлемые виды и сорта как многолетних трав, так и кустарников, пригодных для выращивания в северных широтах.

Результатами, полученными надымскими учеными, стали руководствоваться при природоохранном проектировании не только на Ямале, но и в других регионах Севера, где шло развитие нефтегазового комплекса.

За 10 лет по методике «Экология Арктики» в Ямбурггаздобыче и Надымгазпроме восстановлено порядка 500 гектаров карьерных выработок, площадок вдоль трассовых проездов.

Кстати, широкомасштабные работы по восстановлению земель — это уже не опыты. А поэтому встает вопрос обеспечения семенным материалом. Вначале надымчане предполагали создать базу для выращивания семян мест-

ной флоры. Но, изучив на Аляске опыт американцев и пересмотрев собственные данные, пришли к выводу, что экономически эффективнее компоновать травы-смеси из завозимых сортов.

Итак, команда Сергея Даниловича Масалкина нашла средства врачевания тундры, у которой до сих пор ран не перечесть. Но вот беда, те, кто ими пометил надымскую землю, а это 5—6 главков, давно распались, оставив полигоны бесхозными. А там, где все-таки авторы разрушения тундры находятся, они не в состоянии оплатить «Экологии Арктики» ее работу по самой прозаической в наше время причине — из-за отсутствия денег.

Не обошел стороной финансовый голод и ученых. Часто из-за того, что средства на природоохранные мероприятия, выделенные бюджетом округа, аккумулируют и расходуют в Салехарде, обделяя глубинку.

— Я вынужден, — с горечью отмечает С.Масалкин, — сократить отдел технического проектирования, уменьшить объемы изыскательских работ. И единственно, чем заниматься, — это озеленением Надыма. К слову, это была единственная целевая программа за последние годы. Заняла она 90 процентов наших существенно урезанных объемов и финансировалась администрацией города.

А какие были планы! Мы практически создали совместное предприятие с Аляской «Филип-Смитт», и тут грянула перестройка. Американцы сразу же пошли на попятную.

Мы потеряли в последнее время каналы информации, которые практически даром приходили по компьютерам из библиотек Москвы. А сейчас все по предоплате. Чтобы не вариться в собственном соку, сотрудничаем с Сибирским НИИ сельского хозяйства, Всероссийским институтом географии и через создавшуюся Академию пытаемся наладить обмен информационным фондом.

Я помню, чуть не в центре Надыма была свалка, но к 25-летию города, первенца газовой индустрии Ямала, ее не стало. Вывезли. А землю восстановили и засеяли травой.

— Ох и красивое это зрелище! — восклицает С.Масалкин. — Представьте себе, желтеет и чахнет тундра, а тут ковер свежей зелени на месте бывшего карьера.

Знаю, слышал, скептики, недоброжелатели не раз пытались достижения ученых принизить. Мол, уничтоженный ягель — основной корм оленей — они все равно восстановить не могут.

Что правда — то правда. Наука не способна ускорить рост ягеля. Для этого по-прежнему требуются десятки лет. Но разве мало того, что «Экология Арктики» залечивает с успехом раны, нанесенные тундре промышленным освоением. Там, где поработали ученые, остается радующая глаз зелень, которая, кстати, тоже занимает не последнее место в рационе питания оленей.

Известно, что достаточно по летней тундре проехать гусеничному вездеходу или большегрузному автомобилю, как к будущему году на месте их колеи начнет образовываться овраг. Причина столь стремительных темпов эрозии объясняется просто. Техника сдирает слой мха, а под ним открывается вечная мерзлота, имеющая привычку под воздействием солнца и дождей таять и разрушаться.

Так вот, «Экология Арктики» научилась успешно бороться с этим явлением. И вполне может научить других, тех, кто не на словах желает беречь и восстанавливать природный ландшафт Севера.

ОПЕРАЦИЯ «КОРЯВЫЙ»

Обская губа. Царство льда и снега, покрытое мраком полярной ночи, — зрелище далеко не привлекательное. Впрочем, смотря для кого. Если для браконьера, то ему только и надо, чтобы ночь была потемнее, а торосы повыше. В них можно вполне запрятать палатку. Что и сделал некий гражданин, «проскользнувший» на лед Обской губы из Нового Уренгоя. Но камуфляж ему не помог. Инспек-

торы рыбоохраны из Ямало-Ненецкого округа вычислили отшельника, и для него картина «Не ждали» омрачилась кругленьким штрафом. И поделом. Ведь рядом с палаткой было обнаружено ни много ни мало 18 «корявых». Так на Севере зовут-величают осетра, за его шипы и колючки.

И случай этот не единичный. Масштабы браконьерства на водоемах округа, а в них входит Карское море, Обская и Тазовская губы, великая река Обь и масса многих речушек и проток, в последние годы растут, как на дрожжах.

И понятно почему. Труд рыбаков своевременно не оплачивается государством. И чтобы как-то существовать, они вынуждены продавать уловы скупщикам за живые деньги.

Инспектора рыбоохраны 8 марта 1998 года задержали вертолет из Ноябрьска, на борту которого было около трех тонн муксуна, выловленного жителями Яптик-Сале. А в апреле уже с 6,5 тонны муксуна попались воркутинцы. В роли продавцов выступали браконьеры Нового Порта.

Кстати, каковы запасы ценнейшей рыбы Обского бассейна — муксуна? По мнению специалистов, в настоящее время они удовлетворительные, как и в целом по сигам. А вот по ряпушке отмечается даже значительный недолов, из-за чего происходит ее старение, особенно в Тазовском районе. И эта деликатесная рыбка, именуемая еще обской сельдью, видимо, устав от тесноты в местах обитания и оскудения кормовой базы, теперь поднимается на нерест в реки Сыня, Лангорт-Юган, Собь, Войкар.

Неожиданным в некотором роде оказалось известие о занесении сибирского осетра в Красную книгу. Подорваны ли действительно его запасы в Обском бассейне — никто вразумительно ответить не может. И если правительство руководствовалось только тем, что «корявые» редко фигурируют в уловах рыбаков, то это абсолютно не говорит об их исчезновении. Просто их сплавляют налево, за те самые пресловутые живые рубли. При всем при том, надо отметить, что в Ямало-Ненецком округе многое пред-

принимается, чтобы оградить от расхищения рыбные запасы. Шагая «впереди России всей», депутаты окружной Государственной думы приняли закон «О рыболовстве и рыбном хозяйстве». На выходе Правила рыболовства. Депутатам же принадлежит инициатива о переносе управления Нижнеобьрыбвод из Тюмени в Салехард, что абсолютно правильно, так как об эффективности руководства охраной рыбных запасов говорить невозможно, если управление находится за тысячу километров. И тем более что речь идет не о регулировании озерного карася или иртышского язя, а о сиговых породах рыб, которые составляют на Ямале более 70 процентов от всех запасов России. Статистика говорит, что 1997 году промысловики округа поставили на народный стол свыше 5 тысяч тонн «живого серебра». В том числе 748 тонн муксуна, 112 тонн нельмы и т.д. В целях биологической мелиорации выловлено в районе Нового Порта 440 тонн налима, ерша, корюшки.

— Продолжая говорить языком цифр, в 1997 году нами выявлено 700 нарушений правил рыболовства. Из них около 200 связано с загрязнением водоемов, — подчеркивает начальник инспекции рыбоохраны Ямало-Ненецкого округа В.Тибайкин. — Сумма штрафов потянула на многие десятки миллионов рублей. В природоохранную прокуратуру передано 24 дела. Изъято около тысячи единиц запрещенных орудий улова. Конфисковано 27,8 тонны ценных видов рыб.

В общем, статистика дает довольно емкое представление о состоянии оперативной обстановки на водоемах округа. Исходя из нее и материально-техническое обеспечение рыбоохраны должно быть на высоте. А каково оно на самом деле? Отвечая на этот вопрос, В.Тибайкин признал, что если бы не помощь администрации Ямала, то «дело было бы труба». А если конкретно, то из федерального бюджета на содержание инспекции направляется всего лишь 10—12 процентов. Хорошо понимая, что «Программу неотложных мер по борьбе с браконьерством в Обском бас-

сейне на территории ЯНАО с 1995 по 2000 год» «федералы» решать не будут, руководство округа под эту программу сделало солидные вливания.

Рыбоохрана полностью обеспечена лодочными моторами, причем импортными, а также снегоходной техникой. Кроме этого, все хозяйственные расходы округ взял на себя. В том числе и по сооружению на территории бывшего ДОКа рыбной промышленности базы природоохранных служб, включающих в себя гаражи, лодочную станцию, административное здание. Столь заботливое отношение округа к людям, оберегающим природные богатства, отразилось на моральном климате инспекции. Работа в ней стала престижной.

И все же нужно признать, что узел проблем, касающихся охраны рыбных запасов, развязан еще не полностью. Воспользуюсь снова статистикой. Общая площадь водной поверхности, обслуживаемой рыбоохраной, составляет 800 тысяч километров, то есть на одного инспектора приходится порядка 20 тысяч кв.км. Естественно, на такой огромной территории обнаружить и прищучить нарушителей — дело архисложное. И, по мнению В.Тибайкина, приоритет должен быть отдан водоемам с наибольшей концентрацией особо ценных пород рыб. В их число, несомненно, попадают Обская и Тазовская губы, но их закрыть от расхитителей не так-то просто, ведь скупщики и браконьеры находят деньги на оплату вертолетов, а у рыбоохраны их практически кот наплакал. Далее, не принято на территории округа решение о досмотре и вывозе рыбы через аэропорты. Поэтому задержания «летающих» нарушителей правил рыболовства и выполнение распоряжения губернатора Ямало-Ненецкого округа о запрете продажи с мест лова особо ценных пород рыб, как ни огорчительно признаться, пока единичны. Впрочем, это совсем не портит характеристику тем, кто предан делу. В их числе В.Чусовитин, И.Мишин, В.Марченко, Н.Бажинский, В.Костин и др.

НАУКА ИСЧЕЗНЕТ, КАК МАМОНТ?

Зеленая Горка. Название улицы с претензией на уголок природы прямо в центре города вполне соответствовало действительности. Имелись и горка и лесок. Укутанный в льдисто-снежную фантазию зимы, он прятал за собой деревянный дом под номером 21. В Лабытнангах хорошо знают, что в нем располагается. И я когда-то слышал. Но пути-дороги привели совсем недавно. На табличке у входа читаю: «Экологический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук».

Кто, когда и для каких целей открыл форпост российской науки на ямальском Севере? Этими вопросами, как короткой очередью, я выстрелил в директора стационара, кандидата биологических наук В.Штро.

— У истоков создания стационара в 1954 году стоял академик Станислав Семенович Шварц, — начал свой рассказ Виктор Георгиевич. — Под городок ученых отвели 3,5 гектара. Построили все, без чего в автономном плавании нельзя, и взяли курс на изучение приспосабливаемости биологических объектов, то есть растений и всего, что летает и ползает, к жутко суровым климатическим условиям. Фундаментальные работы наших ученых способствовали созданию книг по фауне приобского Севера и ее использованию, Красной книге Ямала, «Природе Ямала». Способствовали проведению 5-й международной конференции микологов и т.д. В общей сложности на материалах стационара защищено больше 40 кандидатских диссертаций. В том числе 15 — нашими сотрудниками. В.Рыжановский стал доктором.

Вклад Зеленой Горки в отечественную науку может быть еще более весомым. Я не выдаю желаемое за действительное, а констатирую факт. В планах стационара но-

вые темы, работа над которыми позволяет лабытнангцам еще более приблизиться к получению ответов на интересующие их вопросы.

Делегировавшись от аудитории любопытных, я попросил Виктора Георгиевича выделить наиболее значимые изменения в окружающей нас природе, наметившиеся в последнее десятилетие. И он, не задумываясь, назвал потепление климата. А с ним появилась возможность у целого ряда птиц и зверей продвинуть ареал своего обитания дальше на Север. Возьмем сизую чайку. Раньше она квартировала только в Шурышкарском районе. А сейчас ее нередко можно увидеть за Полярным кругом, в Щучьей. Такой же отважный поступок совершила и серая ворона. Она по строящейся железной дороге, как по компасу, добралась аж до Юрибея. Наконец ондатра. Многие знают, что это пойменный зверек, который не рисковал даже в своей теплой шубке сунуть носа дальше Приуральского района, теперь обычный обитатель озер серединной части полуострова Ямал. То же самое можно сказать о чисто таежных жителях: глухаре, белке. А рябчик иногда заглядывает уже в небольшой лесной массив на речке Хадыта, что на северном Ямале. Все это произошло на глазах, за каких-то 20 последних лет.

Обрисовал директор стационара ситуацию с белым песцом. По его мнению, некогда самый главный объект охоты переживает не самые лучшие времена. По крайней мере, нынче его в северной части полуострова практически нет. И охотники здесь совсем ни при чем. Количество зверя регулируется насыщенностью тундры грызунами и большей частью леммингом. А раз его нет — значит, пухнуть песцам от голода.

Кстати, у меня никогда не вызывало сомнения, что песец — это хищник. Но чтобы им была крохотная жужелица — честное слово, не поверил. Если бы не услышал некоторые подробности из жизни этого жука. Оказывается, он поедает вредителей, и не только паразитирующих

на растениях, в том числе и усваиваемых северным оленем. Подробно, с пристрастием все аспекты, связанные с жужелицей, будут рассмотрены в кандидатской диссертации, которую готовит к защите сотрудник стационара А. Рябицев.

Кабинет В.Штро — своеобразный музей. Слышал даже, что сюда приходят на экскурсии из школ города. Какие экспонаты прежде всего привлекают внимание? Видимо, целая галерея птиц и четвероногих обитателей полуострова Ямал. Их чучела с большой любовью и мастерством реставрированы, а иные созданы вновь великолепными специалистами музея им. Дарвина из Москвы А.Нестеровым и И.Карагодиным. А я обратил свое внимание на небольших размеров коробочку. В ней лежала кость, состоявшая из восьми пластинок и своей формой напоминавшая гребешок. Штро объяснил, что это зуб бизона. А рядом челюсть мамонтенка. Радиоуглеродным методом американские ученые определили, что кости принадлежат животным, существовавшим 33 тысячи лет назад. А самым близкими к нашему времени оказался мамонт, ходивший по Ямалу 10 тысяч лет назад. Заключение это сделано после обследования бивня.

Надо отметить, что все эти интересные находки, в том числе череп овцебыка, ученым посчастливилось обнаружить в районе реки Юрибей. Наверное, когда-то на ее берегах располагались богатейшие пастбища с зеленой сочной травой. А сама река служила водопоем. Теперь же здесь ни кустика, ни дерева. Голая, покрытая льдом и снегом тундра.

Само собой понятно, что на нескольких листах бумаги нельзя уместить всего, чем живет стационар. На пороге каких открытий он находится. Но из всех его углов просто кричит, вопрошает к помощи самая настоящая бедность.

Городок УФАНа (Уральский филиал Академии наук) построен на Зеленой Горке в начале 50-х. Поэтому состарился и обветшал. А на капитальный ремонт нет денег. Да что ремонт! На начало нынешней зимы, которая нагряну-

ла почти на месяц раньше, стационар задолжал коммунальщикам города порядка 100 тысяч рублей.

А что творится с окладами и финансированием экспедиций, без которых, как вы сами понимаете, исследования не продвинутся ни на шаг?

На сегодняшний день зарплата самого высокооплачиваемого сотрудника стационара, а конкретно его директора, составляет 1400 рублей. На командировках приходится ставить крест или выбираться на свои гроши. В.Штро опасается, что в новом году денежное содержание стационара ужмут еще, хотя из 35 человек здесь осталось 20, и тогда надо будет просто повесить замок.

И все-таки, даже с учетом наплевательского отношения нашего государства к науке, стационар еще ждет от него какой-то помощи. Наконец, может, обратит внимание на судьбу Зеленой Горки руководство Ямало-Ненецкого округа. Ведь ученые работают на прогнозы развития диалектики природы и на то, какое место в будущем должен занять человек, чтобы этот союз им обоим был на пользу. Нет, стационар не напрашивается в нахлебники. Он в создавшейся ситуации просит о том, чтобы хотя бы часть из заказов, выделяемых природоохранным Московским институтом, перепадала лабытнангцам. За такое сотрудничество есть немало аргументов. Приведу только два. Лабытнангцы обойдутся территории намного дешевле, чем москвичи. И потом, качество подготовки темы не ограничено сроком короткой экспедиции, ведь ученые стационара на ямальском Севере не гости, а значит, оно будет выше.

ОПАСНЫЙ ЯЗЬ

Каждое лето в Ямало-Ненецкий округ приезжает гельминтологическая экспедиция под руководством члена-корреспондента Российской академии медицинских наук, профессора Ю.Богоявленского.

Вначале она работала в Приуральском районе, в маленькой рыбацкой деревне Выпосл, а вот уже около 10 лет разбивает свой лагерь на месте бывшей хантыйской деревни Кушеват, что в Шурышкорском районе.

Почему именно в низовьях Оби прописалась экспедиция? И что конкретно она изучает?

По мнению Юрия Константиновича, на нижнее течение великой реки ученые положили глаз по той самой причине, что в ее пойме располагается бессчетное количество неглубоких соров. Вода в них хорошо прогревается, что способствует активному развитию кормовой базы для огромной массы северных пород рыб.

Но здесь же подкарауливает их опасность в лице паразитических червей (гельминтов), и экспедиция проводит исследования на предмет зараженности рыбы гельминтами. В частности, описторхозом.

Это слово на Ямале давно на слуху. Потому что здесь рыба — первое блюдо, и нередко северяне, употребляя рыбу в сыром, непросоленном виде, зарабатывают себе эту болезнь.

Правительство объявило о федеральной программе борьбы с описторхозом. И экспедиции Богоявленского ставили перед собой задачу выявить очаги, то есть где и какая конкретно рыба больна описторхозом. И ученые с этим справились.

— Нами установлено, какая рыба является носителем болезни и при каких условиях чаще всего происходит заражение. В рыбе, обитающей в Большой Оби, как правило, содержится личинок больше, чем в рыбе из Горной Оби. Выявлена также особенность. Гельминты попадают в рыбу не прямым путем. Они заражают моллюска, который является основным объектом питания рыбы.

Невооруженным глазом врага нашего здоровья не увидеть, а под микроскопом — это головастик, у которого «хвост» отскакивает в момент внедрения в подкожную клетчатку рыбы.

К слову замечу, что описторхозом болеет не только че-

ловек, но домашние и дикие животные, птицы. Юрий Константинович рассказывал, что в лесу поймали рябчика. Он, как инвалид, жутко хромал и не мог летать. При вскрытии птицы ученые обнаружили в суставах его лап круглых червей. Это редкие паразиты. Они открыты были в 1956 году в Туве. К счастью, для человека эти глисты не опасны. А вот широкий лентец, который паразитирует в человеке в виде ленты, порой достигающей почти 20-метровой длины, — уже не шутка. И чаще всего люди заражаются им, употребляя в пищу в сыром виде икру щуки.

Но вернемся к описторхозу. По мнению Богоявленского, одно яйцо гельминта дает 400 экземпляров себе подобных. Крупный ученый самой зараженной рыбой в Оби считает язя. А если в цифрах, то больше 85 процентов этой рыбы больны, чего не скажешь о щекуре или муксуне.

Прежде всего употребление в пищу непроваренного язя привело к тому, что в одном из районов Томской области 80 процентов населения заразились описторхозом.

Описторхи живут в человеке до 20 лет. Они ослабляют организм, и поэтому зараженные этими глистами, в связи со снижением иммунных свойств, тяжелее переносят другие заболевания. На Ямале описторхоз остается практически на одном уровне, хотя есть предпосылки увеличения числа заболевших.

За Обь-Иртышским бассейном держится дурная слава самого крупного в мире очага описторхоза. Его выносят в бассейн сточные воды из уборных, а очистных сооружений как в сельской местности, так и в городах нет и в помине.

Замыкается ли только на исследовании роль экспедиции Богоявленского? Однозначно — нет. Она дает свои грамотные рекомендации территориям округа. Ищет пути, как прервать цикл развития описторхоза, вносит лепту в создание антигельминтных лекарств, уничтожающих болезнь, но не вредящих здоровью человека.

Путь экспедиции, которую в силу выполняемой задачи можно назвать нашей, далеко не устлан розами. Как всегда, объявив войну описторхозу, федеральное правительст-

во забыло ее профинансировать. И ученые в нынешнем сезоне были вынуждены практически сразу же после приезда свернуть работы. Дело в том, что в «кошельке» Шурышкарского района по причине хронического безденежья не нашлось денег оплатить экспедиции исследования еще прошлого сезона. А округ почему-то остался в стороне.

ВОЛЧИЙ АППЕТИТ ДО ГОЛОДА ДОВЕДЕТ

Неожиданная беда обрушилась на и без того малочисленные народы Севера. Стада оленей, дающих и одежду, и пищу, без которых людям просто не выжить, гибнут в огромных количествах от нашествия волчьих стай.

— По самым скромным данным, — говорит начальник Главного управления сельского хозяйства Ямало-Ненецкого округа А.Ваймер, — эти хищники уничтожают в год до 8 тысяч голов оленей.

Вернее, надо сказать, уничтожали, потому что эта цифра в 97-м году значительно возросла.

Первые тревожные сигналы еще осенью поступили из Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Начальник охотинспекции района Николай Киселев, вылетев на место кровавой расправы, насчитал сразу же ни много ни мало 120 волков. Поредевшая от его метких выстрелов стая отреагировала тем, что разогнала третье стадо совхоза «Саранпаульский».

— Кстати, такая черта, как мстительность, у этого зверя в крови, — считает охотовед. — Вот пример. Оленеводы отравили ядом волчицу. И самец в течение недели каждую ночь стал «вырезать» из стада по 10—15 оленей, причем для этого «мстителю» потребовалось преодолевать расстояние в 70 километров.

Специалисты говорят, что ситуация в последние годы усугубляется тем, что на запах легкодоступного оленьего мяса, помимо сибирского волка, проторил дорогу на Се-

- 74.115 -

ЦБС
г. С...
Краеведч...
отдел

вер и волк из средней полосы России, где полная разруха крупнейших животноводческих хозяйств и частных подворий заставляет его от голода щелкать зубами.

И назревает правомерный вопрос: по какой причине численность хищников не регулируется и поднялась до катастрофической отметки?

Чтобы получить ответ, надо, видимо, сравнить систему регулирования серых разбойников в доперестроечные годы с ныне действующей, но оказалось, что сравнивать не с чем.

— Пять-шесть лет назад у нас существовал специальный «волчий счет», — вспоминает начальник отдела охотнадзора Ямало-Ненецкого комитета охотничьих ресурсов Наталья Васюкова. — И поэтому при первом же сигнале от оленеводов мы заказывали авиацию и волков отстреливали. Теперь о спецсчете остались одни воспоминания. А где в таком случае брать деньги? Да еще какие! За вертолето-час в прошедшем году в разных авиакомпаниях просили от 7 до 12 миллионов рублей.

Однако я все же не склонен считать, что авиация не по зубам охотнадзору. В соседнем Ханты-Мансийске, где по своей специфике, а точнее, из-за того, что большинство пастбищ расположены в тайге и охота на волков со снегоходов не дает эффекта, все-таки нашли возможность финансировать авиаотстрел за счет средств отдела Севера администрации округа. Но и это не все.

В последние годы Госстрах отменил совхозам оплату за травеж оленей. А те, в свою очередь, упразднили премии пастухам и охотникам-любителям за уничтожение волков. Губернатор округа А.Филипенко своим распоряжением эти привилегии восстановил вновь. И вот результат. Если с помощью авиации год назад добывали 40 волков, то охотники-любители и пастухи порой «на своих двоих» сумели обезвредить 37.

А на Ямале кто-то до сих пор считает всплеск числа серых хищников локальной проблемой Ханты-Мансийска. Поэтому попытка аграриев пробить отдельной строчкой в бюджете затраты на отстрел волков в окружной Думе

не получила поддержки. И такое заблуждение обходится дорого. За каких-то полгода волки оставили рожки да ножки от полутысячного стада частных оленей в Унсельгорте. А сейчас уже нет жизни кооперативу «Мужевский» и совхозу «Горковский». Чем объясняется абсолютное отсутствие реакции со стороны пастухов, можно узнать из официального запроса в различные инстанции округа, в том числе начальнику управления внутренних дел В.Погорелому, депутата Государственной думы Ямало-Ненецкого округа Е. Ямру.

«За последних два-три года на территории оленпастбищ и маршрутах каслания в связи с резким ростом числа хищников — волков, медведей, росомах, значительно увеличилось количество травежа и отходов как общественного, так и личного поголовья оленей... К сожалению, пастухи на сегодня оказались безоружными перед стаями хищников, т.к. несколько лет назад у них повсеместно милицией было изъято выданное совхозами на эти цели нарезное оружие — карабины, малокалиберные винтовки. Значительная часть оленеводов и охотников ввиду отсутствия достаточного заработка неспособна приобрести оружие за свой счет».

Между тем границы бесчинств хищников раздвигаются все дальше. Они охватили уже Якутию, Ненецкий округ и Таймыр. За 97-й год «волчий аппетит» на российском Севере измеряется 8—10 тысячами тонн оленины. Но помимо этого есть опасность получить «подарок» в виде коварных болезней, возникающих от перенасыщенности зоны тайги и тундры «санитарами». А значит, ситуацию можно назвать чрезвычайной. В одиночку с ней региону уже не справиться. Нужна финансовая помощь центрального правительства, для того чтобы реанимировать прежнюю систему регулирования численности зверя. А на местах в рамках далекого от совершенства закона найти возможности обеспечить охотников и оленеводов оружием через совхозы и сельхозкооперативы. По крайней мере в добрые старые времена эта практика уже была и себя оправдывала.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Животный мир Ямало-Ненецкого автономного округа довольно разнообразен.

В зоне арктической и типичной тундр обитают дикий северный олень, белый песец, полярный волк, росомаха, заяц, горностай. На побережье Карского моря и островах — белый медведь, моржи, кольчатая нерпа, морской заяц, белуха. В летний период гнездится более 70 видов птиц.

В лесотундровой и таежных зонах животный мир еще богаче. К типичным тундровым видам добавляются представители тайги: лось, белка, соболь, бурундук, выдра, боровая дичь.

Земноводные и пресмыкающиеся состоят из остромордой лягушки, серой жабы, сибирского углозуба, живородящей ящерицы, ужа и обыкновенной гадюки (крайний юго-восток округа).

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ПО ГУСИНЫМ СТАЯМ

В ноябре 1997 года животный мир Ямало-Ненецкого округа пополнился овцебыками. Спустя год с Таймыра «прилетела» еще одна их партия. А из Ульяновской области — 7 бизонов. Надо сразу же сказать, что в пору экономической разрухи эти покупки были восприняты неадекватно. Кто-то говорил, что «администрации, видимо, некуда девать деньги». А кто-то стал откровенно пугать тундровиков прожорливостью новоселов. Те вначале уши развесили. И только потом разобрались, что овцебыки и бизоны оленям не конкуренты. Питаются они не ягелем, а травой. В общем, все ясно. За исключением того: приживутся ли животные в арктических широтах? И в каких целях огород городили?

На мой взгляд, более компетентно, чем председатель комитета по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Ямало-Ненецкого округа С.Ширшов, на них никто не ответит. Тем более что инициатором идеи и осуществления переселения был он.

— Ну, во-первых, решение приобрести этих реликтовых животных пришло не с бухты-барахты. Ямал когда-то был их родиной. Этот факт подтверждается находкой черепа овцебыка в районе реки Мессояхи. Исправить ошибку природы, вычеркнувшей из списка «коренных жителей» ямальского Севера, взялась наша служба. И в этом нет ничего удивительного. Ведь если бы когда-то, при советской власти, специалисты охотоведения не занимались восстановлением соболя, уничтоженного почти полностью в царской России, то сегодня он остался бы только на картинках.

Работа по овцебыку отнюдь не ограничивается его возвращением в места ареала его обитания в далеком прошлом. Наряду с вольным просматривается вариант полувольного содержания животных, то есть в фермерских хозяйствах. Как показывает опыт Канады, Норвегии, от овцебыков можно получать прижизненную продукцию. Да еще какую! Речь идет о пухе. Он ценнее пуха ангорской козы. Один килограмм стоит 2 тысячи долларов. С одного животного начесывают порядка двух килограммов этого полезного для здоровья человека «утеплителя».

Если по какой-то причине овцебык не может участвовать в процессе воспроизводства стада, есть смысл его использовать в качестве охотничьего трофея. Кроме того, мясо животных вполне подойдет для стратегического запаса. А точнее, его можно пускать для питания моряков, пограничников и вообще северянам. Напомню, что в среднем вес животного составляет ни много ни мало 400 килограммов.

В целях безопасности для жизни наших новоселов в Байдарацкой тундре создан государственный заказник. Но как благосклонна судьба оказалась к одним, так угрожающе несправедлива обещает быть к другим. Я веду речь о стерхах. Председатель комитета показывает мне документы, суть которых сводится к тому, что редчайших в мире журавлей с Куноватских болот в буквальном смысле слова выжила хозяйственная деятельность человека, а

точнее, лесозаготовители. Часто в качестве их предводителя выступает некий Сагайдак, который не мытьем, так катаньем добивался разрешения попасть в государственный заказник и рубить там реликтовый кедр. Это несмотря на то что в последнее время комитет никому не разрешает выход на Куноват. Сейчас согласовывается вопрос с «лесовиками» из Шурышкарского района. Для того чтобы остаться на заповедной территории и не переезжать на реку Логась, используются самые различные уловки. Осенью 1998 года, сославшись на раннее льдообразование и поломку двигателя на катере, лесозаготовители снова остались на Куновате. И значит, под видом санитарной рубки, как прежде, будут валить здоровый строевой лес, не уставая повторять, что работают они зимой, а стерхи прилетают весной. Но при этом почему-то забывают, что сплав леса идет именно весной. И какофония звуков, начиная от рева двигателей катеров до лая собак и голосов людей, отпугивает птиц. В результате случилось то, что должно было случиться. Из нескольких пар стерхов на Куноват прилетает теперь только одна. И что самое непонятное и удивительное — за преступление перед природой никто не понес наказания.

«Охотничий комитет» является помощником Института экологии России, участвует в подготовке мероприятий по защите животного мира. За счет экологического фонда проводится кадастровая оценка ресурсов. Иными словами, делается попытка установить, сколько на территории Ямала обитателей тех или иных видов животных и птиц.

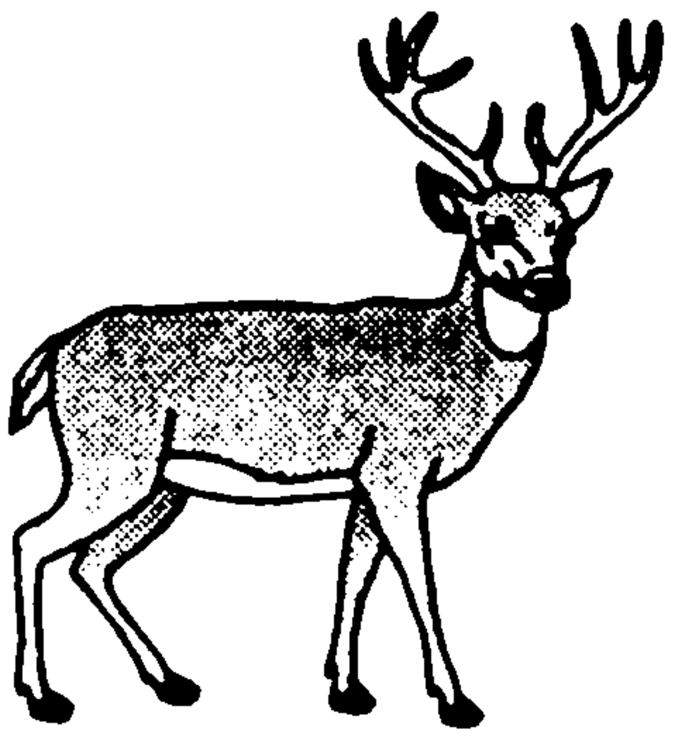
Эти данные позволяют правильно регулировать численность птиц. А главное — кадастр даст возможность смело «выщелкивать» ущерб с фирм и организаций, работающих на Севере.

На общее состояние животного мира в округе особенно пагубно влияет нефтегазовый комплекс. В том числе огромный урон наносит строительство буровых и прокладка трубопроводов. Большинство из этих объектов по-

является без согласования с природоохранными службами, и в том числе с комитетом.

На этом фоне, конечно, меньше вреда причиняют браконьеры. Но причиняют.

Особенно опасными для проживания дикого зверья являются территории Красноселькупского и Пуровского районов. Большая их площадь, дороговизна авиатранспорта не позволяет охотинспекторам держать ситуацию под контролем. И браконьеры в этих районах стреляют по гусиным стаям на пролете. Истребляют соболя. На полуострове Ямал «гуляют» воркутинцы. В Казыммысе объектом хищнического отстрела является лось. В минувшую осень комитет был вынужден откомандировать в границы поселка катер с егерями. И это была не демонстрация силы, а напоминание тем, кто в природе видит только источник удовлетворения своих интересов, что ее обитателей охраняли и охранять будут.



ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЛЕТ

Повесть

Когда куропатка на своих лохматых лапках начинает проваливаться в снегу, утрамбованном и сбитом за зиму ветрами до бетонной крепости, — значит, пришла на нашу землю, к берегам Ледовитого океана, весна. Она еще хрупка, как тальниковая веточка. Наступишь — сломается. В иные годы уже из сугробов живой, позванивающей струей потекут ручьи и на стелющихся карликовых березках появятся почки в серебристом пушистом одеянии, а тут мороз и пурга. И снова нежится зима на Севере, гонит по обледенелой, как лакированной, тундре снега. И начнут метаться в поисках спасения звери и птицы. Куропатка с высоких мест спустится в лога и распадки речушек, где можно напиться никогда не замерзающей болотной воды и распластаться на мягких пуховиках еще как следует не тронутого солнцем снега. Но день настанет. Небо прояснится. И от солнца, плывущего высоко над горизонтом, волнами начнет наступать на тундру тепло. От земли его еще отбивает холодный воздух снегов, и поэтому тепло пока только ласкает верхушки кустарников. Но это сигнал к пробуждению. Задубевшая, смерзшаяся за зиму кора начинает темнеть, расправляться, и в ее трещинках появляются светлые, как слезы, капли живительных соков.

Вода, от морозов загустевшая и своей чернотой напоминающая деготь, на глазах светлеет и становится второй половиной голубого сияющего шара, в который заключен сейчас весь окружающий мир. Но настоящим барометром наступившей весны и устойчивого тепла служат птицы.

Вначале вдали покажутся несколько темных точек. По-

степенно увеличиваясь в размерах, они примут очертания гуменников — отчаянных гусаков, с полосатыми, будто морская тельняшка, животами. Вслед за смелыми разведчиками начнут прорываться к Северу все новые и новые клинья гусей. И если первые идут под самыми небесами и ведут себя настороженно, то эти радуются прибытию в холодную, но привольную тундру. И круглый день над нашей землей летят песни: «Га-аг! Пи-пи-и! Тюрл-ли!»

Старый Варкаи, дрожащей рукой поглаживая суковатый посох и сомкнув в лукавом, радостном прищуре глаза, шепчет:

— Вот и вернулись, мои родные, обратно, на землю своих предков...

— Чудишь, дед. Какие у птиц могут быть предки? — возражает внук.

— Ростом ты вымахал с хорей и учен, конечно, но если думаешь, что у птиц и зверя не бывает предков, значит, обидели тебя — не дали ума. Помни. На свете всему есть начало. Траву и деревья родит земля. Человека — человек. Зверя — зверь. Но из всего появившегося на свете сильнее всех человек. У него машина, самолет и ружье. И если быть безрассудным, то можно птичьи косяки выбить, ягель вытоптать, речку оставить без рыбы. Однако предки говорили мне, что этого не должно произойти, ведь мало того, что человек сильнее, он и умнее всех.

Все это вспомнилось Алексею в вертолете, который вот-вот должен был приземлиться в Ярах — родине деда Варкаи.

Домик старого Варкаи стоял на самом краю поселка. Зимой к нему вела едва заметная тропа. На ней было больше песцовых следов, чем человеческих. Ленясь ходить по глубокому и мягкому снегу, белошубые зверьки с охотой пользовались ею, забредая в окрестности. И Варкаи не пугал их. У него, всю жизнь обитавшего в глухих уголках тундры, даже теплее становилось на душе, когда стремительно и мягко, будто тени, рядом проносились песцы. Но весной тропа превращалась в дорогу — широкую, торную. Ее про-

бивали к домику охотники, потому что хозяин считался непревзойденным мастером выстрагивать чучела уток и гусей.

Вот и на этот раз крыльцо и завалины были превращены в мастерскую. Сбросив малицы, мужчины сосредоточенно корпели над манками и отдавали их на суд Варкаи, который либо браковал изделия совсем, либо ножом с однобокой заточкой ловко, в два-три приема, исправлял погрешности. Или, сбросив с коленей желтую пену стружек, принимался рассказывать охотничьи истории. В этот раз Варкаи сидел в качестве слушателя и корчился от смеха.

— ...Захотел по нужде и побрел в кусты. А я, значит, в скрадке сырые портянки выкручиваю. Вдруг слышу страшный вопль: «Ой-ой-ой! Бей! Бей ее! Какого черта вылупился? Ой!» И я, как был в одном сапоге, так и вывалился из скрадка. Чешу напрямик через кусты, да, оказывается, с тыла зашел. Прямо на меня заголенное мягкое место Саварки, а на голове его — вцепившаяся в шапку сова...

Алексей, подошедший к дому незамеченным, выдал себя громким смехом. И старый Варкаи бросился к нему и сгреб его в объятья.

На столбе, а точнее, на большом брезенте, застелившем истоптанный и заваленный стружками снег, скоро появилась дымящаяся оленина, куски внутреннего, с красными прожилками жира, и самое главное — нельма. Из нее взялся готовить строганину сам Варкаи. Он острым и узким, как шило, охотничьим ножом вначале аккуратно срезал пласт кожи со спины, потом с живота. Затем провел рукой по бокам рыбины, согревая ее, и, убедившись, что кожа отмякла слегка и повлажнела, надрезал чешую у самого хвоста и, наткнув ее на нож, потянул на себя. С шипением, похожим на перегревшуюся кольчугу, слегка оголил желто-красный жирный бок нельмы. Сглотнув слюну и откровенно любуясь работой деда, Алексей подумал, что он все такой же умелый и сильный. Вот только левая рука пару раз соскользнула с рыбины в тот момент, когда Варкаи стал тонкими завитушками строгать мороженую рыбу.

Но тому была другая причина. На руке не хватало трех пальцев. Таким пришел дед с фронта.

Гости разошлись глубокой ночью. Охотники интересовались — окончил ли учебу Алексей и надолго ли приехал к деду? Здоровяк Саварка после рюмки спирта вдруг обнаружил в себе тьму болезней и просил молодого доктора его посмотреть. Алексей вначале ссылался на свою неопытность, но потом, чтобы не обидеть старика, обещал на днях заглянуть к нему.

Наконец дед и внук остались одни. Варкаи включил «Спидолу», на корпусе которой на блестящей пластинке красовалась надпись: «Варкаи Лыдаковичу Лаптандеру за добросовестный труд от дирекции совхоза». По сердцу Варкаи пошла теплая волна, и он задумался о чем-то своем. Замер на пороге маленькой комнатушки и Алексей. После долгой разлуки она казалась теперь какой-то родной. Слева от порога на стене висел пояс-тосма, иметь который посчитал бы за честь каждый тундровик. Алексей слышал, что за него деду отдавали упряжку оленей. По широкому полю из черной юфти бежали фигурки, а точнее, вылитые из меди силуэты оленей. Каждый из них пунктиром очерчивали шляпки стреляных мелкокалиберных гильз. В полумраке комнаты медь теплилась мягким светом. Слева от массивной пряжки висел аккуратный пенальчик для точила. От него бахромой по нижнему краю тосмы тянулись волчьи и медвежьи клыки, говорившие о доблести охотника и, по старому ненецкому поверью, спасавшие его от болезней спины. Но главным украшением тосмы, конечно, являлся нож с ножнами. Вырезан он был Варкаи из мамонтового бивня. По желтому, до блеска отшлифованному боку ножен сияющим орнаментом лежали коричневые с прожилками из голубоватой слюды камушки. Их дед разыскал на оленьих тропах Полярного Урала. Огранил, как сумел, затем, просверлив костяную крепость ножен, вставил туда камушки и залил осетровым клеем. Ручка ножа была украшена скромнее, во всю высоту ее тянулась цепочка узоров в виде оленьих копыт. Такой отпечаток оставило на кости раскаленное клеймо. Плоская, с

легким закруглением и небольшим набалдашником на конце, рукоятка удобно ложилась на ладонь. И венчала это произведение искусства затейливая костяная цепочка, которой ножны крепились к тосме.

С пояса взгляд Алексея переметнулся на большую фотографию. Она висела посередине противоположной стены. С пожелтевшего, местами покоробившегося листка смотрели на него двое — мужчина со сброшенным с головы совиком малицы и женщина, тоже в малице, подпоясанная свитым наподобие кушака цветастым платком. Кое-кто, глядя на фотографию, недоумевал, почему эта женщина одета не в расписную ненецкую ягушку, как обязывает традиция?

Потому что была она зырянкой. Или коми, как уважительно теперь называют представителей этой национальности. На родине ее, у берега реки Кары, зимнее и летнее одеяние женщины — малица. И сколько бы ни предлагал своей жене Варкаи оленью доху, она отказывалась.

— Это мы с бабушкой на фактории Той-Яха, — неожиданно прозвучал сзади голос Варкаи.

Алексей оглянулся на деда. Фигура осталась прежней. Только разве плечи чуть ссохлись и ссутулились. А над лицом время поработало основательно. Перечеркнули лоб глубокие морщины, и, будто схваченная невидимыми живульками, некогда тугая кожа на щеках собралась в две дряблые складки, а жесткие, негнущиеся волосы окончательно поседели и точь-в-точь походили на щетку оленя, так называют ненцы проволочной колючести оленьи волосы, обрамляющие точеные копыта.

Варкаи понял, о чем думает в эти минуты внук, а поэтому спросил:

— Или не похожу? — Не было в голосе старого ненца, прожившего свои шестьдесят лет по суровым законам тундры, ни мольбы, ни заискивания. И внук, хорошо знавший характер деда, обманывать его не стал:

— Почему? Ты и есть ты. Только изменился.

— Сильно изменился, добавь. Но, — глаза Варкаи хитро прищурились, и блеснул в них озорной огонек. —

Хотя годы ушли, я помню себя еще ой каким молодым, — сказал и смолк дед.

Алексей подумал: сейчас будет рассказывать. Но Варкаи, постелив внуку, занялся своими делами. Нарубил мелко охапку тальника, привезенного накануне на собаках, чтобы утром затопить кирпичную печь, сложенную по его просьбе совхозным печником. Долго занимался чучелами. Старые, изрешеченные дробью, с обломанными носами, приготовил для ремонта. После этого собрался уже ложиться, да вспомнил, что не кормлены еще собаки. Вынес им таз с едой и присел рядом на завалинку. Четыре молодых, рослых кобеля, пушистых и спокойных, не обижали рыжую гладкошерстную суку, хотя она постоянно норовила вырвать из-под их носа кусок побольше. Варкаи одобрительно смотрел на псов. Нахальство Пуро действительно простить было можно, ведь в конуре ее дожидалась целая свора щенят. Варкаи не запрягал Пуро в упряжку почти всю зиму. По установившейся привычке, когда еды в тазу не осталось, он подозвал к себе ездовых псов, вычистил слипшийся между когтями их лап лед. И только тут, к своему огорчению, заметил, что шерсть у Пуро стала сворачиваться в сосульки. Ненцы знают, что бывает это только в двух случаях: когда собака страдает от недоедания или когда еда ей не идет впрок. Варкаи внимательно посмотрел на старую собаку и невольно вспомнил взгляд внука.

Алексей давно сладко спал. Варкаи, чтобы не разбудить его, осторожно вытянул из-под дивана раскладушку и пристроил ее в кухне рядом с печкой. Торопливо и блаженно вытянулся под одеялом, но спать не хотелось. Пятно фотографии, белевшее в глубине комнаты, будто притягивало к себе и заставляло вспоминать.

* * *

В общежитии, разгороженном на две половины фанерной стенкой, стояло четыре кровати. Миновав маленький коридорчик и кухню, Алиса очутилась у себя. Шумно ду-

нув на подвешенные к потолку и до сих пор не снятые после новогоднего праздника бумажные снежинки, она в одежде упала на кровать. И, несколько раз качнувшись на панцирной сетке, задрав подбородок, взглянула на подругу. Но та, казалось, не заметила ее.

— Татьяна, не будь Бабой Ягой.

— Ну, что тебе?

— Появился в нашем захолустье новый доктор.

— А начальник экспедиции как же?

— Сама еще не решила.

— Ну-ну.

— Что ты занукала? Или мое поведение тебе не нравится и скоро о нем вопрос поставишь на комсомольском собрании?

— Может, и на педсовете кто-нибудь поставит.

— А о чем речь пойдет?

— Наверное, о моральном облике уважаемой учительницы русского языка и литературы.

— Не растеряюсь. Найду, что сказать. Как там у поэта?

Ты, девчоночка, ищешь доблести
Здесь с учительским ремеслом.
Эх, зачем только, ненцы добрые,
На край света вас занесло?
Шар земной — большая катушка —
Очень медленно дни накручивает.
Ты целуешь во сне подушку,
Обнимаешь белыми ручоньками.

Вот так-то. И целовать здесь даже некого.

— Как это? А начальник экспедиции?

— Доктор моложе и симпатичнее. Появится еще кто-то, и с ним целоваться буду!

— Странная у тебя, Алиса, философия. Тебе лишь бы мужчину. Но как без разбору, уж не говорю — как без любви, можно?

— Дура ты, Танька. В этой глухомани, пока мы отрабатываем диплом, состаримся. А кому такие на Большой земле нужны? А замуж и тебе, наверное, хочется, только когда

каждую из нас свой принц разыщет? Вот и решила я разведку боем сделать. Не повезет на одном — за другого выскочу. И вся тут философия.

И Алиса, бросив взгляд на ее сгорбившуюся фигуру, замолкла. Явное недовольство подруги не смутило Алису. К этому она успела привыкнуть. Но каждый раз после такой перепалки на какое-то мгновение к Алисе приходило просветление. И она как бы со стороны смотрела на себя.

«Чем я не невеста или жена? — думалось Алисе. — Пусть ростом не вышла, а выгляжу ладно. И груди, и ножки ничего. Или, как говорится, всё при мне. Но, может быть, действительно, Алиска, надо остепениться? Вот ведь живут Танька и другие девки себе спокойно. Кого-то ждут, о ком-то думают. А ты распутством занялась. За это действительно могут не погладить. Сейчас уже поселковые бабы с ехидцей на тебя поглядывают да перешептываются. — Вдруг другой голос, голос той Алисы, что пялила на мужиков свои нахальные зеленые глаза и при разговоре на эту щекотливую тему в карман за словом не лезла, возразил: — Пусть перешептываются, несчастные, если за мужиками уследить не могут. Не умеют их приручить так, чтобы они, как ниточка за иголкой, за ними следовали. А ты умеешь. Глазами разожжешь, пухлой рукой небрежно локоны свои поправишь. И жмурится мужик, будто ты его волосы ласкаешь. И другое. Мужик, он не чурка безглазая. Видит, что ты со своим учительским окладом каждый день в обновках ходишь. Значит, в портновском деле мастерица. И хозяйка из тебя получится что надо».

— Э-эх! А вот он не видит, — вырвалось вслух у Алисы.

— Потому что ему не ты, а услада нужна, побалуется и выбросит, как пустышку, — вдруг донеслось от стола.

— А я уже сегодня вопрос поставлю ребром, — стремительно соскочив с постели, заявила Алиса.

— Значит, снова к начальнику?

— К нему.

— Будешь ночевать?

— Не знаю.

* * *

Владимир Михайлович Соснин, начальник Яхинской нефтегазоразведочной экспедиции, был дома, а точнее, в небольшом, но уютном номере гостиницы. Ноги его тонули в мягкой шерсти медвежьей шкуры. Он боялся ненароком пролить на нее кофе, который с фырканьем вырывался из рожка маленького чайника, и подставил под него тарелку. И все же несколько капель упали как раз туда, где на груди медведя, как солнечный зайчик, красовалось белое пятно, но и это не могло испортить настроение очень аккуратного Соснина. Закинув ногу на ногу, он поудобнее уселся в кресле и жадно, по-звериному раздув ноздри, некоторое время втягивал в себя нежно-горьковатый аромат кофе. Затем стал маленькими глоточками отпивать его из керамической крохотной пиалы и думать о том, что особенно поднимало его настроение в тот день.

Несмотря на аварию на одной из буровых, экспедиция все же с планом пяти месяцев справилась. Накануне почти неделю не отходил Соснин от рации. Начальник ее, шутя по этому поводу, заметил: «Вам бы сюда, Владимир Михайлович, и раскладушку поставить».

Аварию устранить не могли в течение трех месяцев. Генеральный директор объединения Шибанов, смирившись с этим, как-то сказал Соснину: «Брось ты с ней возиться. Выговор получил и довольствуйся. Пусть стоит до тепла, а пока разложи план на остальные бригады и жми на них».

Чего-чего, а требовать Владимир Михайлович умел. Впрочем, никто на него не был за это в обиде, потому что ему, начинавшему с низов, секреты бурения были знакомы до тонкостей.

Представив себе аварийную установку, с которой, как с оплавленной свечи, свисали огромные сосульки, где безжизненно, под толстым слоем льда, стояли механизмы, он все же решил вдохнуть в них жизнь. В ущерб другим бригадам выдал на ремонт буровой все самое необходимое и дефицитное, и, как от сердца оторвал, легкий, но надежный «ГАЗ-71», вездеход, служивший ему для поездок по

буровым и в районный центр. Отдавая бригадиру машину, Соснин пообещал: ликвидируете аварию, выговоры сниму, а вместо них выдам премии. Люди старались вовсю, зная слово Соснина, и уже через три недели радист, сияя, вручил ему радиограмму: «Аварию ликвидировали тчк Начали проходку тчк». Об этом сообщении Владимир Михайлович запретил говорить кому-либо, надеясь на то, что в момент связи из-за помех на соседних буровых радиограмму могли не расслышать. Он хотел, чтобы, настроившись на выполнение повышенного задания, бригады не расслаблялись. И маневр удался. Благодаря этому, а также при помощи вышедшей из аварии буровой экспедиция план выполнила. И сегодня, впервые за долгое время, вечером Соснин был не на рации, а дома.

Смакуя кофе маленькими глотками, он прислушивался к шагам в коридоре и думал: «Придет или нет?»

В свои тридцать лет Владимир Михайлович считал, что уже достаточно хорошо изучил психологию женщин. Поэтому после близкого знакомства с Алисой тоном, не допускающим возражений, потребовал, чтобы она пришла к нему сама.

— А моей ноги в твоем общежитии больше не будет.

— А если я не подчинюсь, значит, между нами все кончено? — спросила Алиса.

В ответ Соснин только хмыкнул. Мол, как хочешь, так и понимай. Дойдя в воспоминаниях до этого момента, Владимир Михайлович уловил стук уличной двери. Кто-то вошел в сени, но дальше, словно выжидая, не проходил. Наконец послышались осторожные и торопливые шаги по коридору. Соснин отвернул задвижку на комнатной двери, и в объятия к нему юркнула из коридора Алиса.

— Что, бессовестный, дождался, сама к тебе ходить стала? — смущенно и вместе с тем с желанием глядя на Соснина, выпалила Алиса.

— Сразу же и выговорила, — притворно обидчиво бросил Владимир Михайлович и помог ей снять пальто. Затем

щелкнул выключателем. Отыскав в темноте теплые и влажные губы, стал целовать.

Сухое вино Владимир Михайлович шутливо приказал подать в постель, а когда Алиса оказалась рядом, спросил:

— Ну, что слышала?

— Не получается из меня, Соснин, разведчицы. Потому, наверное, что я ровно ничего не понимаю в твоих гусях.

— Ну, хоть названия мест запомнила, куда собираются старики?

— Нет. И что тебе только эти гуси дались?

— Не мне они нужны, — раздраженно бросил Соснин, — а товарищам сверху. Понимаешь?

— Снова не понимаю.

— И какой эти бабы бестолковый народ. Запомни, успех всякого производства зависит от материально-технической базы. А у нас вечно то того, то другого не хватает. На прошлом совещании мне удалось познакомиться с одним ответственным работником министерства. Невидный такой, весь в прыщах, а одет модно. Джинсы с «молниями», пиджак велюровый. Подошел он ко мне и обращается, как к старому знакомому:

«Ты, старик, с Севера?»

«Да», — отвечаю.

«Тогда у меня дельце к тебе будет. Думаю, часик-два мне вечерком уделишь?»

И хотел бы я ему отказать, да нельзя. Во-первых, он все-таки из министерства. Во-вторых, по интонации чувствую, что для него мое согласие не особо важно. Он придет без приглашения.

В общем, встретились. У Игоря была бутылочка, и у меня кое-что нашлось. Сидели почти до полуночи. Разговаривали обо всем. И я было уже подумал, что просто он рассказы о северной экзотике послушать пришел, как вдруг перед самым уходом он спросил меня: «А гуси у вас есть?» Я, помню, в глупой улыбке рот растянул: «А как же!»

И тут Игорь сбрасывает свой плащ и выуживает из

своего кармана, знаешь, такую, похожую на фляжку, удобно помещающуюся в кармане, двухсотпятидесятиграммовую бутылку коньяка. Разливаю я коньяк по стаканам и смотрю, что глаза у Игоря, как фосфорные, — так и горят.

«Устрой мне, Володя, охоту. А за это что хочешь проси».

«Ну что ты, Игорь. Охоту устроить — пустяк. А запросы у меня гигантские. И сможешь ли их удовлетворить — просто сомневаюсь», — подзуживаю я. А он, как это бывает у молодых, петухом кукарекает. Грудь свою выпятил. Пот с красного, угреватого лица стирает. И наступает на меня.

«Не смотри, что я только начальник отдела, зато отец мой всем материальным снабжением министерства руководит».

Тут я по-настоящему понял, что нечаянная встреча мне действительно может оказаться полезной. И молчу, обдумываю, с чего бы начать, что в первую очередь выпросить. А он мне сам предлагает:

«Можно добиться выделения нескольких вездеходов или тракторов, двух-трех новых буровых станков. Решится вопрос с такими дефицитами, как электростанции. Да и, поди, самых обыкновенных брезентовых верхонок в твоем хозяйстве не ахти как много?»

Я согласно киваю головой. И прикидываю, что если только это богатство действительно отгрузят, то оно до экспедиции не дойдет. Непременно осядет в объединении. Поэтому прошу, чтобы все было направлено к нам централизованно. На том и порешили. Допили остатки. И я пьянеть от радости перестал. Игорь снова засобирался домой, но вижу, не дойти ему, и чуть ли не насильно заставил его ночевать у меня. Уснул я быстро, но вдруг чувствую — тормошат. Открываю глаза, рядом на корточках Игорь сидит, и так ехидно улыбается.

«Вижу, — говорит, — здорово ты обрадовался и забыл спросить меня, почему я именно на гусей хочу охотиться, и причем не на гуменников, а на краснозобую казарку».

— Кого? Краснозобую казарку? — приподняла Алиса с подушки голову. — Но ведь она в Красной книге!

— И я ему про это. А он: «Бог не выдаст, свинья не съест. Ты, надеюсь, знаешь укромные уголки, где она проходит весной? Вот там мы и будем охотиться. А почему я именно казарку решил стрелять? Потому что в каком-то журнале читал, что этот гусь доверчивее любого другого. И подлетает к человеку близко. Вот я с них и начну. Ведь, по правде говоря, об охоте я только мечтал, а бывать еще не приходилось. А хочется пострелять по летящим мишеням. Что ты молчишь? Или передумал и с материально-техническим снабжением у тебя все в порядке?»

— Но он же изверг! — не могла не возмутиться Алиса.

— Почему? Я тоже люблю стрелять по летящим и бегущим мишеням. Кажется, всю злость, скопившуюся на работе, в них вколачиваю.

— Значит, ты согласился на это убийство?

— Не убийство, а охоту.

— Не охоту, а браконьерство.

— Ну и что? Зато буквально вчера получил телеграмму, что централизованным порядком в адрес экспедиции уже направлен груз. Будет горючее, транспорт, трубы и станки, значит, в газетах о нас писать будут, а то с этой аварией и слова доброго о себе не слышим.

И, не дав Алисе раскрыть рта, Владимир Михайлович снова поинтересовался:

— Ну, хорошо, ты не запомнила мест пролета гусей. Тогда хоть знаешь тех, кто у этого старика на посиделках был?

— Да много их было, — нехотя ответила Алиса. — Из Омты слова клещами не вытянешь. Сэроко тоже молчун. А вот Тумба Окотэтто, тот знает и наверняка сказать может, если найдешь подход к нему.

Ну и хватит об этом, — заключила Алиса и своими влажными губами впилась в губы Соснина. Прильнула к нему и, тут же отпрянув, спросила: — И долго мы так будем? Крадучись. Тайком. Между прочим, — заметила она предостерегающе, — тебя неправильно понять могут. Да и

за меня, того и гляди, возьмутся. Учителя, они, брат, народ серьезный.

Соснин хотел этот, в который раз уже возникающий, разговор перевести в шутку, но Алиса настаивала на своем. И он, чтобы не портить себе настроения, а ее успокоить, пообещал, что к осени оформит развод с женой.

Этого было достаточно, чтобы Алиса присмирела и, пригревшись, уснула. А Соснин ворочался. «Слова словами, — думал он, — а отношения действительно зашли далеко, и надо что-то делать». Порывать с женой, которая, живя за тридевять земель, конечно, ни сном, ни духом ничего не знает, Владимир Михайлович не торопился. Во-первых, зная свой характер, он чувствовал, что стоит только ему оказаться рядом с женой, как он сразу же забудет Алису. Во-вторых, сын и дочь. Детей он любил и не представлял, как будет существовать без них. Так и не придя к определенному выводу, Соснин уснул.

А ранним утром Алиса, вертясь у зеркала, спохватилась:

— Забыла совсем. Был там еще молодой, такой симпатичный парень. Это внук Варкаи. У нас в поселке он будет врачом.

Соснин перестал завязывать галстук и внимательно взглянул на Алису, будто видел ее впервые.

— И он тебе понравился?

— Чего болтаешь, Володя? Я перебежчицей быть не собираюсь.

Но Соснин уже не слышал ее. В его голове рождался план, как избавиться от этой навязчивой девицы. И, вновь обретя приподнятое настроение, он, неслышно открыв дверь, легонько вытолкнул Алису в коридор.

* * *

Таясь, дальней окраиной, Алиса пробиралась к своему общежитию. В домах горели редкие огоньки. Освещенным было окно Варкаи Лаптандера.

«Будто и спать не ложились», — подумала Алиса.

А Варкаи действительно не ложился. Большая фотография на стене растревожила его и возвратила в далекое прошлое.

Отца Варкаи помнил плохо, потому что умер он, когда мальчишке минуло только пять лет. Кроме чума, он другого имущества не оставил. А человек в тундре без оленей — самый последний бедняк. И, поглаживая по голове притихшего Варкаи, мать, вероятнее всего, успокаивая себя, говорила:

— Ничего, Варкаи. Скоро возьмешь ты отцовское ружье и научишься стрелять. А потом выследишь на берегу нашего моря зверя. И мы досыта наедимся мяса.

Насчет ружья мать после этого не заикалась, а вот отцовские пленки на куропаток взять разрешила. И с тех пор, как помнил Варкаи, ему голодать уже не приходилось, а мерзнуть — всегда.

Кутая свое худенькое тело в старую малицу и теснее прижимаясь к матери, он дрожал и не мог уснуть. В верхнее отверстие и дыры в нюках чума нахально заглядывали звезды, ярко разгоравшиеся к морозу, поэтому в нем было так же светло, как на улице, и так же холодно.

Чтобы чуть-чуть согреться, Варкаи поднимался с постели и бережливо, как птенца в гнезде, обкладывал слабый огонек сырыми ветками. И, скорчившись, засыпал рядом. А утром мать с сыном впрягались в нарточку и шли за дровами, если можно так назвать толщиною с мизинец ветки тала или карликовой березы. Докапываться до них приходилось долго. На берегах ручья, где обычно рос кустарник, ямы рыли в два материных роста. Вспотевшие, они не давали себе отдыха, потому что ямы моментально заносило снегом. Если наконец добирались до веток, Варкаи по спине матери поднимался наверх, и она подавала ему вязанки.

Часто при сильном ветре мать усаживала сына на вершину воза и заставляла во всю ширину расправлять малицу. Толкая малыша в спину и надувая, как парус, подол

одежды, ветер быстро гнал по обледеневшей тундре нарточки.

Однажды, когда исполнилось Варкаи шестнадцать лет и он уже ни под каким предлогом не брал с собой за дровами мать, она все же уговорила его, ссылаясь на то, что погода стоит теплая, и в конце концов заготовка дров в тундре — дело женское.

Вышли Лаптандеры в путь спозаранку. Добрались до ручья и уже выкопали яму, как поднялся ветер. Он повернулся и покатил нарточки, чуть не сбив с ног Варкаи. Мать снизу прокричала, чтобы он спускался к ней.

— Да захвати лопатку, — посоветовала она.

Когда Варкаи скатился в яму, мать укрепила свою лопатку поперек ее и набросала сверху веток. Вскоре на ветки наносило снега, и, спрессовавшись, он, как крышка, захлопнул яму. Варкаи поинтересовался:

— Зачем здесь место занимает вторая лопатка?

— А как ты вылезешь, если сверху навалит снега? Но пока она нужна нам для других дел. Чувствуешь, как в яме стало душно? Концом лопаты теперь надо продырявить потолок.

Варкаи поднял лопату над головой и, когда хлынул из отверстия холодный воздух, повернулся к матери.

— Сейчас садись, садись, — успокоила она сына. — И слушай, не стихает ли метель.

Но потемнело отверстие, а ветер бушевал по-прежнему.

— Придется нам с тобой оставаться в куропачьем доме, видно, до утра, — решила мать, и, придвинувшись к Варкаи, участливо спросила: — Наверное, есть хочешь?

Не дожидаясь ответа, протянула ему кусок вареной куропатки, хранившейся в узелке за пазухой.

Съев его, вскоре Варкаи почувствовал, что хочет спать, и намеревался уже поудобнее расположиться, но опять вмешалась мать.

— В куропачьем доме спать опасно, можно задохнуться или замерзнуть. А поэтому бери снова в руки лопатку,

просунь в отверстие и крути. Только так можно пересилить сон.

Сколько занимались этой работой мать с сыном, они не знали. Водянистые мозоли на ладонях лопнули, из ран сочилась липкая кровь, а они все продолжали крутить по очереди лопатку, причем мать все неохотнее принималась за это. Варкаи тормошил ее и напоминал, что спать под снегом нельзя. Сначала она соглашалась с ним, а потом затихла. Варкаи пытался поднять ее, сонную, на ноги и разбудить, а мать, как ватная кукла, валилась на бок.

На следующий день мужчины селения по лопатке, торчащей из снега, нашли их. Мать была уже мертвой, а Варкаи, как будто вынырнувший со дна озера, был насквозь мокрый, и град холодного пота катился с его лба.

Приютил осиротевшего мальчишку Лытако Окотэтто — человек оленный, зажиточный. И не случайно. Ему работника иметь давно хотелось, причем такого, которому хозяйское добро было бы тянуть некуда. Тут уж Варкаи подходил по всем статьям. Все селение видело — без работы не засидится. И кормить, одевать ему некого, но по-другому думал Варкаи. На третий день, поднявшись на ноги, он зашел в чум Лытако и спросил у него:

— Сколько я должен отдать тебе песцов?

Старик опешил. Такого он в расчет не брал.

— Десяток, пожалуй, хватит, — ухмыльнулся Тумба, сын хозяина.

Варкаи накинул совик и повернулся к нюку, но его остановил ехидный окрик старика:

— И чтобы поймал ты их к утру, иначе вором назову!

Пришлось с судьбой смириться и стать работником Окотэтто.

— Теперь слушай, парень, и запоминай, — начал тот. — Видишь, у самого входа висит палка?

— Вижу.

— Ею вообще-то сбивают снег с кисов, а мой отец учил ленивых работников. Много с тех пор времени прошло.

Сучки обломались, палка стала гладкой, но не думай, что бьет она не больно.

Тумба, развалившись на шкурах рядом с отцом, захихикал и показал язык. И хотя Варкаи еще никто не тронул и пальцем, он содрогнулся и весь ощетинился. А Окотэтто продолжал:

— Ты будешь моим охотником. Поймаешь песца — накормлю досыта. Станешь лениться — забью.

С тех пор так и пошло. Если рядом с чумом Варкаи на длинном шесте появлялась шкурка песца, которую он вывешивал для того, чтобы ее холодное зимнее солнце и снег отбелили, ему приносила похлебку старшая жена Окотэтто, а в случае неудачной охоты сидел Варкаи на одном чае, но с палкой к нему никто не подходил.

Побаивались своего работника отец с сыном. И, наверное, не случайно. Через две зимы в нем никто не мог признать прежнего Варкаи. Длинная, прежде волочившаяся по снегу малица теперь едва доходила до колен и трещала на плечах, а кожаная отцовская опояска только подчеркивала стройность его фигуры. Стрелял Варкаи без промаха и настораживать пасти на песцов научился тоже. Но всякий раз, забирая от него шкурки, жена Окотэтто говорила, что добывает он мало и хозяин им недоволен.

Варкаи в ответ усмехался, зная, что за сезон никто из охотников стойбища удачливее его не был, а в хозяине просто говорит жадность.

Из всех времен года любил Варкаи раннюю весну. В апреле ночи уже не бывает. Укутанная за зиму ветрами тундра становится тверда, как камень, и гладкий ледяной панцирь блестит на ней от края и до края. Днем он отражает в себе голубое небо, и кажется, что все пространство залито водой. Воздух становится мягким и пьянящим, и дыхание уже не перехватывает жесткий, до боли в легких, холод. Лыжи сами летят по путику. Отмахать несколько километров за день кажется Варкаи сущим пустяком. И возвращаться в свой дырявый и холодный чум совсем не хочется.

Помнится, и в тот день он подходил к стойбищу поздно. И еще издали увидел, что у чумов жен Окотэтто суетятся работники. Одни таскают к вандеям ягушки, скатанные постели и мешки, другие их накрепко привязывают. «Собрался хозяин до появления первого теленка в стаде откочевать к летним пастбищам на берегу моря», — догадался Варкаи, а подойдя к чумам поближе, увидел, что не только сборами заняты люди. У чума старика дымились два костра. В обоих булькало варево. Двое мужчин освежевывали оленя, чтобы приготовить из него айбат. «Что-то не похоже на хозяина, чтобы он для нас так расщедрился», — подумал Варкаи и тут за чумом увидел две нарты, запряженные пятерками оленей. Чьи они, Варкаи не знал, а объяснил все Тумба. Он, раскрасневшийся, вывалился из чума и, вытирая сырые от оленьего жира руки о подол округлившейся на животе рубахи, зло зашипел:

— Чего, как сармик, клыки оскалил и рыщешь здесь? Проваливай в дырявый чум и высовываться не вздумай. Не то мою невесту напугаешь.

Презрительно отвернувшись и не удостоив Тумбу даже словом, ушел Варкаи к себе. Чуть отогревшись, занес оттаивать и обдирать песцов. Возился с этим долго, но о нем будто забыли. И, чтобы получить котелок положенной похлебки, он отправился к хозяину сам.

В просторном чуме было шумно. Пахло жирным оленьим мясом и водкой. Но пьяными были только хозяин с молодой женой и Тумба. Гости, отодвинув недопитые стаканы с водкой, пили чай с сахаром вприкуску. Эта манера, их лица и одежда удивили Варкаи, однако тут же он вспомнил, что мать рассказывала ему о зырянах. Живут они по реке Каре, как раз почти в том месте, куда на лето выгоняет свое стадо Окотэтто.

— Варкаи, а-а, Варкаи, — пьяно, по-совиному выпучив глаза, уставился на него Окотэтто. — Ты что, забыл о моей палке? Ею я бью не только лентяев, но и тех, кто лезет в мой чум без спроса. Подай мне, Тумба, палку!

— Не надо, я сам.

Покраснев от натуги, Тумба едва поднялся на ноги и потянулся к палке, но взять ее не успел. Варкаи смел его с ног. Размазывая по щекам кровь, Тумба силился встать снова, а хозяин судорожно шарил по поясу руками, отыскивая нож. Голосила его жена. И Варкаи ожидал, что с минуты на минуту нагрянут работники, и тогда ему точно не поздоровится, поэтому уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг молодая гостья, которую Тумба прочил себе в невесты, поднялась из-за стола.

— Ты, наверное, хочешь есть? Возьми, — по-ненецки выговорила она и подала Варкаи чашку с мясом.

Сконфуженный, Окотэтто положил на место нож, а смолкнувший на минуту Тумба снова заканючил:

— Чего ты ждешь, отец? Бери палку и бей эту вэнику до тех пор, пока не сдохнет или не пообещает, что будет подчиняться с первого слова.

Варкаи оставил миску с мясом и ушел, но через некоторое время он услышал скрип шагов, и в чум к нему вошел Окотэтто. Старик принес все ту же миску с мясом и ломти крупно нарезанного хлеба. Как будто впервые увидев нищету своего работника, Окотэтто пообещал к осени сменить на новую ею его чума и дать из своих запасов малицу, на что Варкаи неожиданно возразил:

— До осени я работать у тебя не буду, а на новую малицу и ею, думаю, уже заработал.

Поняв, что лестью парня не возьмешь, Окотэтто снова решил его постращать.

— Я обещал тебе, что разнесу по тундре весть, будто ты украл у меня десять песцов, а теперь скажу — сто. Вслед тебе плеваться будут.

За чумом снова заскрипел снег, и, запыхавшись, вошла в него девушка-зырянка. Поймав ее подбадривающую, заговорщицкую улыбку, Варкаи спокойно возразил:

— Спасли меня мужчины стойбища, а не ты. И они это, я надеюсь, подтвердят. Дальше. Кормил ты меня два дня. Просил твой сын за это столько песцов, сколько на руках пальцев, а сколько я тебе отдал?

Не успел Окотэтто еще раскрыть рта, как Варкаи выбе-

жал на улицу и втолкнул в чум три шеста. Сверху донизу они были в зарубках.

Окотэтто попятился, ведь он никак не рассчитывал, что его неграмотный бедняк окажется таким прытким.

— Так теперь ты мне, может, скажешь, кто у кого украл песцов?

Вместо ответа Окотэтто, уже стоящий у самого выхода, юркнул было под нюк, но Варкаи, ухватив его за совик малицы, рванул назад. Так же, как у Тумбы, в голосе старика появилась плаксивая нотка.

— Катенька, невестушка, успокой!

Девушка действительно что-то пыталась сказать, но Варкаи, не обратив на это внимания, тоном, не допускающим возражения, отчеканил:

— За все, что ты на моем горбу заработал, сейчас отдашь две упряжки оленей, ею и новую малицу.

Старик, окончательно напуганный и не знавший, как выскользнуть из чума, согласно кивнул. И той же ночью Варкаи уехал из стойбища. Свой чум наметил он поставить на Каре. Соседство Окотэтто его не беспокоило. Да и задерживаться надолго здесь Варкаи не намеревался. «Постою на побережье до осени, а как только спадет гнус, переправлюсь в Щучье». Туда, слышал Варкаи, какой-то русский приехал. Совет его зовут. Так вот тот Совет над деревянным чумом тряпку алую, как вымаранную в крови, повесил, но не на нее смотреть со всей тундры едут бедные ненцы, а его послушать. Говорит Совет, что на Ямале бедных скоро не будет. А еще в лавке, которую он открыл, только за одного песца дают ружье и мешок муки. И Варкаи схватился за голову, когда подумал, сколько бы он купил себе разного добра на те шкурки, которые забрал у него Окотэтто.

* * *

Облюбовав место, поставил Варкаи чум. Оленей отпустил рядом, а сам охотой занялся. Благо силки имелись готовые и куропаток на побережье хватало. Но откровенно,

за зиму надоело ему их горьковатое постное мясо, и ждал он появления гусей. Они летят над Севером, когда озера и реки еще прячутся подо льдом, и только на торфяных болотах и плешинах собкаев могут гуси найти корм.

И каждый день, пускаясь по своему пути, поглядывал Варкаи на небо, подолгу прислушивался, но, как это бывает часто, прилет первой стаи все же пропустил. Она плавно прошла над его головой. Гуси нетерпеливо ворочали головами и, наверное, узнав родные места, нестройно, будто стараясь перещеголять друг друга, загоготали.

С прилетом птиц побережье ожило. Кряканье, писк, гогот не смолкали теперь ни на минуту. Увидев, что почти рядом с чумом по бокам сухого собкая построили свои гнезда краснозобые казарки, Варкаи перегнал оленей на другое место. А птицы, понимая, что находятся в безопасности, нисколько не боялись человека. И не было для Варкаи лучшего отдыха, чем любоваться их жизнью. Увидев, с каким трудом строят себе гнезда гуси, он не ленился, ползая на коленях, нарезать для них охапки сухой травы. И за ночь они исчезали. Нравилось казаркам смотреть на костер, а если из него вырывалась и летела яркая искра, какая-нибудь из птиц непременно срывалась с места за ней. И, не найдя огонька, топталась своими черными лапами на месте. Это казалось Варкаи таким забавным, что он не мог удержаться от смеха.

Еще больше осмелели казарки, когда у них подросли гусята. Любопытные и небоязливые, те играли в свои птичьи игры вокруг чума. И Варкаи удавалось несколько раз брать на руки забавных и пушистых птенцов. Мамаши, казалось, не обращали на это никакого внимания.

Однажды, поздно вернувшись с побережья, Варкаи обнаружил, что гусята с поляны исчезли. А вместо них ходят два олененка. «Окотэтто метит по-другому, — подумал Варкаи, разглядев надрезы на ушах телят. — Чьи же тогда?»

Так и не ответив на этот вопрос, Варкаи, закрыв нюк, лег спать, но не успел и сомкнуть глаз, как рядом с чумом

услышал чей-то голос. Он показался знакомым. И тут же в чум влетела Катерина. В легкой весенней малице, с разметавшимися по плечам длинными русыми волосами, она, отыскивая в полутьме хозяев, громко спросила:

— Кто здесь?

— Я, — растерянно ответил Варкаи.

— Так все-таки кто?

— Я, Варкаи Лаптандер. Если ты за телятами, то они бродят рядом.

Потом Катерина признается, что несказанно растерялась, хотя и постоянно думала о том парне, с которым когда-то нечаянно встретилась. Он понравился Катерине. «Не то что этот жирный и ленивый Тумба, — говорила она отцу. — Тумба богатством хвалится, но оно ведь не его, а отцово. Охотник нищий, зато у него ум не чужой, а свой. Вот за такого я бы замуж пошла».

«Что ты, Катерина. У него ведь за душой ни копейки. Да и договоренность с Окотэтто полная». Катерина возражать отцу не стала, но, зная, как он ее любит, надеялась, что только стоит ей захотеть — не откажет. А Окотэтто пусть ищет для своего увальня другую жену.

Варкаи Катерина тоже пришлась по душе. Он изумился ее смелости в хозяйском чуме, когда она, нарушая ненецкий обычай, заговорила первой с мужчиной и, будучи гостьей сама, подала ему самое вкусное угощение, но окончательно покорила она Варкаи на следующий день. Вылавливая из стада для своих упряжек оленей, Варкаи услышал за спиной звонкий и задорный голос:

— Сразу видно, что охотник ты, а не пастух. К чему нужны тебе сырицы? Ваэненки, они надежнее. Выносливы, а главное, без приплода не останешься.

Привыкший полагаться на свой ум, Варкаи хотел сказать, что как-нибудь обойдется без советов, а оглянувшись, так и застыл с открытым ртом.

Рядом стояла Катерина. На опущенный совик ее малицы падали вьющиеся колечками русые волосы. Из-под узких, будто нарисованных бровей смело смотрели смею-

щиеся карие глаза. Яркие, чуть влажные губы смеялись тоже. И Варкаи, забыв о слове «стыд», смотрел на нее, не отворачиваясь, и удивлялся, как только вечером не разглядел он этой красоты.

И все же первой пришла в себя Катерина. Она распахнула шире нюк и, осмотрев убогое жилище, перевела взгляд на топтавшегося в нерешительности у костра Варкаи.

— Откуда ты здесь? — удивленно спросила она.

— Понравилось место, вот и остановился. Или кому-то помешал?

— Да кому ты можешь помешать двумя своими упряжками? Только почему к нам глаз не кажешь? Мы не кусаемся и стоим всего в трех поворотах от тебя по Каре. Поехали?

И снова Варкаи удивился. «Разве не осудят ее за то, что в стойбище из тундры приедет с незнакомым мужчиной, да еще молодым?» Словно догадавшись, о чем думает Варкаи, Катерина уверенно пообещала, что отец его знает, а до остальных ей дела нет. Так оказался в зырянском стойбище Варкаи. Потом встречались с Катериной в тундре. Обо всем сказали друг другу и решили пожениться.

— А как Тумба? — сразу же поинтересовался Варкаи. — Ведь Окотэтто учинят скандал и опозорят нас с тобой на всю тундру.

Катерина заговорщицки улыбнулась:

— Отца я давно уговорила, а все остальное я беру на себя. Окотэтто ко мне приедут свататься, когда зацветет морошка и маленькие твои гусята научатся летать. Тогда же я пошлю к тебе человека. И вот, представь, рассядутся за угощением на улице гости. Сваты начнут расхваливать Тумбу и меня, а отец покажет приданое. А я выйду и скажу, что передумала выходить за Тумбу. Представляю, что поднимется. Возмущаться будет и отец, чтобы никто не усомнился, что старый Канев отступил от своего правила быть справедливым и честным. Тогда я заявлю, что женихом назову того, кто, оказавшись со мной по колено в Каре, обмокнет мою голову в воде, то есть покажет силу и

опять же старый обычай соблюдет, ведь Кара считается у зырян самой чистой тундровой рекой, и если жениху удастся окунуть голову своей невесты в ледяную воду, то она беспрекословно становится его женой. И на многие лета вперед очищает река обоих от грехов.

— Да, — неопределенно протянул Варкаи. — А если он тебя все же окунет?

— Зачем? Тебя я вызову первым, и только ты притронешься ко мне, я не то что голову, а вся окунусь в реку.

Катерина доверчиво прижалась к Варкаи, и оба засмеялись.

В общем, вынужден был Тумба уступить Варкаи свою невесту, но при этом пообещал:

— Моя пуля будет за тобой гоняться, как палка за паршивой вэникой по всей тундре.

Поднялись с глухих тундровых озер краснозобые казарки и, с шумом рассекая воздух над чумом Варкаи, пронеслись на юг. Озера замерзли. Шипя и разбрызгивая воду, как большие пароходы, поплыли по Карскому морю льдины, а Варкаи все жил на Каре. Он ждал, когда, подобно шкурке песца, упадет на тундру белый и мягкий снег, и тогда уже точно, не боясь растрясти находящуюся в тягости Катерину, можно будет решиться на дальнюю дорогу. Впрочем, не только дальнюю, но и опасную.

Двое суток после снегопада погода стояла ясная, а наутро третьего дня окунулись в снежную карусель. И вскоре, ничего не видя впереди, Варкаи был вынужден остановить оленей. Катерина ласково приложила к его щекам свои ладони и, когда оттаял куржак на его лице, предложила:

— Сейчас пусти вперед меня.

— Почему? — удивился Варкаи.

— А потому, что ты в пурге ездить не умеешь.

Варкаи засмеялся:

— Я и сам хотел просить у тебя пощады.

Оказавшись впереди, Катерина вела упряжку, глядя не

вперед, а почему-то вниз. Так они ехали до тех пор, пока наконец мучимый сомнениями Варкаи не остановил ее.

— Вот ты-то, мне кажется, заведешь нас неведомо куда. Смотреть надо вперед, а ты под нарты уставилась.

Катерина заливисто, по-ребячьи расхохоталась. Потом посерьезнела и стала поучать:

— Если морозная темная ночь, то мы как узнаем дорогу?

— По приметным местам и звездам.

— Правильно. А теперь их не видно. Речек и озер тоже. Значит, глядеть надо только под ноги, ведь двое суток назад ветер мел по всей тундре и наделал застругов. Когда мы выезжали с Кары, я заметила, что эти снежные волны смотрели на север. Другой ветер нарежет другие заструги не раньше, чем через день. А за это время мы уже будем на месте, потому что, зная, где север, я знаю, где юг, запад, восток.

Как сказала Катерина, так и вышло. Еще не ложились в Щучьей спать, а муж с женой уже были там. Варкаи пожелал сразу же увидеть Совета. Дверь у крайнего дома оказалась открытой, и он, с опаской ступая по скрипучим половицам сеней, хотел уже войти в дом, как на пороге появился мужчина в белом фартуке. Катерина, умевшая немного объясняться по-русски, спросила:

— Ты — Совет?

Мужчина сначала не понял, чего от него хотят, а затем, улыбаясь во весь рот, объяснил:

— Нет. Я пекарь и продавец. А Совет — это следующий дом.

Варкаи постучал туда. Женский голос спросил из-за двери, кто спрашивает Совета. Потом послышался приглушенный разговор, какая-то возня, и наконец двери открылись. На пороге стоял высокий и на вид очень суровый русский.

— По какому делу? — осведомился Совет.

— Чего людей с дороги на морозе держишь? — раздался голос в глубине комнаты.

— Да, да, — сконфузился Совет. — Проходите.

Напоив гостей чаем с мягким, только что выпеченным хлебом, председатель Щучьинского сельского Совета узнал, зачем они пожаловали, и обрадовался:

— Хорошо! Значит, в колхоз хотите?

— А что это такое? — поинтересовалась Катерина.

— Мы собираем бедняков и делаем одно хозяйство, то есть одно стойбище. У кого есть олени, капканы, пасти — складываем, и всем этим пользоваться теперь будет все наше стойбище или колхоз. Каждый в нем станет получать столько, сколько заработает.

Варкаи одобрительно закивал, но тут же усомнился:

— Оленей-то у нас почти нет. Капканов и охотничьего провианта мало тоже. Сумеем ли мы большое стойбище прокормить?

— Сумеем, — заверил Совет. Глаза его загорелись. Вся его крупная и сильная фигура напряглась, обрела уверенность. Казалось, что вот сейчас Совет сорвется с места и начнет действовать.

— Пушнину, мясо и рыбу сдадим государству. А оно не купец, не обманет. Взамен мы получим муку, сахар, масло, дробь и порох. Но в главном ты прав. Чтобы ездить на рыбалку и охоту, возить грузы, нужно много оленей, а их нет. Значит, придется забрать у богатых.

— Как забрать? — не понял Варкаи.

— А очень просто. Ты у кого в работниках был?

— У Окотэтто.

— Вот мы дадим тебе помощников, бумагу с печатью, и, когда стада его будут выпасаться невдалеке от Щучьей, поедешь к нему. Грамотные люди посчитают у Окотэтто оленей, а ты поможешь пригнать. Понял?

Варкаи слушал и не верил своим ушам. Ему казалось фантастически неправдоподобным предложенное. И поэтому Совету пришлось во второй раз повторить свой вопрос.

Катерина подтолкнула Варкаи, и тот согласно закивал: «Понял, мол, все понял».

И Катерина тоже все поняла. Предвидя, что не обой-

дется без кровопролития, она рассказала историю женитьбы и при этом повторила последние слова Тумбы.

— Да, дела, — только и нашелся, что ответить, Совет.

Однако, чтобы тот не подумал, что Варкаи трус и она пытается отговорить его от рискованного, но такого нужного дела, Катерина тут же предложила:

— Пусть едет он в другое стойбище. И я с ним.

— Я действительно поеду, а ты никуда, — заявил Варкаи.

С этого дня муж и жена Лаптандеры стали помощниками Совета. Они первыми свернули чум и поселились в маленькой комнате при пекарне. Продавец, обрадовавшись замене, быстро выучил Катерину печь хлеб. Между тем Варкаи носился по тундре. По заданию Совета он работал в комиссии по раскулачиванию, сопровождал аргиши с рыбой и пушниной в районный центр. В дороге узнал о том, что его Катерина родила сына. Назвали его Лаптандеры в честь накануне умершего отца Катерины Иваном. И снова ненадолго задержался дома Варкаи. По рекомендации Совета, отметившего его рвение и преданность новой власти, районный комитет партии вызвал Варкаи на курсы ликбеза. А потом избрали его председателем колхоза. Забот прибыло, но Катерина не обижалась на отлучки мужа, а если удавалось в чем-то ему помочь, то делала это с радостью. Не имела она привычки надоедать Варкаи, поэтому он очень удивился, когда однажды накануне забоя оленей Катерина примчалась к коралю. Побелевшая и взволнованная, отозвала его в сторону.

— Слышишь, Варкаи, в округе Тумба объявился.

— Ну, для него же хуже. Большинство оленей скрыл. Совету отказался подчиняться. Поймают и накажут.

— Да подожди ты. Он до тебя дотянуться хочет, а там уж, говорит, что тюрьма, что милость — одинаково. Поберегись, милый.

— Не волнуйся, Катя. Храни хорошенько себя и Ивана, а о себе я позабочусь сам.

А ночью в их крохотной комнатке со звоном и хрустом

вдребезги разлетелось окно. Кто-то, осторожно глянув в чернеющий проем, вырвал из чехла нож и, прильнув к подоконнику, пытался влезть в комнату. Варкаи, сделав прыжок, вырвал у него нож и слегка надавил острым кончиком лезвия на мягкое место. Человек ойкнул, но, зная, что стоит ему только пошевелиться, как нож может войти глубже, оставался недвижимым.

— Зачем приходил? — задал ему вопрос Варкаи.

— Тумба послал убить тебя, Катерину и сына, а я его работник.

— Кто ты, пусть выясняет Совет.

Заколотив окно и кое-как успокоив Катерину, Варкаи отвел непрошеного гостя к Совету а сам решил проверить кораль, куда для просчета и забоя были загнаны перед вечером олени. Кораль оказался пустым. Приставленный к нему сторож лежал связанный возле сломанной изгороди. И на вопрос Варкаи: «Кто угнал оленей?» — ответил, что людей не знает, а распоряжался ими какой-то Тумба. За зиму еще несколько раз после этого были разбойные налеты на стада колхоза. Начальник районной милиции, приехавший расследовать дело, говорил:

— Всего за год из колхозных стад и из стад частников угнано пятнадцать тысяч голов. Посоветуй, как поймать воров? Может, взять их летом?

— Нет, летом не годится. Как ручейки, растекутся олени по ущельям и между каменных гряд. Их не увидите и людей потеряете, ведь без пули теперь оленей не отдадут. Лучше настигнуть разбойников на весновке — с телятами далеко не уйдут. — И Варкаи нарисовал подробный план, где до появления зелени пасет свое стадо Окотэтто.

Начальник милиции человеком оказался хватким. Прямо на весновке и настигли Тумбу. Когда повезли его в район, он в толпе отыскал глазами Варкаи и крикнул:

— Говорят, гусей на Каре растил ты, а поел их я. Хороши! Но главное, узнал я теперь, где летуют эти дуры-казарки. Ты корми их снова, а я вернусь — откручу им головы, и до тебя, может, наконец очередь дойдет. Ха-ха-ха!..

* * *

...Утро выдалось сырое. Моросил дождь, своими тупыми иглами вонзаясь в оперение, он, однако, не мог пробить плотный ореол пуха. И тело подранка-самца краснозобой казарки под ним оставалось неуязвимым и горячим.

Подранок зорким глазом видел, как люди в широких шароварах и чалмах, вооруженные колотушками, мокрые и злые, шныряли на остроносых лодках по лиману. Это они выпутывали уток из растянутых над водой и погруженных в глубину лимана сетей. Часто их добычей становились доверчивые к людям краснозобые казарки. Набив лодки дичью, люди в чалмах направляли их к дымящей трубами день и ночь фабрике. Подранок облегченно вздохнул. На этот раз гусак сумел сберечь свою стаю. Как и подобает вожаку, прежде чем посадить ее, он несколько раз облетел лиман, придирчиво осматривая воду и камыши. От его взгляда не ускользнуло, что на месте постоянной остановки стаи на кормежку появились длинные бамбуковые шесты с туго натянутыми между ними проводами. Достаточно было птице коснуться их лапкой или кончиком крыла, электрический разряд убивал ее. Но не это старого вожака заставило вздрогнуть и молниеносно взвиться ввысь. У самой кромки камышей он увидел чуть покачивающийся на волнах предмет, чем-то напоминающий опрокинутую соломенную шляпу. Человека в ней не было видно, но подранок знал, что он здесь. И только ждет момента, как бы половчее скрасть, а затем сбить выстрелом оказавшуюся над ним птицу. В таком положении как-то однажды оказался подранок. Увидев в камышах «шляпу», он из любопытства снизился над ней, замедлил взмахи крыльев, вглядываясь, и в этот момент внизу что-то грохнуло, плеснуло в крылья, и они перестали слушаться. Обезумевший от страха и боли подранок минуту-другую лежал на воде без движения. Потом, услышав сопение собаки, встрепенулся, попробовал взлететь — только захрипел от боли. А морда пса все ближе. И подранок вспом-

нил, что он может ускользнуть от погони под водой. Окунув голову, он что было сил загреб лапами, но крылья никак не хотели складываться, и подранка выталкивало наверх. Поняв, что и этим ничего не добьется, гусак решил пойти на хитрость. Выбрав густые заросли камыша, он подплыл к ним, открыл рот и жадно втянул воду. Тело его, отяжелев, погрузилось в глубину, а сверху осталась только маленькая дудочка черного клюва. Чтобы ненароком не задеть за камыши, которые своим покачиванием могут непременно его выдать, подранок плыл с большой осторожностью. Пес, только что видевший барахтающегося, беспомощного гуся, не находя его ни чутьем, ни глазом, закружился на месте. Выплыв к коренному берегу лимана, подранок оказался у торфяного заросшего островка. Вода вытянула много крови, и, ослабевший, он едва смог на него влезть. Вскоре голова подранка отяжелела и не поднималась из-под крыльев, хотя и просушенных уже солнцем, но по-прежнему безжизненных.

В одну из ночей разбудил гусака гомон большой птичьей стаи. А на рассвете в небе над лиманом потянулись друг за другом косяки. Улетали птицы на Север без подранка. Его место вожака занял другой. Он провел стаю над подранком, и, плавно покачиваясь на волнах воздуха, оглашая округу радостным кличем, она медленно растаяла вдали.

Со своего островка подранок выплывал только ночью. Вдоволь насытившись, обмывшись чистой водой, он затаивался так, чтобы днем ястреб не смог его высмотреть в камышах.

Со временем боль в крыльях утихла. Гусак осторожно поднимал их, подолгу держал на весу и, вглядываясь в небо, надеялся, что скоро взлетит. Но каждый день отговаривал себя от этого решительного шага, пугаясь, что снова боль опояшет тело, и тогда не останется у него даже надежды стать крылатым.

Вероятно, долго еще мучила бы подранка нерешительность, но однажды утром его разбудил шорох раздвигаю-

щегося камыша. Люди в чалмах приближались к торфяному островку, отлавливая сетью начинающих летать уток. Подранок притаился, ожидая, что лодка минует островок. Однако с каждым взмахом шеста становилось ясно, что люди направляются прямо к нему. И подранок решился. Собравшись в пружину, прижался он грудью к своим крепким лапам, разнес для взмаха крылья и, когда лодка поравнялась с островком, оттолкнулся и на какое-то мгновение завис над камышами. На смену страху к подранку пришел восторг, что он уже в воздухе, и надо только вытянуть шею, прижать к животу лапы, и крылья уверенно понесут его вперед. Так оно и случилось. Крылья, хотя еще и с трудом, но слушались подранка, и, немало удивив округу неурочным казарочьим гоготанием, он прошел над всем лиманом.

А теперь он снова вожак стаи. Она собирается на Север. Обрастают гуси теплым пухом, кормятся, набираются сил. Ведь дорога их ждет нелегкая, но прямая. Поведет свою стаю подранок над морями и реками, а компасом ему будет ветер. Если в крыльях станет свистеть студеный, значит, правильного курса придерживается вожак. И радостный крик возвестит стаю о том, что земля, укрытая вечными снегами и незаходящим летом солнцем, скоро появится.

* * *

Старый Варкаи, оторвавшись от воспоминаний, тревожно глянул за окно. Сероватый клочок неба стал вдруг голубым, из глубины его проступила позолота. Это солнце уже гуляло по небу. «А я все нежусь», — подумал Варкаи и сбросил одеяло. Осторожно, на цыпочках, стараясь не брякать посудой, взял со стола электрический чайник и, долив в него воды, включил в розетку. Снова взглянул в окно, и сам собой рот его растянулся в улыбке. Пуро и Налто были тут как тут. Вопросительно уставившись на

хозяина, они словно бы говорили: «Спать ты горазд, а кормить нас кто будет?»

— Сейчас, сейчас, — одними губами прошептал хозяин.

— С кем это ты разговариваешь? — вдруг раздалось за спиной.

Варкаи, вздрогнув от неожиданности, оглянулся. Сзади с полотенцем на плече стоял Алексей.

— Вот так да. Я стараюсь не шуметь и не будить внука, а он уже на ногах.

— Боялся проспать рассвет.

— Э-э, да ты в своей Тюмени не знаешь даже о том, что ночи в наших краях весной и летом не бывает.

— Что, постоянно светло, как сейчас?

— Конечно, но мы, старожилы, приход весны предчувствуем. На улице становится не холодно, но еще и не тепло. И тишина такая, что треснет сук под лапой зайца у ближнего ручья, а кинутся наутек косые по всей округе. И будто побеленные, покрытые за ночь куржаком кусты начнут чернеть. Это тепло к земле подходит. В общем, мы, Алексей, с тобой проспали приближение утра. А значит, надо торопиться, чтобы хоть к обеду дойти до места.

— Укладывай на нарты вещи, а я запрягу собак и разыщу вторые лыжи.

Когда все было готово, Варкаи, намотав поводок собачьей упряжки на руку, пошел впереди. Миновав речушку, дед с внуком оказались на берегу круглого большого озера. На льду его, как в блюдце, стояла вода, и Варкаи предостерег Алексея:

— Смотри под ноги. Выбирай лед гладкий, а ноздреватый обходи. Он сейчас уже крепости не имеет и под ногою сразу обвалится.

Увидев, как внук нерешительно ступил на лед и после его слов стал прощупывать его и внимательно осматривать сантиметр за сантиметром, Варкаи посоветовал Алексею ступать за ним след в след.

Часа два ушло на переправу. До места охоты оставалось перевалить только извилистую и узкую долину. Варкаи

по-прежнему шел впереди и не видел, как Алексей, чуть свернув в сторону, ушел под лед, но тут же вынырнул и, держась за край майны, закричал. Варкаи метнулся к внуку. Течение все сильнее забивало того под лед, и, чтобы вытащить Алексея, деду потребовалось бросить в воду волочившийся за нартами конец тынзяна, до предела напрячься самому, заставив вожака удерживать упряжку на месте. «То, что обувь и одежда промокли, — ерунда», — подумал Варкаи и приказал Алексею бежать по оголившемуся, но еще мерзлому берегу протоки до поворота.

— Там, — объяснил Варкаи, — будет моя землянка. Перед дверьми, чтобы, значит, не замело, бутылка с соляром на шнурке привязана. Плесни из горлышка на дрова и сушись у печки. Стой! Стой! Спички сухие возьми.

Когда дед с нартами дошел до землянки, из ее трубы валил дым, а в открытую дверь было видно, как внук, переминаясь с ноги на ногу, в одних трусах крутился вокруг печки.

— Обсох хоть? — поинтересовался дед.

— Почти.

— Тогда бери из рюкзака запасную рубаху со штанами и одевайся. Да двери, двери запри.

Переодев внука, Варкаи наскоро приготовил поесть. Вскипятил чай, нарезал крупными ломтями так и не успевший замерзнуть кусок отварной оленины.

— Сейчас, — говорил он Алексею, — мы будем с тобой рыть окопы.

— Что ты, дед, войну вспомнил? Наверное, обычные ямы в снегу?

— Нет, окопы, — возразил Варкаи, — потому что скрасть на белом снегу утку, а тем более гуся — дело непростое. Надо замаскироваться так, чтобы нас, значит, не было видно, а внутри соорудить полки для патронов, сухой обуви и рукавиц.

Работа оказалась непростой, тем более что копать оттаявший, отяжелевший снег приходилось веслом от калданки. Но все же вскоре, расставив профили гусей, дед с вну-

ком притаились. Почти беспрестанно вскидывая бинокль, Варкаи вглядывался в пронзительно голубое небо, но птиц не видел. И Алексей, отчаявшись, уже стал дремать в своем укрытии, когда услышал шипящий шепот деда:

— Идут. Не торопись и стреляй только после меня.

Алексей чуть приподнялся. Черные точки, появившиеся на горизонте, становились все четче. По бокам их, как тонкие усы, шевелились крылья, и вот уже различимы длинные вытянутые шеи и серые животы.

«Гуменники», — успел подумать Алексей и тут же услышал выстрел, за ним другой. Две птицы выпали из стаи. Шарахнувшись в сторону, одна вышла на него. И, плавно нажав курок, Алексей почти одновременно почувствовал, как сильный удар обрушился на его плечо.

— Так тебе, — благодушно заметил дед. — Не будешь молчать. А теперь подбирай гуся и в землянку. Вечерний перелет закончился, и надо поспать, чтобы открыть глаза ровно в ту минуту, когда начнется утро.

Алексею снов не снилось, но деду стоило немалого труда разбудить его. Наполнив землянку неповторимым ароматом, в котле варилась гусятина. Самый большой и жирный кусок Варкаи положил в чашку Алексею.

— Так незаконно, дед, ведь ты сбил гуся.

— Все законно. Это твоя первая охота, и выстрел был меткий.

Когда позавтракали, Варкаи велел Алексею убрать посуду, а сам достал из вещевого мешка маленького деревянного божка и, как бы извиняясь перед внуком, сказал:

— В Бога я не верю, но такой у нас порядок.

Помазал божка рыбьим жиром.

— Ты, Яб — бог удачи и сильнее бога Сэрада, и поэтому прошу тебя, чтобы небо было чистым, а птицы шли над нами.

Хитро прищурившись, дед оглянулся на Алексея и сказал:

— Раньше дед с бабкой вымажут Яба самым вкусным нашим лакомством — оленьим вемом, а мы, ребятишки,

подкрадемся к вандеям и слижем его. — А потом опять, словно забыв о внуке, продолжал: — Перед тобой я, Яб, ни в чем не виноват. Ружья ни ребенку, ни женщине все так же в руки не давал. И от несчастья уберег себя. Пошли мне, Яб, удачи.

— А зачем ты, дед, сказал своему божку, что ни ребенку, ни женщине ружья не давал? Разве это так важно?

— Важно, Алексей. Ведь несмышленые, не умеющие обращаться с оружием, как с огнем, большую боль природе и людям причинить могут.

На этом Варкаи смолк. А Алексей понял из немногих, но со значительной интонацией произнесенных слов, что ружье для ненцев не священное, а презираемое оружие. И прибегает к нему тундровик только в том случае, если нет у него другого выхода, чтобы прокормиться. А издревле честной и славящей ненца охотой считалась охота на зверя и птицу с ловушками. Тут уж хитрость против хитрости, ловкость против ловкости.

— А что, ири, разве только с профилями охотятся на гусей? — перевел разговор на другую тему Алексей.

— Почему? Где-то, я слышал, посыпают снег кусками битого стекла, и гуси, думая, что блестит вода, снижаются. У нас, случается, охотятся с собаками.

— Как это?

— А вот так. Вбивают в землю кол и привязывают к нему белую собаку.

— А почему именно белую собаку?

— Вот в этом-то вся соль. Будь собака другого цвета, она не привлечет внимания гусей, а белая похожа на песца, который съедает яйца и давит не только птенцов, но и взрослых птиц. И гуси уж никак не могут пролететь равнодушно мимо, — улыбнулся дед. И тут же спохватился: — Заговорились мы с тобой, а ведь приехали охотиться.

Накинув на себя и подпоясав худенькую, с вытертой шерстью, малицу, служившую Варкаи теперь только весной и осенью, он помог одеться Алексею, и они вышли из землянки. Солнце уже успело размягчить подстывший за

ночь снег, и на каждом шагу охотники проваливались. Пока дошли до окопов, Алексей вспотел и хотел уже расслабить дедовскую тосму, но услышал его предостерегающий шепот. Алексей осторожно осмотрелся. Прямо на профили, но довольно высоко, летела какая-то птица. По редким взмахам крыльев и крупным размерам он решил, что приближается орел.

— Орел, — чуть слышно сообщил он деду.

— Это мы сейчас посмотрим, — скороговоркой ответил тот.

На миг птица попала в слепящий глаза солнечный круг и заслонила его, от этого ее оперение еще больше потемнело. Алексей опустил ружье, полагая, что не ошибся в своем предположении, но, когда птица была уже над головой, увидел красные лапы. И снова его опередил дед. Гуменник упал в сугроб, и Алексею пришлось изрядно потрудиться веслом, прежде чем удалось откопать гуся, пробившего почти метровую толщу спрессовавшегося снега. К обеду на счету Варкаи было уже пять убитых птиц, две удалось сбить Алексею. Промахнувшись несколько раз, он истратил свои десять патронов и потянулся в дедов окоп за новыми и удивился:

— А что ты, ири, взял так мало патронов? Я слышал, что поселковые охотники набрали в магазине по сотне, а то и по две.

— Потому что, ты не обижайся, ваш брат, молодежь, любят шуму-грохоту наделать. Что поймают на мушку, в то и стреляют, а часто по пустым бутылкам. Пользы от этого нет, сплошной вред.

— Какой? Ведь патроны и водку они покупают за свои деньги, значит, пусть и палят себе на здоровье.

— Э-э, нет. Будь моя власть, я на охоту бы с водкой не выпускал. Мало того, что такие охотники все живое уничтожают, они ведь часто и друг друга калечат. А потом ты другое учти. — Голос деда напрягся, зазвенел, и чувствовалось, что затронутая внуком тема его волнует давно и по-настоящему. — Многие стрелять ладом не умеют и от-

пускают подранков. А это с любой стороны — браконьерство. Или, наоборот, навалят птицы мешками, а потом выкинут ее. Они забыли законы, которым подчинялись люди в тундре веками. Хотя бы взять нашу семью. Наверное, слышал, что жили мы бедно. Мне даже собаку иметь мать не разрешала, опасаясь, что та объест нас. Особенно тяжело было летом. Морошка еще неспелая, а рыбу ловить — сетей нет. И все же на дармовое мясо мы не зарились, хотя оно ходило рядом. Целыми днями гомонили возле чума гуси и утки. На гнездах, значит, своих сидели. И пожелай я, за день добыл бы не один десяток гусынь, ведь не боится тогда птица ни зверя, ни человека. И случаи бывали: выпадет на побережье среди лета снег по колено, замерзнут гусыни, а с гнезда не сойдут. И опять сами голодные, но, если найдешь живого птенца, стараешься его выходить и обогреть. Вот так и жили, как одна семья. А когда поднимались птицы на крыло, добывали их, чего же. Только каждый столько, сколько требовалось для пропитания. А чтобы излишки или ради забавы — такого не было. Помню, — заулыбался Варкаи, — ушел я на фронт и вскоре получаю от Катерины письмецо. В нем каракули Ивана, твоего, значит, отца: «Сколько раз, папа, несется чайка?» Ну, я понял, о чем речь идет. И сообщаю, что порой, если брать у нее из гнезда яйца, кладется она по три раза. Через полтора месяца получаю от Кати весточку, снова сердиться мне бы надо было, а я хвалю Ивана. И за что, ты думаешь? «Ванюша все ждал твоего письма, а когда оно пришло, из яиц птенцы уже вылупились. Так яиц мы нынче и не попробовали». Видишь, как? Боялся твой отец нечаянно, как говорят, природу ранить. Теперь делают по-другому. Лосей с вертолета стреляют. Поэтому-то они, бедные, из тайги к нам в тундру перекочевали. А как песца добывают, внук Алеша? Даже не ружьем, а настигают его на снегоходе, гусеницами давят. Это я сам видел.

Впрочем, последние слова деда Алексей уже не слышал. Он метнулся к кромке окопа и прицелился, но вы-

стрелить не успел, тяжелой рукой выбил у него Варкаи ружье. И тут же над профилями пронеслась стая небольших желтощеких и каких-то особо законченных по своей форме птиц.

— Ты что, дед? — опешил Алексей. — Так низко шли. Я бы пару наверняка свалил.

— Ты же целился в краснозобых казарок, а они в Красной книге. — И было у него еще желание добавить что-то снова о бережном отношении к природе, но, только устало махнув рукой, Варкаи предложил: — Давай-ка, внук, собираться. Хватит гусей себе и соседей угостить.

* * *

Соснин любил свой кабинет, построенный из двух соединенных балков. Отделанный пластиком и темной полировки древесными плитами, он не уступал кабинету руководителя какого-нибудь солидного учреждения на Большой земле. Правда, кое-кто в экспедиции пробовал роптать, что слишком много себе позволяет Соснин, когда на буровых и базе не хватает жилья.

Но Владимир Михайлович, любивший жить широко и с комфортом, на это внимания не обращал. Расплатившись щедро со столяром-краснодеревщиком, он дал команду директору отдела рабочего снабжения экспедиции достать хоть из-под земли современную кабинетную мебель. И тот расстарался. Появился двухтумбовый стол, а всю противоположную от входа стену заняла ажурная, под мореный дуб, стенка. Все тот же столяр ее немного перестроил, и нашлось место для переносного телевизора и бара. А под ним, с чугунной решеткой и мерцающим электрическим огоньком — камин. Завершала убранство кабинета внушительных размеров чеканка, отражающая труд буровиков.

В то утро, войдя в кабинет, Владимир Михайлович слегка поморщился от стойкого запаха лаков и красок и собирался уже сделать в календаре пометку о приобретении

кондиционера, как нетерпеливо затрещал телефон. «Так может звонить только междугородний», — подумал Соснин и проворно схватил трубку.

— Да. Соснин... Здравствуйте, здравствуйте, Алексей Петрович... Дела? Как всегда. Шестимесячный по проходке выполнить должен досрочно. Чуть отстаем с монтажом — авиация подводит. Но будем стараться... Что?.. Так. Слушаю.

Улыбка с лица Соснина сошла, уступив место сострадальческому выражению. Он раскрыл было рот, чтобы возразить Шибанову, но вовремя опомнился. Уж кто-кто, а Соснин знал генерального директора объединения. Тот непослушных не балует.

— Хорошо! Хорошо! Алексей Петрович, я согласен выручить объединение, но разрешите высказать свои соображения? Предположим, вы добьетесь выделения дополнительных рейсов вертолетов, а мне их заправлять нечем. Горючим-то запаслись только в расчете на два борта. Значит, остается единственная возможность в срок смонтировать на Утренней буровую и начать проходку — это построить переправу.

Как, совсем обойтись без мостов?.. Правильно, лишние людские и материальные затраты. Наконец, время. А что же тогда мне делать?.. Подвезем на вертолетах... Ну, вертолеты так вертолеты.

Смирившись с доводом Шибанова, Соснин уже хотел попрощаться с ним, но неожиданно его пронзила новая идея.

— Алексей Петрович! Алексей Петрович, вы меня слышите?.. А что, если пересыпать Яху песком? И по дамбе перегнать на противоположный берег технику с оборудованием?.. Понимаю. Но ведь поднимется вода... Нет, нет, заповеднику она вреда не причинит. Он стоит на высоком берегу. А нам только будет выигрыш... А вы землеройной техникой не поможете?.. Спасибо, обязательно будем ждать...

Повесив трубку, Соснин возбужденно заходил по ка-

бинету. Дело, которое предложил ему начальник объединения, было выигрышным во всех отношениях. Ведь заканчивалась пятилетка, и экспедиция, из года в год выполнявшая планы по бурению и приросту газа, выходила на первую ступень в республиканском соревновании. А если еще форсировать работы на Утренней, то и на орден можно рассчитывать.

Подогревала и другая мысль. За экономию средств на строительстве переправы через Яху и своевременную заброску грузов Шибанов гарантировал немалую премию. А его слово — кремень.

Подойдя к карте, Соснин нашел на ней Яху. Ее лента против поселка сужалась, и Владимир Михайлович в этом месте решительно поставил точку. И тут же связался по селектору с главным инженером.

— Это, Владимир Михайлович, вы? — донеслось из динамика.

— Да, я. И связался с вами вот по какому поводу. Подберите двух экскаваторщиков.

— А что за операция намечается?

— Будем пересыпать Яху.

— Тогда и трактористы понадобятся?

— Не нужно. Шибанов шлет к нам два «Катерпиллера» уже с трактористами, а вот на экскаваторы люди нужны.

— И еще, Владимир Михайлович, один вопрос. Как я понял, мы будем строить дамбу. А не вызовет это затопления тундры, и в том числе Яхинского заповедника?

— Все рассчитано уже. И не задавайте ненужных вопросов. Лучше действуйте.

Только успел Соснин щелкнуть выключателем, как снова раздался телефонный звонок. Снова на проводе был Шибанов.

— Владимир Михайлович, забыл тебе напомнить, и вот пришлось звонить снова. Комитет партии и райисполком не позднее этой недели требуют от меня представить мероприятия по охране природы на летний, особо пожароо-

пасный, период. Всем экспедициям такие задания даны, и твои соображения я жду к вечеру.

Нажав кнопку селектора, Соснин вызвал начальника отдела кадров.

— Будем писать приказ, — сообщил ей. — «В целях охраны природы в летний пожароопасный период мастерам буровых бригад, руководству цеха вышкостроения приказываю: испытать и содержать в полной готовности пожарный инвентарь; оборудовать всю вездеходную технику, занятую на работах в тундре, искрогасителями...» Написали?

— Да.

— «Для исключения загорания буровых при пожарах в тундре обваловать их. Высота земляного вала должна быть не меньше одного метра по всей окружности буровой».

— Владимир Михайлович, как только этот приказ попадет к руководителям района или Шибанову, нам несдобровать.

— Почему вы так считаете?

— Потому что в прошлом году я своими ушами слышала, как Шибанов ругался. Говорил: чтобы не нести затрат и не отрывать людей от основной работы, Соснин отгораживается от пожаров земляным валом. А ведь тундра из-за неряшливости его работников горит...

— Так и сказал?

— Точно.

«Вот тебе и на, — подумал растерянно Соснин, — я хотел угодить ему и сэкономить средства, а он подножки ставит, но я все же останусь верен себе. Пусть горит эта тундра — забота не моя».

— Ладно, вычеркните этот пункт и добавьте следующее: «Составление подробных мероприятий по обеспечению пожарной безопасности и контроль за их выполнением возлагается на главного инженера». Живо приказ отпечатайте и отправьте на буровые.

Когда дверь за начальником отдела кадров захлопнулась, Соснин набрал междугороднюю и попросил Москву. Дали связь почти сразу же.

— Алло! Игорь?.. Это я, Соснин. Всё получили. Большое спасибо... Нет, ничего с охотой не выходит. Придется ее отложить на осень... Настаивает Шибанов, чтобы разбуривать Утреннюю сейчас... Но что я сделаю? Не обижайся. Осенью устроим охоту. И специалиста-аборигена я уже нашел... Всего наилучшего тебе тоже. В августе звони...

* * *

На следующий день утром Соснину сообщили, что баржа с двумя экскаваторами и двумя «Катерпиллерами» прибыла. Владимир Михайлович, облачившись в легкую стеганую фуфайку и высокие резиновые сапоги, направился к пристани. Ему самому хотелось руководить пересыпкой Яхи, а еще любопытно было посмотреть «Катерпиллеры», что это такое.

Разгрузка на пристани уже шла вовсю. Один экскаватор благополучно сошел по деревянным брусьям, перекинутым на манер трапа с баржи на берег. Рабочие ломами раскручивали жгуты проволоки, которыми к специальным креплениям был на период транспортировки намертво притянут второй. Владимир Михайлович, протиснувшись между ограждениями борта и колесом экскаватора, на миг замер. Как желтое чудовище, хищно ощетинившееся холодной отполированной сталью лопаты и угрожающе нависшим над палубой клыком-рыхлителем, стоял «Катерпиллер». Одобрительно прищелкивая языком, Владимир Михайлович обошел обе машины. И, благодаря свое начальство за расторопность, думал: «Такой техникой быстрее, чем лопатой ручей, можно запрудить Яху».

Одновременно с этой мыслью почувствовал себя Соснин полководцем, которому поручено выиграть ответственное сражение. Появилось настроение распоряжаться и советовать. Выбрав наиболее высокую точку на берегу Яхи, он подозвал к себе механизаторов и показал место, через которое намечено было перекинуть дамбу. Один из механизаторов — седой, спокойный на вид мужчина, —

внимательнее и дольше других осматривал берега реки. Наконец, когда его товарищи уже направились к машинам, он остановил их и, обращаясь к Соснину, сказал:

— Вы знаете, товарищ начальник, я всю жизнь проработал на газопроводах и вижу, что этот ручеек двум экскаваторам и «Катерпиллерам» засыпать не составит труда.

— Вот и отлично, — обрадованно хлопнул его по плечу Соснин.

— Подождите, я не закончил, — не обратив внимания на похвалу начальства, продолжил тракторист. — Сегодня нам поселковые сказали, что вот тот остров на противоположной стороне — заповедник. Оно и правда похоже. Вокруг карликовая береза да тальничек, а на нем, укрывшемся между прибрежными речными холмами, лиственницы, березы, и черемуха, наверное, имеется. Говорят, ученые за островом наблюдают и все никак не могут доказать, откуда в голой тундре взялся такой оазис. Так вот, я, как калач тертый, думаю, что мы не только заповедный остров утопим, но и еще много дел наделаем. Эта речка, как многодетная мать молоком, свежей водой в округе все озера питала. И перекрой ее сейчас, подо льдом рыба и все живое в озерах погибнет.

Соснин, не терпевший, когда его учили, едва выдержал, чтобы грубо не оборвать тракториста.

— Все это бредни, — бросил он. — Переправа нам потребуется в течение одного-двух дней. Вода, если и поднимется, то ненадолго. А рыба? Какая там рыба? Наверное, со всех озер едва на уху наскребешь.

Штурм Яхи одновременно начали с двух сторон. На том и другом берегу поставили по одному трактору и одному экскаватору. Вгрызаясь в берега, экскаваторы ссыпали грунт под ножи тракторов, а те, упираясь, толкали его в реку. Соснин, забросив все дела в конторе, неотрывно наблюдал, как шли работы. Доводы тракториста убедили его в том, что дамба через Яху — палка о двух концах, но менять план уже не было времени, да и за свой авторитет Соснин опасался. Поэтому он торопил людей и

метался с берега на берег как заведенный... С каждым часом полоса воды между идущими навстречу друг другу тракторами становилась все уже. Вместе с тем Владимир Михайлович замечал, что уровень воды у дамбы начал подниматься. Он бросился торопить службу главного инженера и механика с погрузкой на автомашины материалов и всего необходимого для строительства буровой. Глубокой ночью, когда была полностью отсыпана сплошная дамба через реку, напутствуемые Сосниным грузовики тронулись на Утреннюю.

* * *

...Склоняясь под тяжестью рюкзаков и опираясь, как на посохи, на греби от калданки, дед с внуком долго шли по тундре, прежде чем показался высокий песчаный мыс, а на нем чернеющая смоляными боками калданка. Подозвав к себе собак, Варкаи, хитро улыбаясь Алексею, сказал:

— На телеге, на санях ты уже видел, как перевозят груз, а вот на калданке по снегу, наверное, нет. Сейчас и посмотришь.

Рюкзаки сложили на дне лодки, и подбадриваемые Варкаи собаки легко потянули ее по косогору к виднеющейся впереди речке.

Алексей едва успевал за упряжкой.

— Ири, — запыхавшись, взмолился он. — Я скоро упаду без чувств. Останови их.

Варкаи окликнул вожака, и упряжка послушно встала. Присев на край калданки, Алексей, положив свою руку на руку деда, виновато улыбнулся.

— Знаешь, дед, я вначале на тебя обиделся. А теперь все понял. Действительно, та охота, которую я представлял раньше, скорее была похожа на убийство. Совсем ни к чему валить птицу косяками, не нужны и двести патронов, если удовольствие можно получить от десяти-пятнадцати метких выстрелов. Правда, этому еще надо научиться.

— Хорошо, что понял разницу между браконьерством

и охотой, — одобрил дед. — А метко стрелять, я думаю, ты научишься.

Не доверяя внуку, Варкаи сам сел в калданке за греби А Алексей зорко вглядывался вперед, чтобы лодка не налетела на торчащие из воды коряги. Особенно опасными были осенцы. Это льдины, которые осенью пристали к пологим склонам берегов, а весной, оттаяв, с бешеной силой выскакивали наверх. Ударь такая льдина о дно калданки, и лодка если не расколется, как семечко, то перевернется наверняка. Но не корягу и не льдину увидел впереди Алексей, а большую болотную кочку, посередине которой было гнездо с пятью белыми, чуть меньше куриных, яйцами. Дед удивился этому:

— Гнездо утиное, и не такая уж утка бесшабашная, чтобы строить его совсем рядом с водой.

— Ири, смотри, смотри, еще одно гнездо! — закричал Алексей.

Построенное из больших сучьев и палок, рядом с калданкой плыло гнездо с двумя крупными яйцами.

— По-моему, лебединые, — заключил Алексей.

— Верно, — кивнул дед Варкаи и направил калданку к берегу. Сорвав с кочки соломинку, он воткнул ее в снег рядом с водой и стал наблюдать. Алексей тоже вперился в нее взглядом. Буквально на глазах вода скрыла соломинку.

— Уровень в реке поднимается, — заключил дед.

— А почему? — поинтересовался Алексей.

— Такое бывает во время ледохода. Какая-нибудь большая льдина застрянет между берегами, на нее налетит другая, третья, и столько натрамбуется льда — чем тебе не плотина. Но чтобы случилось такое через неделю после ледохода — не помню.

К ночи калданка выплыла к последнему повороту перед поселком, и дед с внуком отчетливо услышали надсадный и мощный гул техники. Но не поэтому Варкаи качнулся в лодке, едва ее не перевернув. Его поразило, что на том месте, где должен был быть заповедный остров, гуляла вода. И, как редкие кустики, виднелись над ней вер-

шины берез и лиственниц. Лосиха с лосенком, вероятно, выгнанные водой с острова на противоположный берег, пугаясь гула техники, кружились посередине реки.

— Что это такое? — шептал дед побелевшими губами. — Ведь теперь погибнет вся птица по берегам реки. Задохнется рыба в озерах ниже этой земляной плотины. А лиственницы? Наши прадеды, мы все считали их святыми и не стреляли на острове ни птицы, ни зверя.

Покачиваясь, как пьяный, Варкаи ступил на берег, но растерянности в нем уже не было. Он клокотал от возмущения и жаждал расправы. Подбежав к сердито рокочущему трактору, он едва не попал под гусеницы, но все же сумел схватить тракториста за полу телогрейки.

— Ты что, старый, спятил? — заорал тот.

— Зачем плотину эту нарыли и затопили заповедник? Зачем нас, стариков, не спросил, какое зло может причинить река?

— А я при чем? Беги к начальнику экспедиции. Он, говорят, сильно премии захотел, да скорее всего ничего у него не выйдет. Утонул остров, а теперь под водой уже пилорама и почти все склады.

Начальника экспедиции Варкаи нашел у дамбы. Потный и злой, Соснин не захотел его даже слушать:

— Пошел ты, старик, со своим островом! У меня склады, понимаешь, склады утонули, и не все еще на Утреннюю переброшено. — И тут же при Варкаи Соснин отдал команду водителям «Катерпиллеров», чтобы они еще выше нарастили дамбу.

Уговоров внука, советовавшего не волноваться, Варкаи словно не слышал. А когда тот сказал, что теперь уже все равно все потоплено, метнул в него уничтожающий взгляд:

— А отвечать за это кто будет?

На телефонной станции Варкаи попросил вызвать председателя райисполкома. Тот знал Варкаи Лаптандера. В районе и до войны и после нее не было председателя колхоза, который пользовался бы таким авторитетом, как он.

— Здравствуйте, слушаю вас, товарищ Лаптандер, — донесся до Варкаи глуховатый голос председателя райисполкома Потапова.

Собравшись с мыслями, Варкаи коротко и толково рассказал ему о происшедшем. В трубке некоторое время было тихо. Потом что-то запищало, и прорвался голос Потапова.

— Варкаи, мы с тобой старые знакомые, и я тебе верю, что на Яхе произошла трагедия. Но не надо так волноваться. Пойми, что просто взять и наказать Соснина или, как ты говоришь, снять его мы не можем. Ведь он предпринял эту рискованную переправу не для себя, а в государственных интересах. Он ищет на Утренней газ. А как Соснин помогает району? Если бы не экспедиция и его личные старания, разве была бы в поселке новая электростанция, школа, а клуб какой отгрохали?

Варкаи слушал Потапова, с которым когда-то вместе поднимал колхозы, и не мог понять, что с ним случилось, почему он не возмутился и даже не пытается призвать к порядку Соснина.

— И понимаешь, его экспедиция ведь на республиканскую премию тянет, а это честь для всего района...

И еще что-то говорил Потапов, но Варкаи его уже не слушал. На слабых, будто ватных, ногах он вышел к берегу и увидел: на самой середине река прорвала дамбу, и медленно, как тяжелый жук, по подмытому откосу стал сползать в воду «Катерпиллер». Тракторист выпрыгнул. К нему бежали люди, в другой момент Варкаи побежал бы тоже, но сегодня с ним что-то случилось.

* * *

Протопав грязными сапогами по медвежьей шкуре, Соснин, не раздеваясь, упал на кровать.

— Устал чертовски, — сказал он вслух, — но все же победил!

И перед глазами его снова стала переправа — лента

земли через реку, по которой все грузы до последней крошечки удалось перебросить на противоположный берег. Правда, чуть не утопили трактор, но тот «тертый калач» действительно механизатором оказался бывалым. Он настоял, чтобы за фаркоп прикрепили трос, и страховой конец выручил. Когда трактор уже клюнул воду своим носом, трос успели зацепить за второй «Катерпиллер». И он выволок своего собрата на сухое.

Пошарив над головой, Соснин включил приемник, и тут же раздался щелчок открывшегося дверного замка. Улыбаясь, в комнату юркнула Алиса.

— Не ждал?

— Не до этого было.

— Да слышала, слышала. Ты какую-то грандиозную плотину построил через Яху и вызвал всемирный потоп.

— А о том, что за какие-то сутки все оборудование на Утреннюю площадь перебросил — не говорят?

— Ну, ты сразу же и обижаться, — примирительно прошептала Алиса, наклоняясь над Владимиром Михайловичем, но он, казалось, не видел ее. Теперь пришла очередь обижаться Алисе. Сбросив на кресло свой модный длиннополый плащ с капюшоном, она подошла к окну. За ним плескалась река. Берега ее, еще сырые от схлынувшей в пролом плотины воды, тускло поблескивали. И Алиса подумала, что точно так же, как и с рекой, поступил Соснин с ней. Налетел, искалечил и бросил. Алиса с глазами, полными слез, повернулась к Соснину. А он думал о том, что осенью намерена сюда приехать жена, и пора этот роман кончать. Иначе, действительно, не оберешься греха ни дома, ни на службе.

— Ты что, Соснин, решил меня в своем доме не принимать? — все еще стараясь казаться независимой, насмешливо спросила Алиса.

— С Тумбой договорилась?

— Он к тебе уже несколько раз, наверное, приходил. А вообще живет Тумба где-то рядом с совхозной конторой. Можешь наведаться к нему сам. — И, помолчав не-

много, снова по-кошачьи цепко впилась в Соснина глазами: — Так ты мне не ответил. Будешь разводиться со своей женой, или вопрос об этом уже не стоит? — все еще с надеждой в голосе проговорила Алиса.

— Конечно, нет, — набравшись, наконец, решимости, вымолвил Владимир Михайлович и стремительно поднялся с постели. Оставляя на медвежьей шкуре ошметки грязи, Соснин подошел к Алисе. Стараясь казаться добрым и ласковым, положил на ее плечо руку, но обнять себя Алиса не дала. Резко отстранилась от него, и давно душившие ее слезы прорвались наружу. Теперь она забыла о том, что вести себя в номере гостиницы нужно тихо и неслышно.

— Правильно говорила Танька: ты поиграешь со мной и выбросишь, как пустышку. А я, дура, верила тебе.

— Алиса, Алисонька, — умоляющим шепотом просил ее Владимир Михайлович. — Не надо так громко. Ну давай объяснимся в каком-нибудь другом месте.

— Нет, ни за что. Я тебе скажу все сейчас, и пусть это слышат другие!

Соснин еще раз попытался обнять Алису, и это ее привело окончательно в какое-то дикое возбуждение. Она всей пятерней наманикюренных острых ногтей впилась в его небритую, измазанную копотью щеку.

— Ты что, спятила, потаскуха! — прошипел Соснин и наотмашь ударил Алису.

— Кто? Я?! Да я только с тобой, больше ни с кем в постели не лежала. И это могут подтвердить вся гостиница и вся деревня. Или считаешь, вокруг тебя все слепые?

Соснин уже не слушал и не утихомиривал ее. Он торопливо стирал полотенцем со щеки кровь и одновременно судорожно рылся в тумбочке, пытаясь отыскать йод или пластырь.

Теперь он уже не мог похвалиться своим самообладанием. Руки тряслись, в голове назойливо стучала мысль: «Как теперь с такой щекой к людям? Ведь сразу же догадаются: если не кошка, то баба разукрасила». И снова при-

ступ ярости овладел Сосниным. Отшвырнув полотенце, он повернулся к Алисе, чтобы тут же выкинуть ее за шкирку из номера. Но не сделал этого по двум причинам. Во-первых, Алиса уже одевалась сама. Во-вторых, поразил Соснина ее вид, и Владимиру Михайловичу за себя стало даже чуточку неловко. Алиса стояла спокойная и серьезная. Как будто и не было только что пережитых ею бурных минут. А сухие глаза смотрели на Соснина все с той же цепкой внимательностью.

— Я уйду сама, и мне от тебя ничего не нужно, кроме разве алиментов.

До Владимира Михайловича вначале не дошел смысл этого последнего слова. А когда он опомнился, Алиса была уже за порогом. Соснин бросился туда и рывком возвратил ее обратно.

— Что ты сказала?

— Что слышал.

— Брюхом запугать решила? Не выйдет. А может, понесла от молодого доктора, который тогда тебе у старика Варкаи понравился? — от своей находчивости Соснин даже прихлопнул в ладоши. Но на Алису, казалось, никакого впечатления этот нагловатый выверт не произвел. Она, презрительно смерив взглядом Соснина с головы до ног, просто взяла и вышла.

Вечером, успокоившись и помывшись под душем в экспедиционной котельной, Владимир Михайлович пошел искать Тумбу. Домишки, построенные еще во времена создания колхоза, были маленькими и какими-то приплюснутыми. Поэтому почти все они до крыши были занесены сугробами. Несколько раз провалившись в глубокий снег, под которым уже пробивались ручьи, Соснин наконец отыскал дом Тумбы. В сенях без дверей было полно снега и темно. Пошарив, он нащупал скобу. Тяжело, со скрипом дверь отворилась, открыв убранство квартиры, вернее, одной-единственной комнаты, которая служила и кухней, и столовой, и спальней. В ней было грязно и неприбрано. У противоположной, промазанной в пазах, но не белен-

ной бревенчатой стены лежал соломенный мат, а поверх него — две-три оленьих постели и малица без сорочки. Сам же хозяин квартиры суетился за дощатой перегородкой у печки и увидел Соснина первым.

— Насяльника, ты али нет?

— Я, я, — ответил Владимир Михайлович, стараясь отыскать взглядом Тумбу.

А он, протягивая руку для приветствия, сам вышел навстречу. Щуплый и худой, Тумба двигался с суетливой быстротой, поэтому подвязанные к поясу кисы на его кривых, но цепко ступающих ногах, хлябали и морщились. Кожа его круглого лица была измятой и обвислой, как на шаманском бубне, не нагретом еще на жарком костре. Зато маленькие глаза глядели из щелок век живо и с любопытством.

Поставив посередине комнаты единственный некрашеный табурет, Тумба предложил его Соснину. Владимир Михайлович посчитал, что лучшей завязкой для разговора, тем более для такого, какой предстоял впереди, будет спирт, и вынул из кармана пальто непочатую с голубой наклейкой бутылку.

Угодливая улыбка на лице Тумбы сменилась на какой-то миг растерянностью, но, сообразив, что начальник с таким угощением пришел не иначе, как о чем-то просить, он моментально приосанился. Выдвинул из-за кутка у печки низенький столик, за которым можно было сидеть, только поджав ноги. Проворно сбегал в сени и принес кусок соленой рыбы, а затем демонстративно, чтобы видел Соснин, из свистящего паром чайника окатил алюминиевую кружку. Все это он, как будто священнодействуя, творил молча. И только когда на столике оказались нож и буханка хлеба, заключил:

— Моя са.

«Говорит, кажется, что свое все поставил», — подумал Соснин и плеснул в кружки неразбавленного спирта. Потянулся к Тумбе, чтобы с ним чокнуться, но тот уже опрокинул кружку.

— Саво. Сопсем саво. Моя вчера пила, а седня болела маленько.

— Ничего, поправишься, — подбадривающе подмигнул Соснин и снова потянулся к бутылке. Заметив, что себе он налил меньше, Тумба, изучающе прищурившись, полюбопытствовал:

— Что, начальник, споить хочешь?

Сказано это было на чистом русском языке и заставило Владимира Михайловича покраснеть до корней волос. И он подумал: «Да, не такой Тумба простачок, и дряхлым тоже только прикидывается».

А Тумба, все так же внимательно глядя на Соснина, как бы оценивая его, придвинулся ближе и, хотя в квартире, кроме них, никого не было, оглянувшись, шепотом спросил:

— Что от меня надо?

Плутоватый, заговорщицкий тон и воровская привычка оглядываться как бы отрезвили Соснина: «С кем я связываюсь?» И он отшатнулся от Тумбы, будто боясь замараться обо что-то липкое и грязное. Поэтому с ответом на вопрос повременил и спросил сам:

— Где ты научился так разговаривать по-русски?

— В тюрьме за десять лет академиком сделают.

И, видя, как от удивления Соснин разинул рот и замер, Тумба тут же решил его подбодрить:

— Да я не за мокрое дело отбывал, а за свое.

— Как это?

— Просто у отца оленей отобрал колхоз, а я потом — у колхоза.

— Все понял.

Разлив по кружкам остатки спирта, Соснин подумал: «И это даже хорошо, он уже ученый. Если возьмется за дело — язык будет держать на замке. Гарантия».

И, выплеснув в рот жгучую жидкость, Владимир Михайлович, как бы решившись, и теперь уже окончательно, рубанул рукою воздух:

— Тумба, ты гусятину любишь?

— А кто не любит? Считай, с пеленок меня ею баловали. Набьют работники казарок и гуменников, а мать и младшие жены отца давай щипать их да палить...

При воспоминании об этом явилась к Тумбе давно забытая изнеженность и чванливость. Откинувшись на соломенные маты, он гладил себя по животу и говорил нарастяг, как бы желая показать Соснину: «Будь другое, то, старое время, я бы разговаривал с тобой только разве что из одолжения».

И Владимир Михайлович понял его. Бесцеремонно толкнув несостоявшегося князька ногой в мягкое место, предложил продолжить рассказ.

— Потом с самых жирных мест пластинами сало срезали и ставили в чугуне на медленный огонь. А когда оно растапливалось, макали кусками. Приберегала сало мать и на зиму. На случай, если кто-нибудь обморозится или обожжется. Умела она мастерить и куклы. А головы для них из клювов тех же гусей делала.

— А какой гусь вкуснее?

— Все вкусные. А мягче мясо у казарки.

— Вот я затем и пришел, чтобы наелся ты его досыта.

— Э-э... ты не шути, начальник. Теперь она под запретом.

— Я на полном серьезе, а запрет для нужного дела придется нарушить.

— Что, разве у того, кто об этом просит, выпали зубы, и он не может есть мясо потверже? Или такой охотник, что с тридцати метров в гуменника промазать боится, а казарку надеется укокошить палкой, ведь она почти ручная?

— Все правильно. Он и ружья еще в руках не держал. Вот и хочет научиться пока стрелять по непуганой птице.

— Я слышал, что русские домашних гусей держат, тогда бы ему в самый раз начинать с них, — не удержавшись от колкости, тонко хихикнул Тумба.

— Ладно, об этом хватит. Лучше скажи, поможешь организовать охоту?

— Можно. Только сам понимаешь, во второй раз меня запрятать могут еще надольше, а за что я рисковать буду?

Соснин удивленно уставился на Тумбу. Он никак не думал, что ненец с ним будет торговаться и, кроме спирта, попросит еще что-то.

— Ну, говори, чего хочешь?

— Вот шуба на тебе хорошая, овчинная — такую можно. Унты тоже надо. А самое главное — сижу я ведь без денег, и неплохо, если твоя экспедиция на время охоты мне оклад положит.

— Ишь чего выдумал!

— А как же? Сейчас задаром никто не работает.

— Тебе-то бы можно было, ведь сколько батраков на вашу семью задаром спины гнули. — Хотел Соснин прибавить еще что-нибудь посолонее, но опомнился и примирительно пообещал: — Ладно, с одеждой и обувью придумаем, а вот насчет оклада особо не гарантирую. Теперь вот какое дело. Скажи мне — то место, где мы будем охотиться, глухое? Ведь надо, чтобы никто нас не видел и не слышал стрельбы.

— Не бойся, начальник, стрельбы не будет вовсе. А место там узкое, где протока Кары соединяется с большим озером. Почти пятьдесят лет назад был на берегу чум — место Варкаи.

— Кого, ты сказал?

— Этой полярной совы — Варкаи.

— Верно, верно. У этого паршивца глаза совиные, — зло сжав губы, процедил Соснин. — А почему ты говоришь, что стрелять не будем?

— Потому что повезу я вас в то время, когда гуси будут линные. Знай себе только подгоняй их да головы откручивай.

— Ну, что-то загнул ты из области фантастики.

Тумба обидчиво засопел и, стукнув себя в грудь, поинтересовался:

— Ты видел когда-нибудь купеческую охоту? Нет? А я видел!

— Что это еще за охота?

— Слушай. Каждое лето к моему отцу приезжал русский купец. Большой такой и важный. Он не терпел ездить на оленях, а всё на лодках. Их целый караван из Щучьей ему пригоняли ненцы. На одной, самой длинной и широкой, он из бересты соорудил себе будку. Говорил: на реке не так душно и комаров поменьше. И верно, мы дымокурами в чумах спастись не могли, а от его будки ветер всю мошкару отгонял. Но не отдыхать купец приезжал. На том самом озере, о котором я уже говорил, по берегам, заросшим плавучим кустарником и недоступным даже для зверей, облюбовали себе место гуси. Добывали мы их себе только на варево, а когда объявился купец, стали заготавливать впрок. Встаем чуть свет. Несколько охотников на легких калданках с длинными шестами едут на озеро и выгоняют гусей на протоку. Деваться им некуда, ведь по берегам женщины с ребятишками и собаками их пугают. Вот и плывут казарки да гуменники вниз по протоке, а в самом узком месте она перегорожена. И тут опять стоят охотники. По коридору из мережи загоняют гусей в яму.

— И сколько за такое... — с языка Соснина едва не сорвалось слово «убийство», — ...за такую охоту враз гусей убивали?

— Тыщу. Нисколько не вру. Потом солили и вялили их. И с полными лодками уезжал купец вниз по Каре, но скоро возвращался снова. У той самой загородки, которая помогала нам гусей задерживать, щекур останавливался.

— А что ему тут надо было?

— Как что? Он по этой протоке на нерест в Кару поднимается.

— И сейчас тоже?

— Конечно.

— Скажи, от Утренней это далеко?

— Почему? Как раз на пути к ней.

Соснин, загадочно улыбаясь, теперь уже сам придвинулся к Тумбе и воровато оглянулся.

— Знаешь, у меня возникла идея. Теперь я в угоду та-

ким, как Шибанов, Потапов и старик Варкаи, построю мост по всем правилам инженерного искусства. Из металла, на сварке.

— А зачем он нужен, если там перебрести можно? — изумился Тумба.

— Мозгами шевелить надо, дура. Станем путаться с сетями и разными запорами, все равно кому-нибудь попадем на глаза. А сварщики соорудят мостик — все будут думать, что он нужен для переброски все тех же грузов на Утреннюю. И вот, когда наш гость из Москвы приедет, мы на сваи мостика возьмем, да и накинем капроновую сеть. А потом в нее гусей погоним.

— Тогда уж не капроновую, а вольерную, пусть сварщики заодно прихватят.

— Хорошо. Гусей она удержит, а с рыбой как?

— А куда щекур денется? Другого хода у него нет. Тут весь под мостиком стоять и будет. Останется только тебе, начальник, соорудить сачок и черпать рыбин с полным животом икры.

— Значит, по рукам?

— Э-э, нет. Сначала шубу, штаны, оклад, и уж потом, как бы это милиционер сказал: стану соучастником, — нагловато рассмеялся в лицо Соснину Тумба.

* * *

Становились ночи короче, а дни длиннее. И, пролетев теплые моря, однажды ударился вожак о тугие и холодные струи северного ветра. Как больная дробь, царапнул его крылья заряд сухого, колючего снега.

Но подранка это не испугало. А наоборот — обрадовало. Гортанный громкий крик, вырвавшийся из его груди, наверное, должен был означать, что стая на правильном пути. И птицы наперебой загалдели. Стройный гусиный косяк распался. Летящий навстречу ветер, от которого вожак закрывал широкой грудью стаю, ударил по казаркам, и они заметались растерянно на месте, однако и под-

ранок вел себя как-то странно. Он, словно на что-то нацеливаясь, стал описывать широкие круги, все снижаясь над землей.

Стая, все так же беспорядочно хлопая крыльями, беспрестанно галдя, следила за вожаком с высоты. Вот он снизился, описав еще круг. И по тому, как заискрился на солнце за ним голубой след, птицы поняли, что подранок плывет. Смешно переворачиваясь в воздухе, как кубарем с горы, вся стая тоже плюхнулась в озеро.

По какой-то, ему только одному ведомой примете, подранок определил, что зима в родных краях задерживается. А отдохнуть, подкормиться стае нужно. Но в глубоком песчаном озере кормиться было нечем. И, вдоволь побрызгавшись и покупавшись в чистой, еще не нагретой солнцем воде, гуси затихли.

Подранок тоже, казалось бы, дремал у камышей. Хотя нет, он не сомкнул глаз. В ровном плеске волн и шорохе камыша вожак различал каждый посторонний звук. Поэтому, когда солнце только краешком своего обжигающего большого круга коснулось горизонта и сильнее зашумел в камышах ветер, он поднял стаю в воздух. Лишь когда успели обсохнуть черные лапы и с их перепонок сдуло ветром песчинки, тогда только гусиный косяк опустился на землю. Голодные птицы начали искать рассыпанные и оставшиеся на поле от прошлой жатвы зерна, откапывали каких-то жучков и дождевых червей.

Так дважды в день летала стая на кормежку. И только когда на подсохшей пашне уже зашумели трактора, позвал подранок стаю в дорогу. Насытившись, лениво поднимались казарки в небо, но с каждым часом полет их становился стремительнее. Опьяненные запахом оттаивающей, сырой земли, рвались птицы вперед.

И вот уже стая над белой пеной снегов. Ласкаемая солнцем, покачивается она на волнах тепла и, не чувствуя усталости, летит и летит к Северу, к морю. До самого горизонта блестело оно, как стеклянное. И, отражаясь от граней торосов, лучи солнца слепили глаза. Но не это

ошеломило подранка. Задохнулся, онемел он от того, что под крыльями поплыла родная земля. Это она, стонущая под ветрами, овеяла теплом, обмыла в чистых струях вод.

Там, в камышах на лимане, он тосковал и помнил о ней. И ждал момента, когда окажется в краю, где столько простора и света, где не надо бояться людей в чалмах. Как ритуал почета, описав в воздухе круг, опустилась стая на склоне чернеющего торфяником собкая. Здесь можно было укрыться от холодного ветра с моря, а главное — сколько хочешь в оттаявшем торфе корма и зеленой травки.

Вытянув свои короткие шеи и важно надув рыжевато-желтые щеки, казарки дружно прогоготали. Но теперь в их голосах уже слышалась не только радость о прибытии в родные места, но и предостережение. «Мы будем здесь кормиться и выводить своих птенцов. И на этот собкай никого не пустим».

С того дня принялась стая строить гнезда. Подранок своей гусыне помогал в этом тоже. Насытившись и отдохнув, они стали выщипывать на вытаявших кочках сухую травку и в клювах носить ее к склону. Пока подранок взбивал мягкую постель, гусыня, как бы прихорашиваясь, расчесывала клювом на себе перья, выбирая при этом легкими щипками пух. Устелили пухом дно гнезда. Но и когда гусыня села в гнездо, подранок не покидал ее. Лишь изредка он поднимался в воздух, всматриваясь, не появился ли рядом злейший враг-лакомка — белый песец.

Прибавилось хлопот у вожака с появлением пушисто-желтых в темных отметинках птенцов. Силенок у малышей еще немного, купаться им позволяется только у берега озера, а не то ветер может унести их на середину и потопить в волнах. Вместо того, чтобы маскироваться или бежать, они могут из любопытства, себе на беду, глазеть на волка. А вот на песца шипят с детства.

В середине лета подранок и другие гусаки стаи ненадолго оставили ее без мужского глаза. Внезапно поднявшийся ветер взметнул к небу тучу легких, как снег, перьев, известив тундру о том, что у гусей началась линька.

Постанывая от боли и с завистью глядя на птиц, парящих в высоте, подранок глубоко забрался в плавучие кусты озера, куда ни зверь, ни полярная сова не могли добраться, и на сухом пучке валежника устроил себе что-то вроде гнезда.

* * *

Рано утром рядом со школой сел вертолет. Алиса, остановившись у крыльца, видела, что встречали его Соснин и Тумба. Когда дверь вертолета открылась, оттуда в объятия Владимира Михайловича вывалился длинный парень в пушистом свитере и джинсах, заправленных в высокие резиновые сапоги. Вспомнив рассказ Соснина, Алиса поняла, что это Игорь. Тот самый представитель из министерства, для которого нужно было устроить охоту на краснозобую казарку.

— Тоже мне — охотник, — процедила иронически Алиса. — Поди привязать вначале гусей заставит, а потом уж и стрелять начнет.

И зло хлопнула дверью. Взяв в учительской журнал и тетради, начала урок. Но звук взлетающего вертолета вновь напомнил ей, зачем и куда он отправляется. И неожиданно, прервав свой разговор с детьми, она подумала: «А почему я молчу? Ведь не пощадил же меня Соснин...» И эта мысль так засела в ее голове, что, едва закончив урок, Алиса тут же решила действовать. «Но кому сказать? К кому идти?» — заметалась она. И вдруг вспомнила, как разъярился Варкаи, узнав о плотине Соснина. И бросилась к нему.

Варкаи на построенных прямо в ограде вешалах разбирал спутанные, забитые речным мусором сети, постоянно отбиваясь от наседавшей на него мошкары.

— Вот ведь жаднючие, и жизнью своей не дорожат. Дымокуром морю их, давлю руками, а они все летят, — улыбаясь, проговорил Варкаи, завидев Алису. — Чего долго не бывала? Или думаешь, что появился у меня внук, так

есть теперь в доме пареное и жареное? Ничего подобного. С утра до вечера он все в своей больнице. А я, как умею, кухарю.

— Хорошо, хорошо. Приду как-нибудь, вас, холостяков, досыта вкусненьким накормлю. Только я сейчас за другим. Ты видел, недавно вертолет поднялся?

— Их сейчас много летает. Не обратил внимания.

— А надо было, — досадливо заметила Алиса. — Тем более что полетел он к озеру, что рядом с Карой. Говорят, там раньше твой чум стоял?

— Было дело, — теперь уже заинтересованно глядя на Алису, согласно кивнул Варкаи. — Что, разве Соснин там нашел газ?

— Нет, туда он полетел с Тумбой и еще одним мужиком из Москвы.

— Подожди, подожди, — подняв предостерегающе свою беспалую руку, зачастил Варкаи. — Тумба, ты говоришь? О, это пакостный сармик! И добра от него тундра никогда не видела. Но зачем же, зачем он повез их туда? — еле слышно, будто спрашивая сам себя, проговорил Варкаи.

И вдруг круто повернулся к Алисе. Она отшатнулась. Лицо Варкаи было мертвенно-бледным. Серые глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, и тонкие бескровные губы растерянно тряслись.

— Послушай, Алиса, ведь там гнездится казарка! А ее по закону стрелять нельзя. Да и линная она. Какая же может быть охота летом?

— А они поехали на охоту, — подтвердила Алиса.

Если бы не жерди вешалов, в которые уперлась костлявая спина Варкаи, он бы, наверное, упал, настолько поразила его услышанная от Алисы весть. Она, оправившись от испуга, уже досадливо думала о том, что, пожалуй, зря расстроила старика, и надо было кому-то другому сказать об этом. Решительно подойдя к Варкаи, взяла его за руку, чтобы усадить на завалинку, но он оттолкнул ее.

— Я сейчас же поеду туда на «Вихре», — задыхаясь от решительности и гнева, проговорил Варкаи. — Под этим мотором лодка мчится, как стрела, и не успеют они похо-

зяйничать, как я подлечу. А ты беги к телефону. Звони Шибанову и этому, как его... Потапову. Все обскажи, что знаешь.

На почте Алисе сказали, что пока связи с районом нет. И когда будет — неизвестно. Выйдя на крыльцо, она услышала гул мотора и увидела вырвавшуюся из-под яра легкую дюралевую лодку. Закутавшись в зеленый брезентовый дождевик, Варкаи направлял лодку к Каре. Глядя на удаляющуюся, сгорбившуюся на корме маленькую фигуру старика, Алиса подумала: «А как же он один против троих?» Возникло желание вернуть Варкаи. Алиса бросилась к берегу. И тут же, поняв, что сделать это уже невозможно, решительно зашагала в поселок.

Алексей с сотрудниками больницы занимался уборкой территории. Алиса даже порадовалась этому — не надо бегать по кабинетам. Вот только женщины. Они, казалось, догадывались обо всем и смотрели прямо на живот, который трудно было уже скрыть. Широкие полы плаща под ним предательски разъезжались. Почувствовав, как загорелось ее лицо, Алиса все же решительно направилась к Алексею. И, отведя его в сторону, торопливо рассказала ему, куда и зачем умчался Варкаи.

— Ты с ума сошла! Разве можно было его отпускать одного? — возмутился Алексей. — Ведь Тумба ни перед чем не постоит, чтобы только свести с ним счеты. Да и Соснин, похоже, к нему обниматься не полезет.

Алиса растерянно молчала. И Алексей, поняв, что погорячился, сконфуженно замолчал тоже. Так, больше не сказав друг другу ни слова, они дошли до крыльца почты.

— Ты поезжай к деду. А я буду звонить в район, — не оборачиваясь, бросила Алиса.

* * *

Лодка шла ходко. И, заметив темную точку вертолета, возвращающегося с Кары, Варкаи подумал, что свое злое дело компания начать еще не успела, но ошибся. Когда в неполном бачке закончился бензин и мотор заглох, не дойдя до места два крутых поворота, Варкаи услышал, как

впереди тревожно, то срываясь, то переходя на беспрестанный гогот, кричали гуси.

«Это Тумба. Ведь он мне когда-то говорил, что понравились ему казарки. И если вернется, то уж наестся до отвала».

Забыв о том, что бензин кончился, Варкаи бросился к мотору и стал дергать стартер, пока не задел ногой пустой бак. Зло отшвырнув его, Варкаи подсоединил шланг к другому. Выбросив едкий дымок, мотор рванул «дюральку». Так, на полном ходу, Варкаи вылетел из-за поворота и, вильнув, чтобы не налететь на резиновую лодку, в которой сидел неизвестный ему длинный парень, ткнулся в берег. Боком он больно ударился о переднюю беседку, но тут же соскочил и осмотрелся.

Человек в резиновой лодке гнал гусей по узкой протоке к мостику, под которым натянута была вольерная сетка. Справа высился яр, и гуси не могли на него взобраться. А стоило им только приблизиться к левому пологому берегу, как Соснин длинным шестом отгонял их. Теснимые так, птицы, подминая, давя друг друга, устремились к единственно свободному пути. Это был узкий коридор. С одной стороны его возвышалась насыпь мостика, с другой — растянутая на кольях мережа.

Не подозревая о западне, казарки обрывались в этом коридоре в глубокую яму, из которой брали когда-то землю для сооружения насыпи.

«Все, как в былые времена на купеческой охоте устроил, паршивец», — подумал Варкаи. И новый прилив ярости вывел его из оцепенения.

— Эй ты, старик! — крикнул ему человек из резиновой лодки. — Что тебе здесь нужно? Проваливай! Или не слышишь?

Варкаи действительно не слышал. В несколько прыжков он оказался рядом с Сосниным и, вырвав из его рук шест, бросился к яме, откуда доносился душераздирающий от дикой боли и отчаяния гусиный гвалт. Соснин предостерегающе крикнул:

— Куда ты, псих? Цацкаться Тумба не будет. Заодно свернет и твою шею!

Оглохший от гомона птиц, забрызганный кровью, Тумба свирепо колотил гусей по головам палкой. Но добить крупного гусака не успел. С хрустом по его спине прошелся шест.

...Подранок, тяжело оторвав от земли разбитую голову, напрягся и хотел подняться на лапы. Но тут же обессиленно повалился. Однако, стараясь поспеть за скатывающимися обратно к реке гусями, поднялся снова. Покачиваясь и сотрясаясь от боли, он ошеломленно крутил головой. И не видел людей в чалмах. Тогда, собравшись с силами, подранок хотел крикнуть, должно быть, желая подбодрить стаю или известить о том, что жив, но, захлебнувшись кровью, упал.

— Смотри, смотри, убийца, как птица умирает! — заломив руки Тумбе, неестественно громко, прямо в лицо ему закричал Варкаи.

Подбежавшие Соснин и длинный угреватый его помощник на миг растерянно замерли на месте. Голова гусака на онемевшей и непослушной шее пыталась спрятаться под крыло. А широко открытые глаза смотрели на людей внимательно и тоскливо. И не закрывались, а потускнели, будто вылилось из них что-то светлое, и навсегда. По перьям, как будто кто-то торопливой рукой их перебрал, пробежала судорога.

Варкаи, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, еще сильнее стиснул руки Тумбы.

Тот истерично взвизгнул, и почти одновременно Варкаи почувствовал, как качнулась под ногами земля. Но хотя удар был сильный, смягчила его ушанка, и сознание Варкаи не потерял. Оказавшись на земле, увидел прямо перед собой сапоги в рыжих потеках глины. Они, как ушастые и глазастые твари, казалось, стерегли каждое его движение. И только стоило шевельнуться, как сапог замахнулся, а вот ударить не успел. Цепкой хваткой опоясал его Варкаи и опрокинул Тумбу.

Тот, задыхаясь от бешенства, изогнулся, чтобы укусить, но не сумел. Тогда, скрипнув зубами, пообещал:

— Не я буду, если за гусями тебя к предкам не отправ-

лю. Ведь должен же я с тобой, голяк несчастный, рассчитаться за Катерину и за олешек своих!

И тут откуда-то снизу раздался голос Соснина:

— Моторная лодка сюда чешет! Бросай, Игорь, гусей и ненцев вместе с ними — пусть расхлебываются!..

Услышав об этом, Тумба встрепенулся, но вырваться было непросто. И все же он как-то изловчился и высвободил руку. И почти сразу же, как кипятком, ожгло живот Варкаи. Потом стрелы боли понеслись по всему телу.

Тумба соскочил. Схватив его за рукав, Варкаи ужалился об острие окровавленного ножа.

«Ах, вот оно что, — мелькнуло в его голове. — Сил не хватило, так ножом решил меня на тот свет отправить. Нет, шутишь!»

Негодование, а скорее всего даже презрение к Тумбе, пустившему в ход против человека оружие, что особо жестоко каралось в тундре, заставило Варкаи забыть о боли. И он, прямой, в разодранном и окровавленном дождевике, ничего не видя впереди, кроме спины Тумбы, решительно шагнул за ним. Подумал Варкаи, что, если даже ему не придется больше жить, он не даст этой возможности и Тумбе. И вдруг лицо Алексея, растерянное, бледное, появилось рядом:

— Дед, ты ранен? Давай в лодку.

— Нет, — почти шепотом ответил тот. — Тумбу отпускать нельзя.

Хотел Варкаи сказать что-то еще, но его голос перекрыл рев откуда-то внезапно взявшегося вертолета.

И еще колеса вертолета не успели нащупать уверенную опору под собой, и он, покачиваясь, крутился на месте, а из дверей уже высыпали люди. Глубоко проваливаясь во мху, бежали к Варкаи Потапов и рядом с ним какой-то высокий, седой мужчина.

— Чего рот разинул? — набросился на Алексея Потапов. — Видишь, человек ранен, быстро его в вертолет! А ты, Шибанов, лови своего Соснина и всю его компанию!

Впрочем, времени на это потребовалось немного. Оказавшись на мысу, с одной стороны которого была Кара, а с

другой — протока, Соснин, Тумба и Игорь могли укрыться только в тундре, но там на пути стоял вертолет.

— По всем правилам купеческой охоты, — проговорил на ухо Алексею в вертолете Варкаи.

— Не понял я, дед.

— Говорю, по всем правилам купеческой охоты отрезал Тумба гусям пути, а вы — ему. Спасибо. Теперь мне и помирать легче...

— Ты еще будешь жить, — подбадривающе улыбаясь деду, проговорил Алексей. — Рана не сквозная, но крови потерял много, так что полежать придется.

Вероятно, вслушивающийся в разговор внука с дедом, вмешался Потапов:

— Мы ему путевку на курорт, Алексей, выхлопочем, — и, смутившись под внимательным взглядом Варкаи, отвернулся.

— Чего, Потапыч, душу царапаю? — приподнявшись на локтях, обратился к нему Варкаи.

— Царапаешь. Извини, что не прислушался к тебе. Хотя ведь должен был. Вместе колхозы строили...

И хотел, наверное, Потапов уже вспомнить что-то из тех былых времен, но Варкаи его остановил:

— С тобой мы поговорить еще успеем. Сейчас седого мне этого позови.

— Хватит, хватит, дед, тебе утомляться вредно, — возразил Алексей.

— Но ты же мне сказал, что полежать придется. Вот, значит, и отдохнуть успею. Тяни, тяни его сюда, Потапов.

И Варкаи видел, как Потапов склонился к Шибанову, и тот было уже поднялся, но сел обратно. Вертолет, накренившись, начал снижение.

Принесли Варкаи на носилках прямо домой, где уже, видно, давно хлопотала Алиса.

При виде смирно и беспомощно лежащего на носилках Варкаи она растерянно прильнула к косяку кухонной двери. Но тут же, спохватившись, выбежала за раскладушкой. Ее поставили у печи и придвинули стол.

— Вот теперь мы с тобой рядом, — улыбнулся Шибанов и, стараясь быть осторожным, все же как-то неловко, по-мужски, рывком обнял Варкаи.

Присутствующие недоуменно переглянулись. Повернув к ним растроганное, взволнованное лицо, Шибанов объяснил:

— Воевали мы с Варкаи вместе. Хоть фамилию я его помнил, а вот признать, наверное, и не признал, если бы не рука.

И он поднял с одеяла левую руку Варкаи, на которой, кроме большого и указательного, не было остальных пальцев.

Уже разошлись званые и незваные гости, а Потапов с Шибановым все сидели возле Варкаи. Спорили, вспоминали, и незаметно разговор повернулся снова к Соснину и Тумбе. Потапов недоуменно качал головой, волнуясь, как будет объясняться в верхах о происшедшем; Шибанов молчал. Затем, наполнив себе и Потапову рюмки, провозгласил:

— Выпьем за природоохранителя!

Почувствовав, что Шибанов вложил в свои слова какой-то особый смысл, Потапов поинтересовался:

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что в объединении давно есть единица инспектора по охране природы, только подходящего человека найти не могли. Теперь нашли.

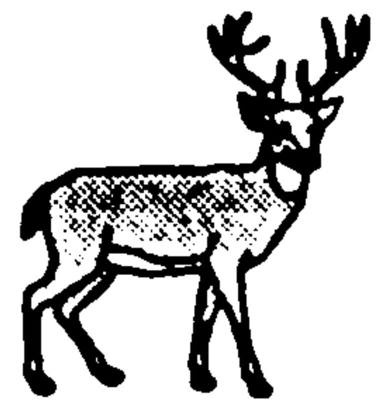
И, обращаясь к Варкаи, добавил:

— Дадим тебе транспорт, оклад, спецодежду.

— Спасибо, спасибо, — улыбнулся Варкаи, но тут же посерьезнел. — Транспорт и форма, конечно, хорошо. И ружье, может, дашь? Но и тогда я природу охранять не сумею. Зверей, рыб и птиц должны беречь все.

— И особенно гусей, — широко улыбаясь, вставил Потапов.

— Подожди ты, — оборвал его Шибанов. — Варкаи дело говорит.



К особо охраняемым природным территориям в округе относятся:

Государственный заповедник «Верхне-Тазовский» (площадь — 212 тысяч га).

Государственный заповедник «Гыданский» (площадь — 878 174 га).

Государственный зоологический заказник федерального значения «Куноватский» (площадь 220 тысяч га), находится на территории Шурышкарского района. Создан для охраны лося, бурого медведя, боровой дичи, соболя и сохранения западной и центральной популяции сибирского белого журавля.

Государственный зоологический заказник федерального значения «Нижнеобский» (площадь — 128 тысяч га), находится на территории Ямальского района. Создан для охраны уникальных водно-болотных угодий и мест массовой концентрации птиц во время весенне-осенних миграций. Включен в список водно-болотных угодий международного значения, как «Острова Обской губы, Карского моря».

Всего в границах округа располагается 16 особо охраняемых природных территорий.

ЛАЮЩИЙ ВОЛК РУК НЕ ЛИЖЕТ

«В марте или в апреле, когда солнце день и ночь уже сидит на самой высокой елке, мой пес Альбион убежал за сукой и как сквозь землю провалился. А летом гребу на лодке-«ветке» по Часельке, комары со всех сторон обсели и кровь сосут. Думаю: «Надо, пожалуй, от яра к песчаной косе перегрести. Какой-никакой, а ветерок там воду морщит».

В косу весло воткнул. Стал отдыхать. Вдруг мне почудилось, что я здесь не один. Поднялся на ноги. И правда: за корягой, которую, наверное, еще весной большой водой в песок засадило, лежат десятка два-три собак. Языки высунули — и на меня ноль внимания.

Откуда их здесь столько? Ведь до самой нижней фактории, считай, все двести километров будет.

И вдруг сердце чуть не выпрыгнуло. В меня впились коричневые глаза.

Да! Точно! На меня смотрел Альбион.

— Альбион! — позвал я потихоньку.

Глаза его моргнули, я позвал еще раз. И он перемахнул через корягу, виляя хвостом. Он узнал меня. Я обрадовался и выскочил из лодки навстречу. Но вдруг за корягой раздалось вначале тихо, потом громче рычание. Альбион остановился, я шагнул к нему — и испугался. Альбион сморщил нос и показал верхние клыки. Не дожидаясь, когда он на меня кинется, отступил к лодке...»

Вот такое письмо я получил от охотника Владимира Пяка. Оно вызывает сочувствие. Без четвероногого друга охотник в тайге как без рук. Но Альбион — жертва случайности, и я не буду по этому поводу давать волю эмоциям. А сосредоточу ваше внимание на стае одичавших собак.

В центре России, где миллионные города, такие явления не новость, но чтобы они объявились у нас — не укладывалось в голове, пока не заручился заверением бывшего директора совхоза «Верхнепуровский» П.Остапенко, самолично «пощипавшего» из ружья такую стаю.

Одичавшие собаки появились у нас не сегодня и не вчера, а еще в шестидесятые годы, когда по северным регионам расползалась геологоразведка. В моем блокноте осталась запись: «Июль 1991 года. Бригада вышкомонтажников Красноселькупской ГРЭ встречает вертолет с четырьмя собаками. Зачем их столько? И почему собаки в разгар лета, когда у птицы и у зверя потомство, что называется, еще от горшка два вершка, живут на буровой без привязи?

— Медведей боимся, — нагловато ответили те».

Не надо обладать даром предвидения, чтобы представить будущее этих четвероногих стражей. К ним фортуна изменчива. Если не показала себя собака в охоте (а в дан-

ном случае в браконьерстве), ее пустят на шапку или на все четыре стороны.

Итак, уточняю: геологи, геофизики положили начало появлению полчищ одичавших собак и способствуют этому до сих пор. Но основным «поставщиком» такого рода стай в настоящее время все же являются регионы Нового Уренгоя, Ноябрьска, Надыма и Пуровского района. А недавно опасение стал вызывать и полуостров Ямал. Во временных поселках строителей, транспортников, газовиков, нефтяников собаки повсюду. И большей частью без хозяев и кличек.

Охотовед-биолог Ямало-Ненецкой окружной охотинспекции Ю.Середонин так охарактеризовал повадки и психологическое состояние пса, обреченного на скитание и бродяжничество:

— Собака живет в буферной зоне между человеком и дикой природой. От первого она «впитала» рефлексы. Научилась хитрости и, мне кажется, в организации охоты если не изобретательнее, то наглее волка.

Поэтому, как только собака становится бездомной, мы в ее лице приобретаем опасного врага. Домашнее животное, бдительность которого усыплена тем, что перед ними не хищный зверь, поистине само идет в зубы собаке.

В моем распоряжении есть официальная справка Уральского отделения Академии наук СССР. Волки «слизнули» с народного стола в 1990 году в округе 6700 голов оленей, в последующих годах чуть-чуть поменьше. Но, к сожалению, нигде не удалось найти сведений о том, какое количество олешек ушло на кровавое пиршество собак. Это наводит, и вполне справедливо, на мысль, что компетентные органы до сих пор беды не видят, хотя она уже на дворе. Ведь для удовлетворения своих естественных потребностей собаки не гнушаются ничем живым — даже волки по диапазону охоты против них сущие агнцы.

Старший охотовед Пуровской районной инспекции М.Беседин рассказал о своих наблюдениях. Они сводятся к тому, что за последние годы на угодьях сократилось ко-

личество куликов, глухарей, тетеревов. Собаки пожирают яйца, птенцов, линную дичь.

В прошлом году на совещании оленеводов Ямала заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР бригадир пастухов совхоза «Ярсалинский» А.Худи просто ввел в панику присутствующих. По его словам, строители железной дороги Обская — Бованенковское уже заполнили полуостров собаками. Мало того, что от них не стало житья совхозным оленям, нависла угроза уничтожения местной популяции белого песца. Собаки без труда расправляются со зверьками, а норы их используют в качестве своего жилья. Уместно заметить, что доля полевой пушнины, поступающей с полуострова, всегда была самой значительной в заготовках округа.

Хозяйственники сейчас забили тревогу. В качестве спасительного средства им предлагают отстрел. Но я очень сомневаюсь, что он эффективно скажется на регулировании количества одичавших и бездомных «альбионов». Параллельно надо узаконить меры, которые бы исключали в дальнейшем бесконтрольный завоз их на буровые и в вахтовые поселки. То есть я предлагаю установить административный и законодательный заслоны.

Впрочем, возможно, такие документы уже увидели свет? — жила во мне тайная надежда...

Но нет, того, что искал, так и не нашел. Между тем уже давно по долгу своей службы охотинспекции, охотобщества, комитеты по охране природы обязаны были взять инициативу решения проблемы на свои плечи.

Однако, мне кажется, первую скрипку все же тут должны играть местные Советы. Разве для них это не тот самый момент, когда требуется власть употребить и проявить самостоятельность? Помнится, директор совхоза «Полярный» В.Ямов на одной из сессий Красноселькупского районного Совета народных депутатов предлагал проводить досмотр вертолетов, вылетающих на буровые. И в случае обнаружения на борту собак «гасить» у командира талон нарушения. Но депутаты промолчали, то есть сан-

кционировали дальнейшее распространение зла, последствия которого трудно измерить.

Этой фразой можно было бы закончить, но...

Кого-то, возможно, удивило название. Волки действительно не лают, а кличкой «хоротты-вой», что в переводе с хантыйского — «лающий волк», оленеводы окрестили волкособак. О гибридах волка и собаки говорилось и писалось достаточно. Они давно уже «наложили лапу» на домашний скот Воронежской, Курганской и других областей. Нас долго Бог миловал, а потом оленеводы стали замечать зверей крупнее волка, почти совсем светлой окраски, и шерсть чуть длиннее... Когда волк бежит — он будто перекатывается, а у «хоротты-воя» спина не гнется.

Они приходили в стадо и спокойно бродили среди оленей. Те их совсем не боялись...

Одичавшие собаки, как и волкособачьи гибриды, изучены наукой слабо. Поэтому в обширной монографии «Волк», изданной в 1985 году, уделено им всего несколько строк. Я выписал вот эти: «По отношению к человеку волкособачьи гибриды вели себя смелее, чем волки, что подтверждается появлением хищников вблизи населенных пунктов в светлое время суток и нападением на домашних животных в присутствии людей... агрессивностью к человеку».

Строчку из басни Крылова о слоне, которого не заметили, я в данном случае должен отнести к себе. Ведь я обязан был в первую очередь рассказать о том, что в любой момент жертвой хищников может стать человек. Слышал, года два назад такое случилось в Белоярском. А уж на доброту волкособак и вовсе рассчитывать не приходится. Начальник областного управления охотничьего хозяйства В.Азаров как-то нарисовал мне ужасающую картину их расправы с людьми в Прибалхашье...

«Альбион мне руки уже не лижет» — это последняя строка из письма охотника В.Пяка. Рвется еще одна цепочка, связывающая человека с живой природой. Но в наших силах ситуацию изменить.

НА ФОНЕ КОСМОСА НЕНЕЦКОЕ СЕМЕЙСТВО...

Мы переживаем времена, когда с огромного количества бумаг с шорохом осыпается гриф «секретно». И уже не столько для северян — для всей страны не является новостью тот факт, что два района Ямало-Ненецкого округа — это место, куда падали и падают отделяемые части ракет. Тот, кто не бывал на Севере, но бывал на космодроме Байконур, видел, какие они. Малиновый носовой обтекатель и внушительных размеров сигарообразные топливные баки...

Но меня в колыбель космической славы привело не праздное любопытство, а чисто прозаические вопросы.

Например: содержат ли «железки», падающие на нашу землю с небесной выси, радиационную заразу? Меня заверили, что в этом вопросе нет на Байконуре компетентнее человека, чем полковник В.Доронин. А он голову дал на отсечение: такой опасности их техника не несет, ведь в качестве топлива в космических летательных аппаратах безобидные керосин и кислород.

Правда, потом Доронин все же признался, что у правила есть исключение — корабль «Протон». Он работает на агрессивных компонентах топлива. И когда ступень отделяется, то в пространство, а следовательно в воду и на землю, проливается до 200 килограммов вещества, которое для природы скорее яд, чем бальзам. Однако он утверждал, что такие ракеты с Байконура не стартуют.

А откуда? Может, с космодрома Плесецк?

— Нет-нет! Мы с «Протонами» дела не имеем! — открестился от этой ракеты и заместитель начальника штаба Плесецка В.Василенко.

Не знаешь, кому и верить. Что в таком случае значит снимок, который мне дали на Байконуре? На фото запечатлен момент, когда «Протон», весь в облаках пара, готовится к прыжку в космос.

Может, эти старты в прошлом? Однако факт, что «Протоны» использовались. Тогда хотелось бы знать, где и в

каком количестве, на горе всему живому, распространяли их остатки заразу? Уж не в Уватском ли районе Тюменской области? Председатель районного Совета Ю.Свяцкевич вспоминает, как в 1987 году внезапно появились и буквально обложили район люди в военной форме. Их было много, и они что-то тщательно искали. Теряясь в догадках, Свяцкевич подал депутатский запрос Д.Язову. Министр обороны отказался удовлетворить его законное любопытство. Но заверил, что такое больше не повторится.

Столь же исчерпывающие ответы получал, по сути, и я. Причем плесецкие специалисты оспаривали даже термин «пассивный полигон» применительно к Тюменской области. По их мнению, место падения отделяющихся частей ракет никак нельзя назвать полигоном. Однако Советский энциклопедический словарь на этот счет сообщает следующее: «...участок суши или моря, предназначенный для испытания оружия, боевых средств, техники...»

Допускаю, что два первых определения не из этой оперы, но разве ракета, даже используемая в мирных целях, не является техникой? И чем же, как не полигоном, можно назвать участок суши, где запрещена народно-хозяйственная деятельность и который стал просто свалкой космических железок? Здесь ранят ноги олени, здесь небезопасно ходить и человеку.

Но не надо думать, что если свалка — то нет порядка. За двое-трое суток до запуска летательного аппарата военное ведомство дает телеграмму местному Совету, на чью территорию должен приземлиться космический подарок. Стороны договариваются, что все, кто работает в непосредственной близости с опасной зоной, подлежат на время эвакуации. Но эта система предосторожности иногда допускает осечки. К примеру, около двух лет назад Плесецк потребовал отогнать на полуострове Ямал оленье стадо на 40 км от искомого района. И ровно на столько же космодром ошибся в расчетах. «Болванка» (или, если хотите, отделяемая часть ракетоносителя — ОЧРН) весом в 5—6 тонн ухнула рядом с чумом пастухов. После этого мест-

ные власти снова потребовали перенести свалку куда-нибудь в Карское море. Официальная реакция была такова: сие нецелесообразно, потому что запуск под другим наклонением не обеспечит эффективного использования космических аппаратов... Но злые языки утверждали, что в ведомстве просто не нашлось ума, который мог бы скорректировать расчеты легендарного Королева...

Как обстоят дела сейчас? В районе с условным названием «Тобольск» (это в восьми-десяти километрах от Увата) тайга и болота буквально щетинятся старыми и новыми обломками ракет, не сгоревшими в плотных слоях атмосферы. Между тем у «Тобольска», в некогда глухом углу, открыто перспективное Кальчинское месторождение нефти. Где-то через год здесь протянут продуктопроводы... Нетрудно представить, какой трагедией может обернуться неточность приземления ОЧНР. Все больше интересуются этим районом и геологоразведчики. Свои расчеты у лесозаготовителей.

Почуяв, что слова «экология» и «суверенитет» вошли в моду, начали считать да прикидывать и местные Советы. А не потребовать ли с космодромов компенсацию за убытки? Сейчас сами над собой смеются, вспоминая, как раскатали губы, предвкушая миллионные прибыли от захламленной территории... Ничего, конечно, не вышло. И дело не в скупости ведомства. Отрасль, вобравшую в себя передовую науку и олицетворяющую технический прогресс, держат, как известно, не только в ежовых рукавицах, но и в черном теле. Министр обороны разрешал, в частности, Плесецку раскошеливаться лишь в случае прямого ущерба, то есть если части ракет со всего маху угодят в стадо и оборвут безмятежную жизнь нескольких оленей...

А в остальных случаях? «...По возможности оказывать практическую помощь материальными и техническими средствами для укрепления социальной сферы...» Такие обязательства дало год назад руководство космодрома Плесецк Уватскому районному Совету. Однако возмож-

ности, видимо, не представилось. Да и чего было ждать от расплывчатой, ни к чему не обязывающей фразы!

Имелся, правда, в документе и более привлекательный пункт. Из него следовало, что войсковая часть 13991 обещает начать сбор и утилизацию отделяющихся частей ракетоносителя в районе падения. Увы! Свалка продолжает расти. Ее масштабы помогут представить такие цифры. За тридцать лет районы Тамбея и Яр-Сале использовались как место сброса 130 раз. Рядом с армированными, легкими обтекателями здесь покоятся железки весом пять тонн и больше.

Байконур, как известно, «свои» железки не бросает. Его специальное подразделение уже много лет работает в Томской области. Со ступени ракеты снимают драгоценные металлы, затем разрезают и вывозят... Северяне же, которым надоели отговорки Плесецка, сами решили поставить космический металлолом на рельсы конверсии. Носовые обтекатели они приспосабливают под каркасы чумов. А топливный бак ракетоносителя в зверооле违неводческом совхозе «Россия», например, используют как склад для хранения комбикорма.

Некоторые горячие головы, правда, все-таки хотят пойти дальше — требуют запретить запуск ракет с Плесецка, хотя понимают, что без спутников сегодня — ни туда и ни сюда. А их выводят на околоземную орбиту ракетоносители с Байконура и Плесецка.

Но и сидеть в созерцательной позе в отхожем месте нашего мирного космоса им тоже больше не хочется. И разве они не правы?

«ОНО» ЖИВЕТ В ОБИ

...Рыбак из Горнокнязевска на днях поймал осетренка с тремя глазами. А еще был случай, когда вопреки всякой логике выловили осетра с белой икрой. Страшно, но факт! В Оби завелись мутанты.

А река продолжает преподносить сюрпризы.

Во все времена налима ценили за его печень, но вдруг предмета особой гордости в нем не оказалось. Вернее, печень сама по себе есть, только очень маленькая, а чтобы назвать ее деликатесной, надо очень много выпить. А что случилось со щекуром? Вопреки законам природы, он скатывался с нерестилищ на зимние квартиры — в Обскую губу — с полным животом икры. Во всяком случае, по наблюдениям рыбаков, таких особей этой весной было достаточно много.

Любопытно, что на этот счет скажут официальная статистика и компетентные специалисты?

— В течение последних лет мы работали на Оби и проводили инструментальный мониторинг от Нижневартовска до Салехарда. Выяснилось, что допустимая концентрация в воде нефтепродуктов, тяжелых металлов и другой гадости превышена в 8—10 раз. Сейчас это стало вполне нормальным явлением. И уж если разгорается скандал, то по поводу 80—100 ПДК, не меньше, — говорит заместитель директора научно-исследовательского института СибрыбНИИпроект кандидат биологических наук В.Крохалевский.

— Загрязнение водоемов нарушает иммунную систему рыбы, влияет на ее половые признаки. Иными словами, от дурного семени не жди хорошего племени. Или вообще ничего не жди.

Еще три года назад в этом же институте мне сообщили потрясающую новость, что в обских водоемах завелся муксун «оно» — ни «мужчина», ни «женщина». Значит, муксун исчезает как вид, а ведь эта рыба — одна из самых ценных пород пресноводных не только в нашей стране.

Впрочем, об одном ли муксуне речь? Видимо, говорить надо уже в целом о сиговых — щекуре, сырке, пыжьяне.

— По крайней мере, — считает старший ихтиолог Ямало-Ненецкой окружной инспекции рыбоохраны А.Прокопчук, — на сотню пыжьянов 2—5 «горбунов». Искривление их позвоночника произошло благодаря отравлению «химией» и нечистотами, которые до сих пор щедро льют-

ся в реку из 39 городов, расположенных в верхнем течении Оби. Особенно часто в последнее время в сети рыбаков попадает рыба, похожая на щекура и пыжьяна одновременно. Этот гибрид также не имеет пола, некое «оно». Потомства не дает.

Получив представление о том, какая беда поселилась с некоторых пор в Оби, хочется детально познакомиться с теми, кто является ее автором, но скромно об этом умалчивает.

В Среднем Приобье среди тех, кто всегда выходил из воды сухим в конфликтах с природоохранными органами, были нефтяники. О них песни слагали. И «нефтяному королю» даже местного масштаба не стоило труда указать на свой шесток инспектору рыбоохраны или приручить его, ведь ничего не было у нищего инспектора! Ни бензина, ни моторов, ни снегоходов... А у нефтяников всегда это было, и они смотрели на природу с позиций временщика.

Дурной пример заразителен. Уверившись в безнаказанности, в 1984 году начало уничтожение рыбы и Обь-Иртышское речное пароходство. Естественно, заручившись поддержкой сильных мира сего.

Я взял эксклюзивное интервью у бывшего начальника Сибирского управления рыбной промышленности Н. Будылдина. Он вспоминает о том, как эта авантюра начиналась.

— Ко мне в Сибрыбпром поздно вечером позвонил Петелин, помощник первого секретаря Тюменского обкома КПСС Геннадия Павловича Богомякова, — рассказывает Николай Яковлевич. — И попросил справку: сколько и какой рыбы добывается на реке Собь? Я отвечаю, что в зависимости от уровня воды и заморных явлений река дает ежегодно от 60 до 70 тонн рыбы. По ямальским меркам — это капля в море. Но главное богатство Соби в другом. Она — нерестилище высокоценных пород рыб.

Но Богомяков и председатель облисполкома Никитин эту щекотливую деталь с молчаливого согласия руководства Ямало-Ненецкого округа — Миронова и Тишина — в письме заместителю Председателя Совета Министров СССР Борису Евдокимовичу Щербине сообщить «забыли». И вско-

ре большой начальник поставил на их «бумаге» резолюцию: «Считаю возможным разрешить разработку ПГС (песчано-гравийная смесь. — *Ред.*) в устьевой части реки». И никто после этого уже не хотел слушать доводов рыбаков и ученых о том, что «Собь входит в реестр рек высшего разряда народно-хозяйственного значения». Что она — роддом сиговых. Наконец, эта река, берущая свое начало на Полярном Урале, — неотъемлемая частица среды обитания маленького хантыйского народа, и «вероломства, неуважения к себе он не потерпит». Правда, речники сочли последние слова за пустое сотрясение воздуха, а поэтому в начале путины пароходство подтянуло целую флотилию плавкранов, и те начали черпать со дна реки так называемую песчано-гравийную смесь, необходимую тогда для гигантских объемов строительства на крупнейших в мире газовых месторождениях, в том числе Ямбурге.

Не неся практически никаких затрат и войдя во вкус в следующую навигацию, пароходство вторгалось на акваторию Соби уже на специальных землечерпательных снарядах импортного производства, но к тому времени многие из участников этой варварской операции прозрели. В частности, сами речники, доставляющие ПГС в Сургут, иначе как «грязью» ее не называли. За то, что во время транспортировки мелкие и скользкие «рыбьи камушки» сползали с барж за борт.

На мой вопрос, устраивает ли по своему качеству ПГС строителей, заместитель начальника Главямбургнефтегазстроя Н.Масема тогда, помню, ответил, что главк от этой «рыбьей гальки», не отвечающей необходимой прочностью для строительства промышленных зданий и сооружений, отказывается.

Помните, «вероломства, неуважения к себе хантыйский народ не потерпит»? Конечно, будь это, скажем, 80-й год, слова остались бы словами, но зарождалась перестройка. И рыбакам никто уже не помешал свои обещания реализовать. Они лодками, в которых находились их домочадцы, перегородили устье реки, не дав флотилии судов

войти в нее. «Зубы» показала и окружная инспекция рыбоохраны в союзе с местными журналистами. Общими усилиями непрошеных гостей выпроводили. Но какой ценой? Вспоминая об этом, Прокопчук, крупный, серьезный человек, едва не плакал — для варягов не было ничего святого. Они на родовом кладбище Сязи черепа надели на колья. А что сделали с рекой? Вы видели когда-нибудь танкодром? Ямы, бугры — вот во что превратили дно Соби. Уничтожили 35 гектаров нерестилищ и 17 зимовальных ям. Собь, дававшую ежегодно обскому бассейну 13,4 процента воспроизводства молоди, свели практически к нулю, но и то, что осталось, оказалось теперь с браком.

Площадь нерестилищ сократилась, на них увеличилась плотность рыбы. И в этой кутерьме щекур часто оплодотворяет икру пыжьяна, и наоборот. А часть рыбы скатывается обратно в Обскую губу, так и не выметав икру. Собь, это уже доказано наукой, стала младшей сестрой Оби по производству мутантов.

На местном уровне до сих пор из этого никто не сделал выводов. К примеру, нынешней зимой из так называемых очистных сооружений Салехарда канализационные воды и фекалии несколько дней текли в Обь. А администрация города и ее глава И.Кочерга сохраняли невозмутимое спокойствие. Кстати, фамилия Кочерги прямо связана с трагедией на реке Собь. Это он как заместитель начальника пароходства руководил флотилией варваров, превративших нерестовую реку в «танкодром». И, по слухам, получил за этот «подвиг» орден.

Очевидно, надо срочно задуматься об оздоровлении Оби, ведь Обский бассейн — это свыше 40 процентов сиговых всей страны. Тех самых, которые в советские времена продавали за рубеж только на валюту, а на взлетно-посадочной полосе в Салехарде стоял специальный самолет, загружавшийся нельмой, муксуном, осетром для кремлевского стола. Неужели те, у кого должна болеть голова за экологию, хотят есть белую икру вместо черной?..

Сложившуюся ситуацию комментирует начальник отдела охраны животного мира Минприроды Игорь МИХНО:

— К сожалению, подобные явления среди обитателей наших рек и водоемов стали обыденностью, — сказал Игорь Васильевич. — Даже в Москве-реке, так сказать, под боком у властей, из 40 видов обитающих в ней рыб большинство генетически меняется, а ведь по сравнению с другими реками в столичную артерию сбрасывается не так уж много промышленных отходов, влияющих на естественный ход природных процессов. Тем не менее состояние животного мира в реке вызывает тревогу.

Дело не только в количестве промышленных сбросов. И не только в их химическом составе, хотя, разумеется, это имеет большое значение, но не меньшую роль здесь играет и фактор времени. Природа не так легко поддается пагубному воздействию, она отчаянно сопротивляется. Требуются десятки лет, множество поколений, чтобы генный аппарат живого организма потерял способность к сопротивлению и начал перестраиваться в не предусмотренную природой сторону. А именно столько лет мы отравляли наши реки вредными для всего живого промышленными отходами. Причем не жалели ничего. Даже уникальную нашу сокровищницу, озеро Байкал, подобного которому нет на земле, и то умудрились отравить стоками с целлюлозно-бумажного комбината и мазутом с судов, перевозящих материалы для строительства БАМа. Что уж говорить о реках, особенно небольших, многие из которых потеряли по нашей вине способность к самоочищению и превратились буквально в сточные канавы.

— Мы стараемся остановить этот гибельный процесс, — говорит Игорь Михно. — По закону об охране окружающей среды введена плата за ее загрязнение. И чем больший вред природе наносит предприятие, тем больший штраф оно должно заплатить. А если загрязнение превышает нормативы, штраф делается буквально разорительным для предприятия, так что оно вынуждено устанавливать фильтры, строить очистные сооружения, если хочет нормально работать. Мы надеемся, что эти меры помогут нам оградить природу от варварского обращения.

«ФРАНЦУЗСКАЯ» АВАНТЮРА

В 1967 году в Ямало-Ненецком округе приказала долго жить База морского лова со штаб-квартирой в г.Салехарде.

По воспоминаниям членов экипажей судов и документам, сохранившимся в окружном краеведческом музее, это было крупное и по тем временам современное добывающее предприятие.

Флот его состоял из 24 малых рыболовных сейнеров, шести траулеров, пяти тралботов и четырех океанских сейнеров. Они ловили муксуна, ряпушку, ерша. Рыбу сдавали на морозку в холодильники, плавучую базу «Тара», бросающую свой якорь на Ямсальском баре, что в Обской губе.

В биографии Базы есть страницы, рассказывающие о попытке организовать добычу морского зверя, в частности, белухи.

Начальник базы, Н.Вайт, запросил фирмы иностранных государств, заинтересованных в покупке такого рода товара. Ответ пришел из Франции, которая готова была принять неграниченное количество «северного дельфина», что значит белухи.

Горя желанием заработать, База незамедлительно приступила к операции. К шхерам Минина, северо-восточней Диксона, был отбуксирован тысячетонный лихтер «Яда». Для приема жира белухи так же использовалась шхуна «Майна». Помимо Диксона, промысел был развернут в Карском море, у острова Белый, а так же в Обской губе, в районе мыса Трехбугорного и Ям-Сале.

Окружив стадо специальным неводом, со стальной прожилкой, моряки начинали его уничтожать. Для этих целей использовались винтовки трехлинейки. Те самые, с которыми наши прапрадеды воевали в империалистическую, а деды и отцы в Великую Отечественную войну.

Если в неводе оставались подранки — добивали их со шлюпок.

Громадные туши «северных дельфинов», доходящих порой весом до тонны, поднимали на суда лебедками.

Был и другой способ. На мелких местах, рядом с берегом или между песчаными косами, ставили сети. И туда белух загоняли. Говорят, что самым удачливым охотником и вообще мужественным человеком слыл некий А. Федоровский.

Он на обычном парусном подчалке приходил на промысел зверя аж из Гыды. То есть переваливал через две губы, славящихся свирепыми штормами.

К сожалению, Н.Вайту, любовавшемуся куском отменного хрома, который хранился в его кабинете под стеклом и был выделан из шкуры белухи где-то в далекой «загранке», так и не удалось получить такого рода товар из собственного ямальского сырья. Мясо «северных дельфинов» перерабатывали на фарш и отсылали на зверофермы в г.Салехард, в п.Панаевск, п.Тазовск... А шкуры солили и в бочках экспортировали во Францию. Но, видимо, покупателей не устроило качество продукции, и предложение заключить контракт не последовало. В итоге, вместо прибыли операция обернулась одними убытками для предприятия, а самое печальное, что не за понюшку табака было уничтожено огромное количество прекрасных обитателей морских глубин Ямала.

ТУНДРОВОЕ ПОБОИЩЕ

В декабре — январе, в самое суровое время года, Норильск покидают мужчины. Это уже стало правилом. Их не останавливает даже штормовой ветер, который закатывает снегом улицы города до третьего этажа. Путь их — через тундру к границам тайги, куда тянутся тропы массовой миграции дикого северного оленя. На местном лексиконе — «дикаря». Вооруженные до зубов «настоящие мужчины» поджидают и бьют животных на переправах. Расстреливают в упор беззащитного «дикаря» браконьеры-любители. Бьют сотнями, тысячами браконьеры-профессионалы.

Дикий олень, не выдержав прессинга, даже изменил маршруты миграции, подался в обход госпромхоза «Таймырский» по плато Путорано, на Диксон, а также на восток Ямало-Ненецкого округа.

Как же живется-можется переселенцу и местной надымско-пуровской популяции?

Вместо ответа начальник отдела охотничьего хозяйства администрации Пуровского района М.Беседин предложил облететь места обитания «дикаря».

...Низовая метель мешает в деталях рассмотреть картину под брюхом «вертушки», но Беседин и его инспектора отлично ориентируются в обстановке. Менее чем через час «вертушка» пошла к земле. На снегу появился вытоптанный пятачок со следами крови. Мы прилипли к иллюминаторам, пытаясь разглядеть, в каком направлении умчались браконьеры на своих «Буранах». Вот и сани, доверху груженные еще горячей лосятиной. Через несколько минут — другие.

Наконец мы оказались в районе реки Ягенетты. Под нами стадо «дикаря». Олени бросились врассыпную. Несколько животных закрутились на месте — подранки. Значит, где-то совсем рядом и те, кто по ним стрелял.

Не так давно, вопреки всяческой логике, охотничьему хозяйству разрешили заниматься отстрелом дикого северного оленя по лицензии. Что же из этого вышло? Сваленное в кучу битое мясо обветривалось и чернело. Его клевали птицы, грызли звери. Не могло быть и речи о том, чтобы использовать оленину по назначению. Спрашивается, во имя чего был уничтожен целый косяк «дикаря»? Но это, впрочем, не единственный грех на совести охотоведа Новоуренгойской охотинспекции Н.Коренева. Диву даешься, кому доверена охрана, если он даже не имеет представления о служебной дисциплине и правилах охоты.

— В первый прилет пуровской инспекции на базу отстрела, — рассказывал М.Беседин, — в трофеях бригады лосей не было. Да и откуда они могли взяться, если охота на них разрешена до января. Однако, оказавшись в составе рейдовой бригады 13 марта в кореневской вотчине, я собственными глазами видел лосиные головы.

А вот и официальный документ — материал для служебного расследования по факту отстрела копытных, направляемый М.Бесединым в адрес прокурора Пуровского района:

«13 марта 1993 года я залетел на базу. Охотовед Коренев отсутствовал. В районе вертолетной площадки лежали штабелем туши 50 диких оленей и 8 голов лосей...

19 марта на площадке появились свежие туши дикого оленя в количестве 16 штук. Сторож Р.Сахабутдинов подтвердил, что отстрел был произведен примерно 15—16 марта...

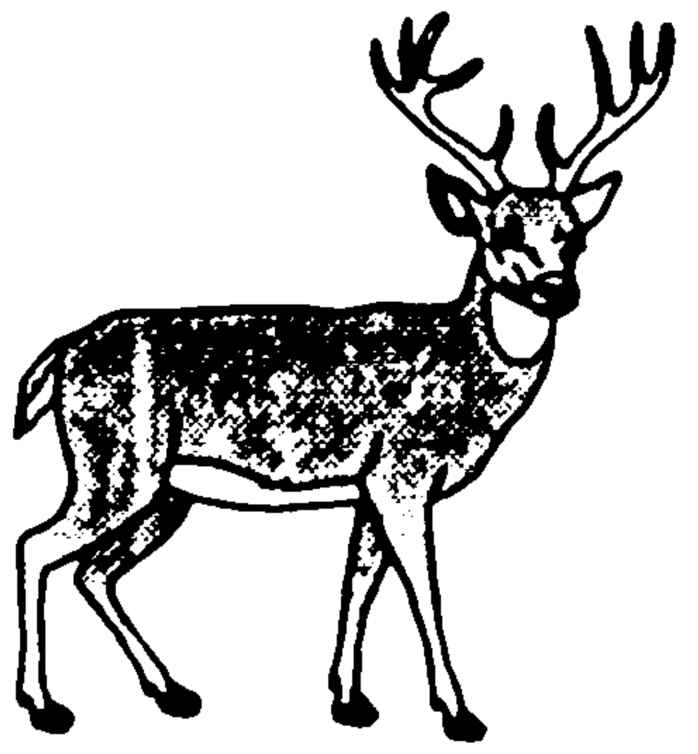
Есть подозрение, что все олени отстреляны с применением вертолетов «Ми-8», так как на базе были изъяты кровавые веревки, по-видимому, применяемые для перевозки отстрелянных оленей».

Если факт использования вертолетов еще требует доказательств, факт же браконьерства очевиден. Ведь по ныне действующим правилам охоты отстрел «дикаря» разрешается только до 1 февраля.

— Создается реальная угроза для существования дикого северного оленя не только в отдельных регионах, но и в целом, — считает Я.Кокарев, заведующий отделом биологии промысловых животных научно-исследовательского института Крайнего Севера в Норильске. — Сейчас в погоне за пантами самцов «дикаря» бьют чуть ли не круглогодично. Это грозит изменениями структуры популяции в половом и возрастном плане.

Беда в том, что подрывают поголовье не только браконьеры, но и штатные промысловики. В Эвенкии, к примеру, с отстрелом определились до 28 февраля, но были факты, когда и в середине марта охотники не зачехляли ружья.

Везде для северного оленя плохо, а будет еще хуже, если его заставят из труднодоступных районов Арктики мигрировать на Таз и Пур. Какой же выход? Прежде всего в жестком регулировании отстрела животных, создании специальной правительственной программы, рассматривающей территории массового обитания «дикаря» как приоритетные экологические зоны. А пока не смолкает канонада в тундре.



ОХОТА ЗА «ФОНТАНАМИ»

В тихий, без малейшего ветерка, вечер над гладью Черного моря появилась волна, она, кудрявясь пенным гребнем, стремительно приближалась, но когда оказалась совсем близко, я увидел, что это стадо дельфинов.

Вылетая из воды и погружаясь в нее одновременно, они создавали иллюзию накатывающейся волны. И я вспомнил, что подобное уже наблюдал, но в море, не знающем солнечной ласки, которое называется Карским.

Да. Нет никакой ошибки. В Карском море и водоемах, к нему прилегающих, живет полярный дельфин, именуемый белухой. Впрочем, в наших широтах его привыкли принимать за зверя. И мне кажется, делают это умышленно, чтобы словом «зверь» оправдать свою жестокость. О чем речь? О том, что три десятилетия назад в Салехарде была крупная база с флотилией судов-охотников, отстреливающих дельфинов. Но я бы хотел вначале дать возможность представить тем, кто о белухе знает только понаслышке, какой он из себя, этот обитатель из арктических вод.

Как-то в середине шестидесятых по командировке газеты я оказался в бригаде знатного рыбака тех времен — Илиодора Желонковского. И погожим тихим утром поехали с ним проверять ставной невод. Мотор подчалка пел свою монотонную песню. Илиодор, прижав к себе локтем «клюку» руля, слегка подремывал на корме, а я на ровной глади Обской губы пытался отыскать хоть что-нибудь интересное, на чем бы мог остановиться глаз. Нет, нас окружала только вода и вонзающиеся в нее желтыми лезвиями песчаные косы.

Вдруг подчалок качнуло. Потом еще раз. Илиодор встрепенулся, настороженно завертел головой, но, ничего не обнаружив подозрительного, уже готов был снова задремать, как вдруг мотор, чихнув, заглох.

Поломка оказалась несерьезной. И когда мы уже вытирали руки, запачканные в солидоле, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Высунувшись из глубокого ящика моторного отсека, опешил. Чуть дальше чем на расстоянии вытянутой руки от меня из воды выглядывала огромная желтая голова, с маленькими глубоко посаженными глазами и пастью с двумя рядами клинообразных зубов. Ближе к окончанию головы виднелось отверстие величиной с пятачок.

Белуха подрабатывала плавниками и внимательно меня разглядывала. Сколько это продолжалось, я толком сказать не могу, потому меня занимала тогда другая мысль: «А вдруг эта рыбка поиграет хвостиком?» От нашего морского подчалка останутся только щепки и не более. Похоже, этого же опасался и Илиодор, резко оборвавший бряканье гаечным ключом.

А белуха, наглядевшись на меня вдоволь, медленно ушла под воду.

— Когда нас ни с того ни сего качнуло, я так и понял, что дельфины где-то балуются рядом, — заключил Илиодор. И тут же его слова потонули в оглушительно громком вздохе: «У-у-ф-ф!» И на поверхность сразу одновременно выплыли несколько белух. Этот вздох с фонтанами воды исходил из их «пятачков».

Наверное, это было впечатляюще — лодка среди дельфинов, будто желающих, чтобы с ними поиграли. И если я не потерял до конца самообладания, то только по той причине, что взяло верх любопытство. Носы у белух походили на осетровые, а гладкая кожа лоснилась, словно обтянутая желтой резиной. Бывалые люди потом мне рассказывали, что тело белухи действительно покрыто защитной пленкой наподобие слизи, которая обеспечивает ей скольжение в воде, предохраняет от присасывания к телу различных паразитов. Но когда белуха погибает, это покрытие, именуемое алоторой, осыпается с ее тела как шелуха.

Десять, двадцать, тридцать — считал я дельфинов, проплывающих мимо лодки, и чуть не проморгал самый восхитительный эпизод.

Стадо уходило от нас коленвалом, то есть его головная

часть со вздохом «У-у-ф-ф!» выныривала на поверхность, выбрасывая вверх фонтаны воды, а хвостовая, то есть дельфины, плывущие сзади, только погружалась в глубину. И вот когда над водой взлетела их очередная партия, я увидел, что, обхватив голову матери, на ней ехал верхом белужонок, у которого в отличие от взрослых расцветка была серо-стальной. А вот и вторая пара точно в таком же сочетании — малыш, словно слившийся со своей родительницей, погружался в воду. И еще какая интересная бросилась в глаза особенность. Естественно, у малышей для длительного марафона под водой не хватило бы воздуха, и природа это предусмотрела.

Дельфиненок перед самым погружением своей родительницы припадал ртом к ее «пятачку», и, видимо, на глубине из своих легких мать отдавала ему кислород.

Мы с Илиодором как завороженные смотрели на удаляющийся фонтан. И я молил Бога, чтобы эти безумно красивые морские животные не стали жертвой охотников с карабинами. Но что мое желание.

Наш подчалок, чуть не по борта загруженный муксуном, уже приближался к Яптику, когда на горизонте все отчетливее стали проявляться темные силуэты сейнеров. Не буду пересказывать того, что мы увидели. Пусть это сделает Вениамин Тюльканов, бороздивший море в отряде по зверобойному промыслу.

— Все лето мы «крутились» в губе за белухой. Современных средств обнаружения не было. И чаще ориентировались на чаек. Если их стаи на горизонте, значит, где-то рядом белуха. А почему чайки и морской зверь были неразлучны, объясняется просто.

Рыба страшно боится белухи. Готова выброситься от испуга на берег, и чайки, пользуясь моментом, расправляются с рыбой, а мы с белухой.

Стадо прижимаем баркасами к песчаным косам или к мелководью. И окружаем неводом. Пока путь к отступлению полностью не перекрыт, белуха ведет себя спокойно, но только ловушка из капрона, толщиной в палец, а кое-

где еще и со стальной прожилкой, захлестывается, она звереет. И для нее невод — пустой звук.

Но теперь и о самой охоте. Стреляли в белух из карабинов и винтовок и если попадали зверю в район «дыхалки», то ему сразу приходил конец.

Зацепив за ласты по две белухи, мы волокли их баркасами к сейнерам и поднимали на борт, конечно, не вручную, а специальной стрелой, ведь иногда такая рыбка весила до трех-четырех тонн.

Сало и мясо везли на звероферму, а шкуры, по-моему, просто выбрасывали, хотя я слышал, что где-то в соседних государствах по Ледовитому океану их выделывают и шьют прекрасные вещи.

Не буду осуждать Тюльканова. Это не его вина, что белуху истребляли. И часто не могли даже «урожай» этой кровавой бойни использовать по-хозяйски. Помню, пассажирский колесник «Чкалов» шел по губе первым рейсом в Шугу и попал в поле льда, а на нем тут и там, расточая тошнотворный запах, высились штабеля почерневших, раздутых белух и осетров. Видимо, промысел зверобои вели поздней осенью, когда берега губы сковало ледяным припаем. И, не дождавшись транспорта или решив вывезти улов зимой, они за ним так и не приехали. А когда пришла весной вода, лед от берегов оторвало, эти трупы носило из конца в конец по всей Обской губе.

Рассказывали, что детеныша белухи, в сооруженном для этих целей бассейне, хотели привезти на сейнере в Салехард. И казалось: что тут особенного, ведь на Черном море существует дельфинарий, в котором эти морские животные прекрасно адаптируются. Пытались кормить малыша рыбой, но он отказывался. Ему еще, видимо, требовалось материнское молоко — желтовато-зеленое, густое и жирное, поэтому до Салехарда дельфиненка не довезли.

Где-то в соседней Архангельской или Мурманской областях еще, говорят, до сих пор белуха остается предметом охоты, а на Ямале на нее запрет. Благодаря тому, что разум человеческий победил, она себя здесь чувствует вольготно. В иные годы ее стадо поднимается по Оби даже до Салехарда.

Закат в тундре.

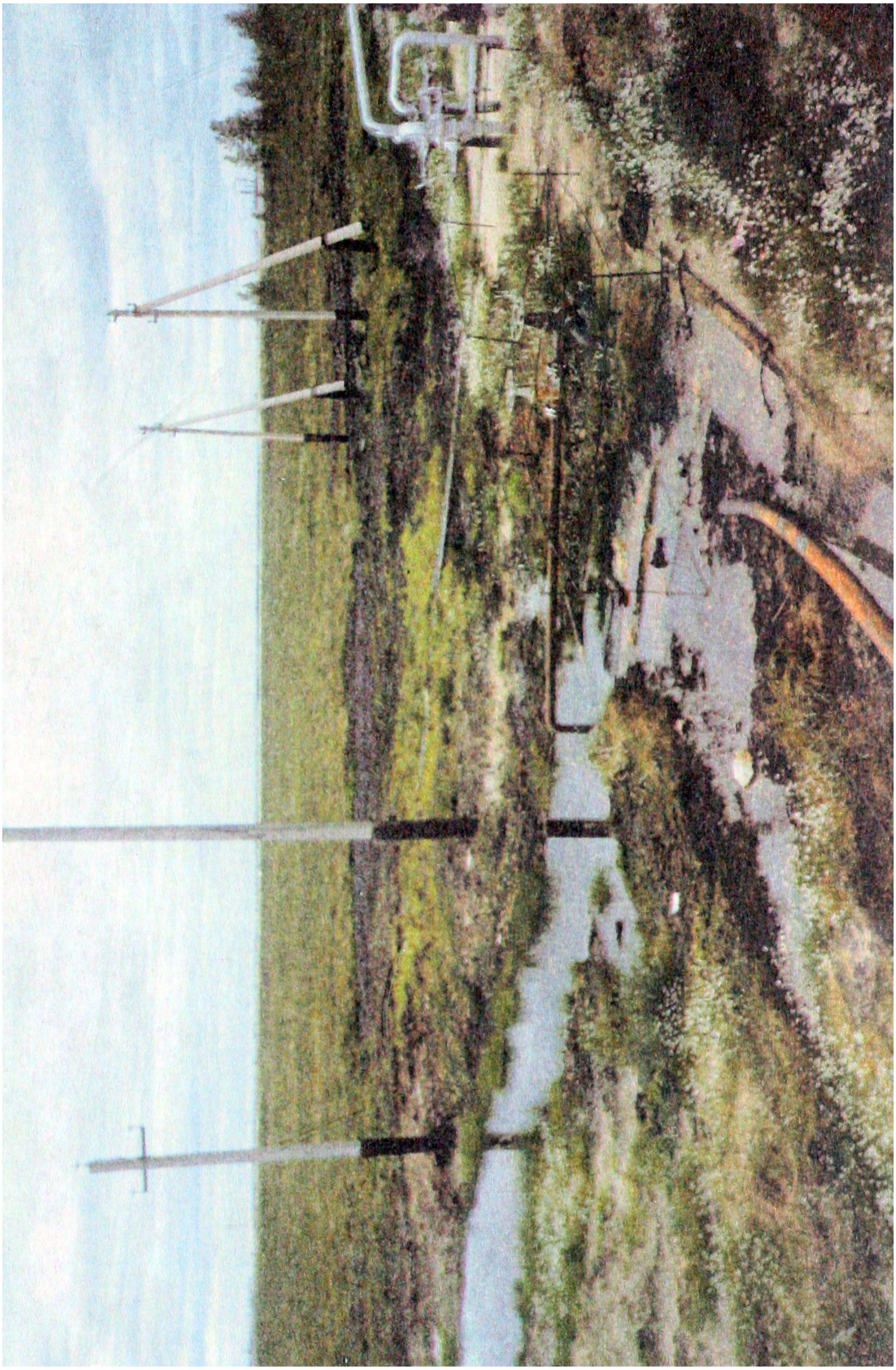
Летнее стойбище оленеводов.

Старший научный сотрудник стационара Академии наук Ю. Молофеев у гнезда конюхов.

Экологи на разливе нефти на Барсуковском месторождении.

Золотой корень.

У бизонов в Ямальской тундре появился первый малыш.

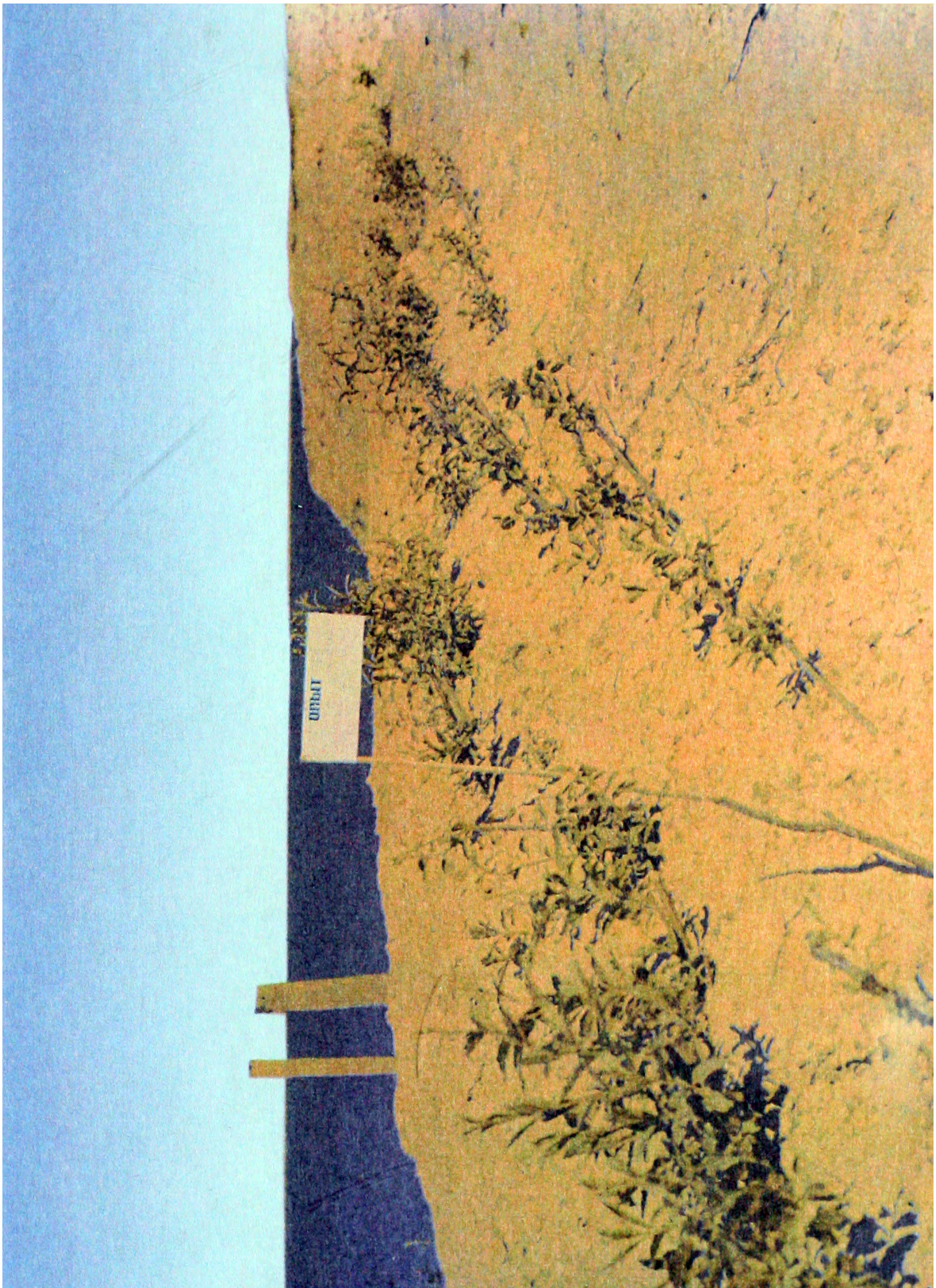


«Порядок» на Муравленковском, а точнее бесхозяйственность «освоителей».

Овцебыки на отрогах Полярного Урала.

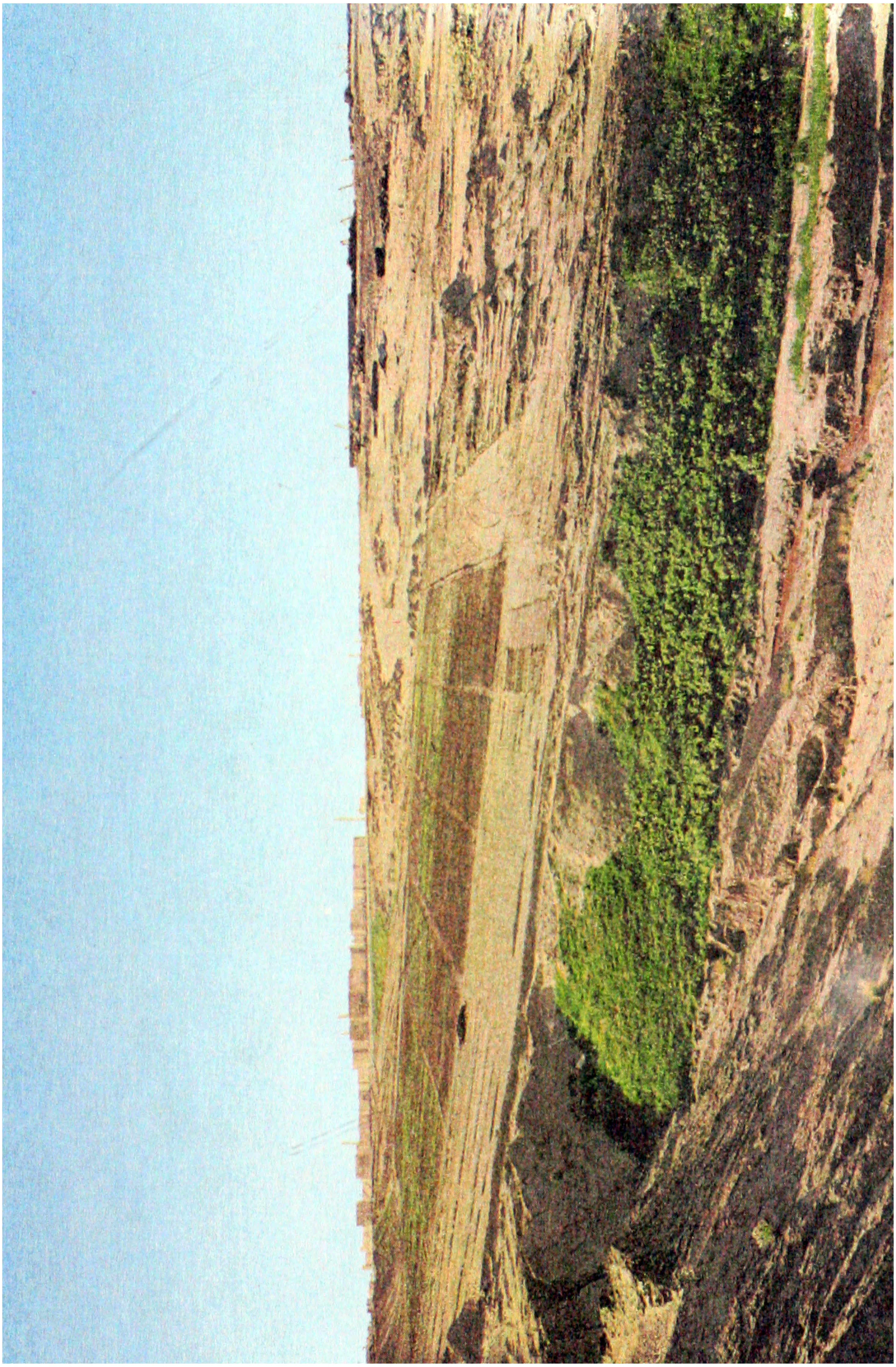
Разорванный трубопровод, развороченная техникой тундра.

Первые шаги первой чайки.



Хозяйство С. Масалкина.

Хозяйство С. Масалкина.



Хозяйство С. Масалкина.

Семья лебедей в тундре.

Чайка летит с уловом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАХОДКИ

Мой друг Андрей имел привычку даже в относительно теплые дни надевать малицу. От этого его высокая фигура становилась неуклюжей и расплывчатой, а большие отвислые усы придавали ему схожесть с моржом. И это сравнение для него вполне подходило, потому что жил он на далекой фактории, у самого Ледовитого океана.

Приезжая в гости, он будоражил дом своим раскатистым смехом, от него так и веяло зарядом могучего здоровья. Но на этот раз Андрей был угрюм и молчалив. Причину перемены в настроении друга я знал, но с расспросами не приставал, ждал, когда сам скажет. И действительно, за обедом он заговорил.

Ездовой и охотничьей собаке на Севере нет цены. И представьте, что вы лишаетесь упряжки. Именно это испытал мой друг. Проснувшись однажды утром, от тотчас обнаружил перемену, но вначале не мог понять, в чем она заключалась, а когда выглянул в окно, сердце похолодело. Сиротливо валялись посередине двора нарты — собак не было. После короткого раздумья Андрей пришел к выводу, что псов увела в тундру Находка — так звали подобранную полярником еще прошлой зимой возле ненецкого селения собаку. Находка выросла восхитительной. Черная, как смоль, гибкая и стремительная, она не шагала по снегу, а летела. Нравился хозяину и ласковый норов собаки, поэтому он отклонил первоначальное решение и не впрягал ее в нарты. И, по-моему, даже теперь, когда она так скверно обошлась с ним, Андрей больше сожалел о Находке, нежели о ездовых собаках.

От двора к двору в своей длинной малице обошел он по поселку всех охотников и вернулся с пустыми руками. Собак не продали.

Не помню, сколько прошло времени, но однажды я оказался на побережье океана.

Зимние дни здесь коротки, и, едва самолет коснулся снежной площадки, летчики торопливо распахнули дверь, намереваясь немедленно взлететь. И тут я лицом к лицу столкнулся с женой Андрея. Разговаривать было некогда, и все же она успела сообщить, что летит за медикаментами в район и, перекрикивая рев мотора, предостерегла: «Во двор входи осторожно».

Меня эти слова озадачили. Открыв калитку, я остановился. Во дворе все было так, как и раньше. У забора в аккуратной клетке лежал мелко изрубленный тальник, тут же громоздились нарты, а вот этой большой конуры, пожалуй, не было. Уточнить эту деталь я не успел. На плечи основательно легли тяжелые лапы, и жаркое дыхание клыкастой пасти обдало мое лицо. Краем глаза увидев метнувшуюся ко мне собаку, я успел подметить, что осанка ее была схожа с волчьей. И теперь, сквозь шубу почувствовав цепкий захват когтей, загипнотизированно глядя в ее серые глаза, все больше убеждался: имею дело с волком.

Спустя некоторое время мне удастся рассмотреть воспитанников Андрея поближе, и я замечу, что Бек и Стрелка были одинаковой масти, ближе к животу и лапам шерсть переходила в желтый цвет, но лапы и загривки, особенно у Бека, были почти черными. Значительное сходство с собаками им придавали чуткие заостренные морды. И все-таки волчья кровь перебарывала. Оскал клыков был прямо передо мной. И я видел широкий лоб, яростные серые глаза и темную окаемку пасти. Скажу, что в этот момент я испытывал не самые лучшие чувства и ждал спасительного чуда. Отчаявшись, совершенно не давая себе отчета, сбросил с груди лапы Бека и с криком: «Находка!» — бросился к крыльцу. Не знаю, что происходило за моей спиной, — обрадованный, я забыл об опасности. Мгновение Находке хватило, чтобы вспомнить меня. Она с визгом скатилась ко мне под ноги, и я, совсем обессиленный и восхищенный, поглаживал ее лоснящуюся черную морду. До меня уже тогда дошла смутная догадка о появлении волчат во дворе Андрея. Догадка моя полностью подтвердилась.

Во время собачьей свадьбы Находка исчезла. Трех псов

из упряжки вскоре нашли растерзанными волчьей стаей. Полагали, что такая же участь постигла Находку. Но ошиблись.

Вернувшись с пустыми руками из нашего поселка, Андрей не забросил своего ремесла. Охотился теперь на лыжах. Однажды, возвращаясь в сумерках к дому, он обнаружил одинокий собачий след. Что бы это могло значить, Андрей не знал, но все-таки прибавил шагу. След исчезал под крыльцом. И когда Андрей приблизился, оттуда, рыча и брызжа слюной, показалась Находка. Хозяев она к себе не подпускала до тех пор, пока на свет не появились щенята.

Рассказ о необычном семействе окажется не совсем законченным, если опустить маленькую деталь.

Спустя несколько месяцев Андрей с Беком и Стрелкой возвращался с охоты. Оставалось перейти лишь утоптанную оленями тропу. И вот тут Бек забеспокоился. Он потянул ноздрями морозный воздух, закрыл глаза и завыл. Через несколько секунд ему ответили сразу же несколько голосов. Андрей увидел, как из оврага, что рядом с селением, выскочила стая волков. Направляемые матерым вожаком, они приближались к оленьей тропе. Бек прижался к ноге хозяина, задрожал всем телом, неотрывно наблюдая за своими собратьями. Вместе со страхом в этот момент Андрей испытывал чувство любопытства: «Изменит ли Бек? Уйдет ли к своим?» Вот волки уже в сотне метров. Бек еще сильнее прижался к ноге хозяина, выдвинув свою мощную грудь навстречу опасности. Вожак стаи остановился, подняв голову к темнеющему вечернему небу и завыл, но Бек ему не ответил.

«Литературные страницы»

АРКАШКА

Тундру закрывала стена морозного тумана. Ее на минуту, будто расплавленной каплей металла, прожгло солнцем, а затем туман сгустился еще сильнее. Летчики решили посадить самолет в Белоярске, на берегу речки Щучьей, что берет свое начало далеко на Урале.

Знал я здесь только директора музыкальной школы, к нему и направился. Дом на яру я отыскал без труда, но, уже взявшись за ручку двери, остановился. Возле крыльца, в кругу лохматых ездовых собак, пиршествовала ворона, она стучала клювом по замерзшей краюхе хлеба и, если удавалось отколоть крошку, проглатывала ее не спеша, словно смакуя. Псы, распустив вожжи слюней, загипнотизированно следили за каждым движением птицы, повизгивали, вытягивали морды, но держались от вороны на почтительном расстоянии. В этот момент мне прежде всего хотелось узнать, как это в сорокаградусный мороз ворона, сородичи которой зимуют в южных краях, оказалась на Севере. Потом, почему так осторожно и, я бы даже сказал, боязливо в присутствии этой тщедушной и самой что ни на есть трусливой птицы ведут себя собаки?

Пока я строил предположения, ворона выдолбила в краюхе такое углубление, что в него свободно входил клюв. Завершив обед и насытившись, она отошла от краюхи и стала спокойно оглядываться по сторонам. Вначале поведение птицы было непонятным, но вскоре все прояснилось. Оказывается, ворона искала укромное местечко, куда можно было бы спрятать остатки хлеба. Вот она подкатила краюху к поленнице, чуть поднялась над землей и ухватила хлеб когтями, но то ли ноша была слишком тяжела или в промерзшие корки не вонзились как следует когти — булку ворона выронила. Оглянувшись на притихших собак, скрючив лапы, будто они замерзли, ворона снова подошла к хлебу и клювом покатила его в обратном направлении.

Оказавшись возле тротуара и предположив, наверное, что подходящая кладовая найдена, она принялась проталкивать хлеб под настил. Правда, это плохо ей удавалось, и прошло немало времени, пока булка одним боком прижалась к тротуару. Склонив набок голову и оценив работу, ворона взлетела на чердак дома. Собаки только того и ждали.

Уже поздно вечером, вдоволь наговорившись с другом, я вспомнил о вороне.

— Так это Аркашка, — воскликнул он и рассказал историю, которую, оказывается, знали все, кто жил в этом маленьком поселке.

Как-то весной ненецкие ребятишки подобрали вывалившегося из гнезда вороненка. Принесли домой, а место жительства определили на чердаке. Нелегко приходилось вороненку на первых порах. Кошки за ним охотились, гонялись собаки. Продолжалось это до самой осени, пока Аркашка (так ребятишки назвали вороненка) не окреп и не научился отличать друзей от врагов. Людей он не боялся, брал еду прямо из рук. А вот собак ненавидел. Осталась эта ненависть к лохматым псам еще с тех недалеких времен.

...Однажды, ближе к весне, ребятишки и взрослые стали свидетелями случая, который их рассмешил, а собак заставил бояться Аркашку.

Собачья стая резвилась на льду Щучьей. По какому-то делу прилетел на реку и Аркашка. Вначале он сидел на мачте вмерзшего в лед катера, а потом снялся и полетел к собакам. Увидев пролетающую низко над рекой ворону, они бросились за ней вдогонку. И были такие моменты, когда казалось, что разъяренные псы схватят Аркашку или, в крайнем случае, выщиплют ему хвост. Но Аркашка смотрел в оба. Покружив стаю на месте, он, постепенно убыстряя полет, повернул к катеру.

Захваченные азартом погони, собаки не замечали опасности. Когда они едва не настигли ворону, а до катера осталось не больше пяти метров, Аркашка взмыл вверх, и лохматая стая со всего размаху ударилась о стальную обшивку катера. Обезумевшие от боли собаки как ошпаренные бежали от судна, а заодно и от Аркашки.

Вспомнить хитрого и находчивого по характеру Аркашку пришлось буквально назавтра в аэропорту. Впрочем, название это чисто символическое, потому что никакого аэропорта в Белоярске и в помине нет. На речке простонапросто стоит балок с железной печуркой. В назначенный час сюда пришел кассир, и в числе пассажиров билет на рейсовый самолет купила женщина. Она небрежно сунула его в кармашек хозяйственной сумки. Тут же, рядом с балком, подпрыгивал Аркашка. По правде говоря, я даже не успел заметить, как он, перескочив к сумке и выхватив из кармашка билет пассажирки, уселся на крышу балка. Чем-то в этот момент Аркашка напомнил персонаж де-

душки Крылова. Только разница была в том, что Аркашка так и не раскрыл клюв. А пассажирка осталась в Белоярске до следующего рейса.

Мне пишут, что Аркашка все еще живет в Белоярске и стал героем многих интересных и забавных историй.

«Литературные страницы»

РЯБЧИКИ-ШУТНИКИ

Полуй походил на большую рыбу в ледяной чешуе. Под напором течения осколки льда вскарабкались друг на друга и так ночью замерзли.

Заяц, прижав к спине длинные уши, вначале попробовал лапой — выдержит ли его лед — и только потом скакнул на чешуйку. Но тут же поджал лапу, может, поранил ее об острые, как бритва, ледышки — не знаю. Но невесомая шубка беляка, заканчивающаяся шариком крохотного хвостика, тут же растерянно распласталась на льду реки. И косой, у которого сердце ушло в пятки, наверняка шагнул бы обратно. Но он стрелой перемахнул через полынью. И виновником того, что беляк вмиг из труса превратился в героя, стал рябчик. Да, маленькая птичка, у которой скромный серенький с коричневыми крапинками перовой наряд, но гребешок на голове — как у бойцовского петуха.

Так вот, когда косой уже был готов бежать от реки куда глаза глядят, рябчик возьми да свистни. Специально или так у него получилось. Из надутых щек вылетел звук, умноженный многократно морозным воздухом, и заяц замер на какую-то долю секунды на месте, а потом ложная смелость, рожденная испугом, подбросила его и понесла белым пушистым клубком через реку. И к слову, ни разу лед под косым не треснул, потому что мороз поработал на совесть. Но заяц, по природе своей трус, да к тому же не умеющий плавать, об этом не знал. Хотя стоп! Какой же он трус. Из него рябчик сделал героя.

И вообще эта птичка, которая зимует в глубоких снеж-

ных лунках и в сильные морозы в них даже замерзает, — большая шутница и пересмешница.

В начале зимы все неожиданно. Только вчера еще держались на деревьях и кустах листья, утром их уже нет. Тихо. Никого не беспокоя и не тревожа, они обвалились и устелили рыже-красным ковром землю, а на ветках оставили где черные, где красные ягоды, то есть смородины и черемухи, а красные — значит, рябины. А кто не знает, что мороженая рябина тает во рту, ведь ее горечь краснощекий морозец перебил сладковатым привкусом. И оказывается, в такой ягоде понимают толк не только люди.

Если после первого мороза заяц не решается встать на лед, то человеку и подавно на нем делать нечего. Видимо, рассудив так, рыбаки решили на день-два отложить свое опасное занятие на льду, а чтобы не терять времени зря, пошли по ягоды. Да, удивительно! Но факт. В начале зимы можно тоже собирать урожай. И даже проще, чем летом. Комаров нет. А смерзшиеся и тяжелые, как свинцовые дробинки, ягоды — вот они, на виду.

Рыбаки разложили вокруг дерева брезент. По их замыслу, на него должны были сыпаться ягоды, которые по неосторожности не удастся снять и они не попадут в ведро.

Только люди к рябине, а рябчики тут как тут. Гребешки свои нахохлили, посвистывают, клювом пощелкивают. Пока человеческая рука тянется за кистью рябины, своим клювом, напоминающим часто двигающие щипчики для раскладывания сахара, рябчики успевают обобрать рябину. Нет, у них нет лукошка или ведра, а в ходу все тот же клюв. Только они не срывают ягоды, а высасывают их вкусное густое содержимое. Да-да.

То ли боясь простудиться, то ли опасаясь, что ягода-дробинка не прокатится по горлышку и застрянет, рябчики берут ее осторожно в клюв, не срывая, и отогревают. А потом легким нажимом крохотного язычка выдавливают в себя мякоть. При этом шкурка остается почти нетронутой и, схваченная морозом на первый взгляд вполне может сойти за ягоду. Вот и людям так показалось. Кто-то из них, увидев гроздья спелой рябины, с радостью стал обстукивать ее ствол топором. И посыпались, защелкали,

как дробь по брезенту, рыжие ягодки. Только, как потом выяснилось, ягод там не было, а были шкурки, то есть то, что от птичьего пира осталось.

Долго смеялись над проделкой рябчиков люди. И, конечно, над собой.

Впрочем, в соперничество с человеком в лесу вступают не только рябчики, но и кедровки, а в простонародье — ронжеветки. Птицы, похожие своей формой на серую ворону и скворца. Только услышат они человеческие голоса в лесной чаще осенью — и стремглав бросаются туда. Со скоростью машины начинают шелушить кедровые шишки и щелкать орехи. Кто-то подбирает с земли пустые кедровые шишки, высказывает предположение, что таким образом птица протестует против появления человека в ее зеленом доме, но я думаю, что просто природой возложена на ронжеветку миссия, о которой не всегда благодарный к природе человек вспоминает. Припрятывая от него запасы, птица порой не может найти их под подушкой мха и снега. И когда солнце, добравшись до самых тенистых мест в глухом лесу, их обогреет, кедровые орехи начинают выстреливать побегами нового реликтового леса.

А что касается рябчиков, то они запасы своих выдумок не истощили.

Однажды белка поймала под кустом смородины мышку. Уж что она собиралась с ней сделать, осталось тайной, но картина, надо сказать, была живописной.

Пойманная за хвост, мышка, свисая, уцепилась за веточку рябины. И создавалось впечатление, что обладательница пушистого хвоста дергает за длинную резину, начинающуюся у самой земли. Неожиданно мышка, оставив в зубах белки кончик своего хвоста, вырвалась и вместо того, чтобы юркнуть в норку, припустила по стволу старой березы, а наверху в тот миг была еще одна белка. Она будто бы только и ждала этой встречи. И как вратарь, расставив передние лапы, готовилась принять беглянку, но в самый последний момент мышка юркнула под древесный гриб.

Верхняя белка ее не видела, а теперь увидела. Подбиралась к мышке и та, которая несколько секунд назад растягивала ее над смородиновым кустом, как резину. Но поза-

бавиться белкам над своей безропотной жертвой не удалось.

День угасал. И, видимо, густой смородинник, окружающий старую березу, привлек к себе рябчиков, на ночевку. Они бесшумной стайкой опустились в первый снег. Один из петушков едва слышно пискнул, ему ответил другой. И верхняя белка, что есть духу перескочив через древесный гриб, ринулась вниз, в смородинник. За ней последовала та, в чьих зубах побывал мышиный хвостик. И какова же была растерянность белок, когда, сиганув с березы в смородину, они оказались в еще тепленьких постелях рябчиков, которые от первого же шума ломающихся веток улетели искать себе новый ночлег, а благодаря им сумела улизнуть и мышка, оставшаяся без хвоста.

«Литературные страницы»

ОРЛИНАЯ СВАДЬБА

«Имберне-е-ел», — мелодично и сурово, всегда по-разному звучит это слово в устах ненцев-рыбаков.

От рыбацкой тони нас отделяло не больше километра, когда Язо показал рукой на вершину мыса. Из-за гула мотора я не расслышал слов рыбака, зато в указанном направлении увидел одинокую лиственницу с гнездом на вершине. Засохшие ветви, как чудовищные лапы, будто намеренно были созданы для того, чтобы удерживать огромное сооружение из ветвей и палок. Лиственнице я немало удивился, потому что в нашем краю это дерево считается редкостным, но счел вполне закономерным, что над бездной обской глубины построили свое жилище орлы. Могучие, неприхотливые птицы. И я услышал от Язо, что живут они здесь не одним поколением.

Случилось это больше десятка лет назад. Мой новый знакомый помнил о них не совсем обычную историю. Был тогда от лихим молодцем. Под стать себе набрал в звено рыбаков, и с самого начала весны стали парни хозяевами

имбернельской тони. С утра до вечера над их неводом кружились чайки разных мастей. Были здесь черноголовые морские, а в большинстве белые, как обская пена, красавицы, гнездящиеся в укромных северных уголках. Жилось им на угодье привольно. Но как-то утром, продолжил рассказ мой собеседник, привычных голосов мы не услышали. Зато в вышине раздался необычный гортанный клекот орлов. Их было два. Кружились они неистово, словно на карусели. На какое-то мгновение птицы останавливали свой полет и, гордо выпятив грудь, сближались, едва-едва не касаясь друг друга когтистыми лапами. «Время свадьбы», — сообщил тогда Язо рыбакам.

На следующее утро птицы появились вновь. Орлица в свадебно-темном наряде с коричневыми бисеринками на крыльях и могучий белохвостый орел кружились над тонью не один день, пока не свили свое гнездо на вершине засохшей лиственницы. Пятнадцать лет неразлучная пара жила на Имбернеле.

Рассказывая о птицах, Язо подчеркивал верность орлов друг другу. Он говорил, что охотились они крыло в крыло. Но самец никогда не принимался за еду раньше орлицы. А если она возвращалась без добычи, делился с ней. Слушая рассказ, я мысленно представлял себе, сколь восхитительное зрелище являла собой эта пара могучих птиц на фоне суровых просторов Имбернела. Орлы поистине были для людей примером отваги, противоборства невзгодам стихии, рождая в сердцах согревающее чувство близости к природе.

Пятнадцать лет кряду ранними утрами, на затянутых туманом берегах, перекликаясь приглушенным клекотом, проглядывались силуэты зорких стражей, оберегающих рыбацкий стан. И люди уже не представляли себе ни дня без орлов и называли их ласково «своими».

Тот день, день невзначай нагрянувшей зимы, запомнился Язо. Несмотря на усилившийся ветер, бригада решила оставшееся до темноты время использовать для рыбалки. Едва парни успели закинуть невод, как над ним появился орел. Вот уже несколько дней на промысел он

прилетал один. Очевидно, самка высиживала птенцов. Стрежевой невод округлился поплавками, и рыбаки потянули его к берегу. И тут орел взмыл вверх, а затем камнем упал в невод. На какое-то мгновение его когтистые лапы окунулись в воду, оттуда, повинуясь взмаху сильных крыльев, появилась корявая спина осетра. Однако поднять добычу из воды птице не удавалось. Захваченные необычным зрелищем, рыбаки остановились, но, видя, что добыча орлу не под силу, торопливо потянули снасть. В этот момент осетр утянул орла под воду. Правда, через некоторое время орел снова показался над водой, и у людей появилась надежда, что птице удастся расцепить завязшие в осетрой спине когти, но взмахи мокрых крыльев на это раз были слабыми, судорожными, потому что орел успел наглотаться воды. То ли привлеченная возбужденными голосами рыбаков или почувствовав неладное, над тонью вдруг появилась орлица. Она, как выпущенный из пращи снаряд, со свистом пронеслась над рыбаками. С костяным звуком сжимающегося и разжимающегося клюва орлица низко над водой описывала круг за кругом, не в силах помочь своему другу, а когда орел исчез в волнах, самка, отлетев от невода с десяток метров, устало плюхнулась на гальку. Казалось, что теперь ей было все равно. Об этом говорил и ее вид. Широко раскинутые крылья, будто невидящие глаза. Так она сидела и тогда, когда кошель невода вытянули на песок и вытащили оттуда осетра, оседланного орлом. Теперь они оба казались могучими и непобежденными.

Утром, выходя из чума, рыбаки увидели рядом с мертвым орлом орлицу. Их обоих присыпало снегом, и похоже было на то, что с этого места самка не улетала всю ночь. Недоброе предчувствие заставило самого проворного из рыбацкой бригады взобраться на лиственницу. Там в огромном гнезде лежало два яйца. Были они, как ледышки, холодными.

...Свой улов Язо сдал на плашкоут, и мы отправились в обратную дорогу. Пустая бударка шла ходко. Да и путь нам предстоял недолгий, так как накануне нашего отъезда было известно, что руководство участка решило перебро-

сить рыбаков на Имбернел. А я получил возможность наблюдать за птицами.

Здесь и увидел орлиную свадьбу. Случилось это на третий день. Возвращаясь с тони проторенной дорожкой, я свернул в кустарник, белеющий цветом морошки, брызжущий алым соком прошлогодней брусники. Увлекшись ягодами, я незаметно для себя поднялся на вершину мыса, в нескольких десятках метров от гнездовья орлов. Мысль подойти к их жилищу ближе мне подсказал ветер. Он дул прямо в лицо, и я решил, что орлы не услышат моего приближения. Из-за потрескавшегося замшелого валуна показалось гнездо. Оно не выказывало никаких признаков жизни. И тут совсем неожиданно, в нескольких метрах от себя, за стенкой пожухлой прошлогодней травы я увидел орлов. Их близость на мгновение вселила в меня чувство страха. Столь крупными, могучими показались эти птицы. Глаза горели ярко, глядели в сторону от меня, но шеи орлов были вытянуты, и весь вид их говорил о настороженности. А слегка приоткрытые клювы и раскинутые, словно для взлета, крылья заставляли думать о том, что о моем приближении им было известно давно. Я стоял как пригвожденный. И, очевидно, убедившись в моих намерениях, орлы не поднялись на крыло, а, тяжело переваливаясь, отошли дальше — на самую кромку обрыва. Самец, слегка изогнув шею, припав возле орлицы, неотрывно глядя на нее, издавал тонкие булькающие звуки. Орлица так же вытянула шею, слегка расправив крылья. Тогда орел, дважды проведя клювом по груди, будто прихорашиваясь, в несколько скачков оказался около самки, гордо возвеличивая свою голову над стебельками блеклой травы. В этот момент моя рука совсем некстати соскользнула с замшелого валуна. Орлы, тяжело хлопая крыльями, поднялись.

С вершины Имбернела я спускался в сумерках. Но уже через несколько шагов был остановлен шумом ломающихся веток и прямо перед собой увидел еще одного орла. Едва взлетев над лесом, он черной тенью скользнул к промысловому стану. И тут я вспомнил слово Язо о супружеской верности орлов.

Орлица после гибели белохвостого орла стала совсем

ручной. Летом жила на тони, а зимой ее к себе в избушку забирал Язо, хотя говорят, что первое знакомство с орлицей обошлось ему не одним десятком синяков и царапин, а сейчас она полноправная жительница селения. И, увидев птицу в поздний час на вершине Имбернела, я, конечно, удивился, но по-своему решил, что привела ее сюда не привязанность к старому жилью, а тоска по тем пятнадцати годам супружеской жизни из трехсот, отведенных орлам на жизнь.

«Литературные страницы»

МЫШЕЛОВКА ДЛЯ МЕДВЕДЯ

Гыде на медведей везло. В конце февраля поздно вечером в поселке появилась троица. Среди двух взрослых косолапил по улице только увидевший свет малыш.

Прошествовав с достойным видом до конца Гыды и оставляя без какого-либо внимания побрехивание попрятавшихся в подворотни собак, медведи неожиданно «положили свой глаз» на полярную станцию. А точнее, ее приборами заинтересовался малыш. По ступенькам он поднялся к белому ящику с решеткой, рядом с которой был прикреплен пропеллер, и сорвал его. Но не удержал в лапе.

Пропеллер по сугробу скатился под балок. Вопросительно взглянув на своих родителей, чадо подтолкнуло их к действиям. И вскоре уже балок, дважды перевернувшись, оказался на дне оврага, а медвежонок разбирался с железной игрушкой.

Потом в Гыду пришла медведица с двумя малышами. Она вытащила на середину взлетно-посадочной полосы мешок с рыбой и рассыпала его. Потомство взялось обнюхивать, облизывать муксунов, но что-то им не понравилось. Тогда мать, в угоду капризным детям, разорвала второй мешок. И надо было тому случиться, что именно в этот момент над Гыдой появился самолет. Но на полосе пировали медведи. Что делать? Пилот принял единственно правильное решение. На бреющем полете, когда уши буквально раз-

рывает от рева двигателя, он пронесся несколько раз над ледовым аэродромом и заставил все же мишек отступить. Правда, рассказывают, что один из малышей, видимо, решив показать характер, не бросил муксуна, а, медленно пятясь за знаки освещения полосы, волок его за собой, пока окончательно не обессилел и, высунув горячий язычок, пушистым комочком не рухнул рядом со своей ношей.

Однако поистине потряс Гыду другой случай.

Как-то утром женщины отправились в лабаз перебирать рыбу, а он находился на порядочном от поселка расстоянии и, как водилось в глухомани еще в недавние времена, на замок не закрывался.

Женщины включили свет. И врассыпную. На жирных муксунах, развалившись как дома, храпел медведь. Не чуя ног прилетели ненки в контору, а там их сначала подняли на смех, но потом, когда причина стремительного бегства была доказана, забросили в лабаз дымовую шашку и выкурили непрошеного гостя, однако победу праздновали рано. Из белого перекрасившись в угольно-черный цвет дымовой шашки, медведь в тот же день объявился во дворе школы-интерната. И, перекатываясь из одного места в другое, испачкал сажей весь снег. Наконец, видимо, удовлетворившись тем, что шкуру свою вычистил окончательно, растянулся и стал сдавать «на пожарника». То есть, не обращая внимания ни на какие посторонние звуки, ударился в спячку, а звуков между тем хватало. Ребятишки, повскакав из-за парт, облепили все окна. Кто-то залез на крышу, выбежал на крыльцо. И запреты учителей для них были не указ. Каждое движение медведя вызывало самые оживленные пересуды и толкования.

— Смотри, смотри, лапой нос закрыл, как будто он у него замерз!

— А на груди у него желтый передник!

— Сам ты передник. Спереди у него всегда шерсть желтая, потому что любит он жирно покушать.

— Ничего себе, ребя, у него коготь длиннее моего пальца. А интересно, какой зубик!

— А ты ему в рот загляни.

Тут смех заставил содрогнуться медведя. И ребятишки как серые мышки брызнули в разные щели, но недолго ос-

тавался медведь в одиночестве. Кому-то из школьников пришла идея угостить косолапого нерпичьим жиром. Загустевший на морозе, напоминающий повидло жир набрали капроновым ведром и бросили под нос медведю. И с этого дня стало за правило: что у детей в интернате было на обед, то и у медведя на столе. Так это ему понравилось, что он, похоже, решил поменять жизнь во льдах на интернатскую.

Такой поворот дела не мог не встревожить поселковую общественность. Северяне знают немало случаев, когда тесный контакт со скитальцами Арктики оборачивался трагедией. Вот хотя бы такой.

На буровую забрел медвежонок, каким-то образом отбившийся от матери. И, естественно, стал предметом особого внимания вахтовиков. Его ласкали, баловали. Как-то совсем незаметно вырос из этого беспризорника зверь в полтора метра высотой. И такой мощи и тяжести, что под ним постанывали тротуары вагон-городка.

Но вот брачный инстинкт позвал его в родную стихию. Жалели мишку: «Неприспособленный сам добывать корм, он во льдах погибнет». Погибнуть приемыш не погиб, но, вернувшись через пару месяцев назад, выглядел худым и потрепанным. И прямым ходом в столовую, а надо сказать, что в этот момент вахта поменялась. И если знал кто о ручном Топтыгине, то только понаслышке. И атмосферу отчужденности зверь уловил сразу. Знакомых лиц нет, и ванну со столовскими отходами никто заботливо утром и вечером не подставляет. Решил мишка заявить о своих правах. И, ввалившись в кухню, из которой повара в срочном порядке вышли через окно, весь обед бригады слопал. Голодные вахтовики сговорились дать дармоеду отпор. И самый смелый из них, когда медведь появился у окна, выстрелил из винтовки. Но пуля не взяла медведя. Она только разбудила в нем зверя. Он настиг обидчика, и тяжелая когтистая лапа в буквальном смысле оставила от него мокрое место.

Но Гыда — поселок профессиональных охотников. Послать на тот свет медведя для них труда не составляло. Только вот незадача. Белый медведь — зверь привилегированный. Он в Красной книге. Поэтому требуется разре-

шение Москвы. И она дала. Но теперь в Гыде не нашлось того, у кого бы поднялась рука на косолапого.

Судили-рядили. И решили его выселить из поселка хитростью. По указанию директора рыбозавода сварщик несколько дней арматурой укреплял деревянный балок. И это в той точке земного шара, где каждый гвоздь, кусочек железа на счету. Все привозное.

Когда балок на санях был на совесть обтянут стальным прутом, в нем настроили механизм по образу и подобию мышеловки. То есть к мешку с рыбой, подвешенному к потолку посередине балка, протянули от дверей тросик. Как только медведь заходил внутрь, касался мешка, дверь автоматически должна была захлопнуться.

«Мышеловку» насторожили и оставили на ночь. А утром, к удовлетворению изобретателей, дверь оказалась закрытой. Мигом к балку подогнали трактор, и он потянул хитроумную ловушку во льды.

Гыда скрылась из виду, когда трактор догнали охотники на «Буранах». Они что-то сигналили трактористу, а он упорно показывал вперед. «Вот-вот, мол, дотяну до следующих торосов и выпущу пленника». В ответ на это один из «буранистов» покрутил пальцем у виска. Это оскорбило тракториста. И он, остановив «стального коня», решил выяснить отношения со своими земляками, но не успел. Один из них дернул на себя дверь, и перед действующими лицами операции предстал пустой балок. Умирая от хохота, озадаченному трактористу рассказали, как медведь обманул гыданцев.

Оказывается, почуяв неладное, он не стал входить в распахнутую дверь, а протянул лапу в оконце. И убил сразу двух зайцев: вытащил мешок с рыбой и заставил сработать сторожок, который и захлопнул дверь.

В общем, все надо было начинать сначала. Но как? Инициативу снова взяли в свои руки опростоволосившиеся директор рыбозавода и «кулибины». Такую кличку сразу же дали изобретателям «мышеловки».

Они поставили на ноги всех владельцев транспорта. И на следующий день армада разномастных чихающих, стреляющих машин своим шумом напугала медведя, и он бежал во льды океана.

Общая площадь водной поверхности Ямало-Ненецкого автономного округа составляет 64 000 квадратных километров. Морские водоемы представлены пятью заливами (губами) и шельфовыми водами Карского моря. Основные крупные реки в пределах округа: Обь, Таз, Пур, Надым.

В водоемах округа обитает свыше 40 видов рыб, из которых 18 имеют промысловое значение.

«Литературные страницы»

БЕЛЫЙ ЯГЕЛЬ

«Белый ягель». Не правда ли, красивое название для повести? Но ее автор, ненецкая писательница Анна Неркаги, думала отнюдь не о романтике. Для малого народа, каковым являются ненцы, ягель — это символ жизни, добра, благополучия. Будет ягель — значит, обеспечен корм оленям. А олень — это мясо, одежда, транспорт...

Сегодня представление о незыблемости этой схемы, обкатанной веками, пошатнулось. Теперь ученые хором говорят о слабости и экологической неустойчивости биоцензов Севера. Так вот, еще до начала строительства железной дороги Обская — Бованенковское только геологоразведкой на Ямале было выведено из оборота более десяти тысяч гектаров ягельников и земель, имеющих охотничье-промысловое значение.

Как слон в посудной лавке, вели себя и подразделения министерств и ведомств. Пресса трещала о высокой миссии — дать богатства ямальских недр Родине... Возможно, кто-то стал с этого богаче. А мы — беднее. Безоглядная эксплуатация механического транспорта, пожары, сверхнормативный (в 23 раза!) отвод земель в Пуровском районе — все это уничтожило три с половиной миллиона гектаров ягельников. В Надымском — около двух миллионов. Сейчас на очереди полуостров Ямал.

За эти бесчинства принято приглашать на эшафот гласности геологов, строителей и газовиков. А как же те, кто по своей профессии и по должности обязан оберегать природу, родной дом своего народа? Почему они не встали на пути экологической экспансии ретивых хозяйственников?

Защитников природы жалеют по причине их общеизвестной слабости и вечного бесправия. Что, мол, за указ для магнатов решение какой-то местной инспекции! Чем может, к примеру, «прижать» рыбоохрана? Штрафом в сто рублей?

Так было во времена застоя и вседозволенности, но им на смену пришли годы перестройки — и еще большей, как выясняется, вседозволенности, ведь интенсивное освоение Ямальского полуострова началось уже в период плюрализма мнений и широкой гласности! Так что причины слабости и бесправия защитников природы надо искать в другом.

Я хорошо помню одно совещание представителей министерств и ведомств. Они собрались в Салехарде, чтобы обсудить «выход на полуостров». Выступающих хватило на два дня, однако тогдашнему первому секретарю окружкома КПСС Миронову дали слово только для приветствия, хотя, по логике вещей, он как хозяин должен был диктовать условия совещанию, но смелость и неуступчивость могли ему стоить секретарского кресла.

Когда я написал об этом в отчете для окружной газеты «Красный Север», в свою очередь сработал инстинкт самосохранения у заместителя редактора. Статья света не увидела.

Гражданского мужества, самоуважения, позиции — вот чего как не хватало, так и не хватает. И природоохранительным органам тоже.

Хотя, если они захотят, — найдутся и сила, и право. Пример — операция Ямало-Ненецкой инспекции рыбоохраны, закончившаяся запрещением добычи гравия из реки Собь, но этот «залповый выброс» принципиальности был первым и последним. Видимо, посчитали, что у прин-

ципиальности все еще высока себестоимость. Как будто она когда-то падала!

Короче, убедившись, что для китов из министерств и ведомств гарпун еще не выкован, там снова всецело отдались погоням и рейдам по Оби, ведь до сих пор бытует практика, когда о работе инспекции судят по количеству «дел», а количество дают те, кто, хоть и незаконно, но берет от природы лишь на свое пропитание.

Я не склонен умалять вреда браконьерства. За год с таких нарушителей удерживали до 50 тысяч рублей, но разве можно сравнивать эту цифру штрафов с многомиллионным ущербом от гибели природных комплексов на Ямбурге и полуострове Ямал! Почему в голосе инспектора не хватает металла?

На оставленной без присмотра территории между тем уничтожается все живое. Помню, как председатель Ямальского райисполкома Хотяко Езынги жаловался, что полуостров буквально наводнен самозваными заготовителями. Они отлавливают песца, выставляют сотни метров сетей на озерах и речках...

В глубине Байдарацкой тундры правят бал воркутинцы. На реках Сыня и Войкар объявились браконьеры из Коми республики, Лабытнаног, Харпа. Осенью, как выяснилось, государственным заготовителям не удался лов на реке Тонью: бригаду опередили любители легкой наживы, предпочитающие сетям взрывчатку. Не поставлен заслон скупщикам и браконьерам и в Красноселькупском, Тазовском районах. Особенно хищнически обирается Тазовский. Отсюда уже многие десятилетия уходит в Красноярский край пушнина, высокоценная рыба, в том числе — красная...

Вот такая ситуация. И в ее контексте очень интересной кажется деятельность окружного общества охотников и рыболовов. Контроль за его работой обязана осуществлять охотинспекция, но руководство инспекции сразу признается, что тут ей «не хватает в голосе металла», хотя

из пятисот вскрытых за прошлый год инспекцией нарушений половину допустили члены общества.

Если б такое рвение общество проявляло в исполнении своих обязанностей! Пока здесь одно научились делать: драть с рядовых членов общества по три шкуры. Вместо того, чтобы продавать сезонную путевку, а затем, на остаток года, отдельное приложение, заставляют покупать их весной, осенью и зимой. Если учесть, что в округе восемнадцать тысяч охотников, то общество никак нельзя назвать бедным. Между тем его угодья пребывают в убожестве и, за исключением Лабытнаног, нигде не охраняются.

Или другой пример. В Куноватском заказнике уже много лет, как у себя дома, хозяйничают бригады лесозаготовителей. Явное нарушение санкционировано, по словам начальника охотинспекции Будылдина, бывшим заместителем председателя окрисполкома В.Бычека. Это он разрешил тресту Ямалгражданстрой вырубать тут лес. Охотинспекция не могла отменить это решение, но имела возможность посадить «лесовиков», как говорится, «под колпак», не спускать с них глаз. Однако где громкие дела о браконьерстве в заказнике? Их нет.

Между тем местные жители, которые все видят, утверждают, что обед для «лесовиков» не обед, если нет на столе свежей лосятины. Почти начисто исчез здесь глухарь — и к этому приложили руку незваные гости заказника. А сколько здесь было глухарей! Но все же красотой и гордостью Куновата считались стерхи. Этих величественных птиц, занесенных в Международную Красную книгу, в России сейчас насчитывается всего триста пар. Две пары гнездились как раз в Куновате. Но грохот техники, стрельба по всему живому заставили их сменить место жительства. Умная птица права!

Сейчас есть все основания думать, что такая же участь может постичь и верховья Полуя.

Отчего же в таких случаях слабеет голос инспекции? Не от того ли, что там понимают: если в нашем государст-

ве одна фирма, истребляющая, живет лучше другой, охраняющей, — это не случайно, это кому-то нужно, это — политика? Инспектора с первого взгляда подмечают, что у общества охотников и рыболовов и контора уютнее, «и техники — не в пример нашему»... Понимают, что ветхий, мелкоячеистый невод выдается с умыслом: такого, мол, калибра нарушителей и ловите. Понимают, что время настоящей, без дураков, охраны природы еще не пришло.

В качестве подтверждения приведу два ряда фактов. Вот какой суровый вердикт в очередной раз вынесла наша гидрометеослужба: «...произошло увеличение загрязнения Оби в ее низовьях фенолами в четыре, моющими веществами — в три раза». Подарочек этот приплыл из Ханты-Мансийского округа, но было бы заблуждением считать, что салехардцы никак не обнаружили своей любви к родной природе. Зимой и летом зловонные ручьи стекают в Полуй, а затем и в Обь с рыбоконсервного завода, животноводческого комплекса, из отстойников в районе Шайтанки, гостиницы «Ямал» и туберкулезного диспансера. Да что там! «Сочтемся ядами, ведь мы свои же люди!» Север отравляют все, кому не лень. В условиях мелководья, например, капитаны судов с легкостью необыкновенной сбрасывают часть своего жидкого груза за борт, чтобы хоть на пузе, но вползти в реку Надым. А сколько экипажей зачищают танки в открытой губе, туда же отправляют и подсланевые воды?

Нетрудно представить, какую «манную кашку» получает на завтрак молодь ценных видов рыб в Обской и Тазовской губе. Ведь по своему природному назначению та и другая губа — это рыбьи питомники.

А теперь другие факты.

Я сам прошлым летом, когда наш самолет, выгребая против сильного ветра, буквально завис над Сенными пугорами, видел, что внизу на якорях стояла целая флотилия «Омских», «Сибирских», «Тюменских». Браконьеры. От

судов, обозначенные пунктирами поплавков, тянулись сотни метров сетей.

Знаю, что, завидев в губе тихоходный «РРС» рыбоохраны, капитаны передавали по рации друг другу: «Плывет рыбкин инспектор!» Сматывали сети и благополучно уходили от ответственности.

Ясно, что установить порядок в Обской и Тазовской губе можно лишь с помощью специального флота и авиации. А рыбоохране — курам на смех! — эту самую авиацию, например, в год выделяли лишь на сорок часов. Оперативным работникам впору драться из-за пригодных к работе лодочных моторов. Спросишь, какие новости, а они: осталось два несписанных мотора... встал последний «Буран»... Вечно не хватает раций и спецодежды.

И разве что-то по-другому в охотинспекции? Курьез: на пятьдесят ее работников выделяют аж шесть комплектов форменных кителей и брюк!

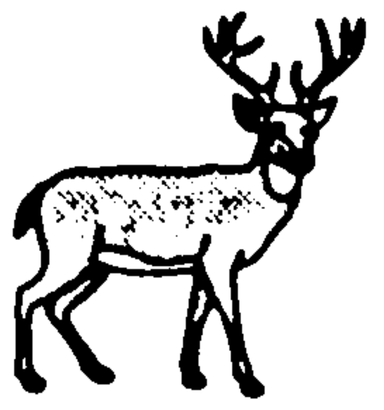
Все нормально: если уж такое святое дело, как финансирование рекультивации, строительства очистных сооружений, внедрения ресурсосберегающих технологий, идет по остаточному принципу, то на оснащение инспекции транспортом, современными средствами связи, спецодеждой и вовсе государство вкупе с ведомствами не раскошелится.

Неужели это росток нового?

Не могу, однако, умолчать об одном факте. Специальное строительное объединение Арктикнефтегазстрой первым в округе создало экологическое управление.

Что это? Как расценить этот шаг? Неужели наши покорители природы начали что-то понимать? Например, то, что белый ягель, если вдуматься, есть у каждого народа, большого или малого. У каждого есть свой символ жизни, добра, благополучия, есть какая-то основа национального и человеческого существования. И эта основа сейчас почти повсеместно под угрозой. Неужели прозревают?

Нет, не хочу торопиться с выводами.



ЛЮДИ И ЗВЕРИ

ЖИЗНЬ ИЛИ ШКУРА?

Общеизвестно, что «родильный дом» белых медведей расположен где-то в районе Шпицбергена. А вот ареалом их обитания является вся Арктика. В том числе и Ямал. Причем систематические научные наблюдения позволяют делать вывод, что медведей не отпугивает даже шумный процесс нефтегазового освоения, поэтому очень часто дороги человека и зверя сходятся.

В одном из вахтовых поселков прижился медвежонок. Его несколько раз вывозили далеко на побережье и все безрезультатно. Молодой хозяин Арктики возвращался обратно. Пришлось отказаться от новых попыток транспортировать его на тракторных санях и воспользоваться вертолетом. Причем, чтобы медвежонок не подглядел направление полета, глаза ему завязали.

Но далеко не все живут желанием «беречь и умножать». Из-за своей восхитительной «шубы» белый медведь нередко становится объектом охоты браконьеров. Правда, «краснокнижник» и постоять за себя умеет. До сих пор вспоминают случай, происшедший на буровой. К ней пришел раненый медведь. Его досыта накормили. И косолапый остался.

Людям доставляло удовольствие смотреть, как он «мизинчиком», надо понимать когтем, шутя открывал банки со сгущенным молоком и высасывал из них вкусное содержимое.

Понравилось, что мишка добровольно взял на себя функции сторожа столовой. Ее теперь не закрывали на замок, потому что на крыльце на ночь, как правило, устраивался он.

Но так было до поры до времени. То есть пока не улетела «старая» вахта. А в «новой» нашлась пара человек, не представляющих себе жизни без шкуры медведя.

Свои черные планы буровики рассчитывали осуществить с помощью «сгущенки». И только он «клюнул» на эту приманку, как из окна балка раздался выстрел. Зверь упал.

Один из двоих, вооружившись лопатой, решил проверить точность попадания, но пуля из малокалиберной винтовки лишь только оглушила мишку, а поэтому развязка закончилась самым трагическим образом для браконьера.

«АНГЕЛЫ», НО НЕ ТЕ

Кто-то сказал, что даже разрушительные действия войн не идут ни в какое сравнение с масштабами гибели природы в последнее столетие. Уничтожая ее, люди уничтожают среду, в которой обитают. А значит, и себя.

Общеизвестно, что наибольшую опасность для рек, леса и тундры представляют действия промышленности, связанные с разведкой и добычей углеводородного сырья. А в Ямало-Ненецком округе, куда ни ткни, везде газ или нефть. В конфликт с природой первопроходцы вступают вследствие нарушения технологий, использования устаревшего оборудования и самой обычной безалаберности.

— Абсолютный рекорд нарушений в последние годы принадлежит акционерному обществу Ноябрьскнефтегаз, — говорит исполняющий обязанности председателя Государственного комитета по охране окружающей среды Ямало-Ненецкого автономного округа В.Ершов, — ему «светит» наказание в восемь миллионов рублей, но весьма проблематично, что когда-нибудь они поступят в адрес природоохранных органов. Собака зарыта в отсутствии нормальных методик по предъявлению штрафов. Не исключено, что создать их мешают промышленники, имеющие мощное лобби в правительстве России. И выставленные на инкассу штрафы — спокойненько лежат-полеживают. Их не оплачивают. Не идут на них и пени. Некоторая надежда переломить ситуацию у нас появилась с учреждением Института судебных исполнителей.

— А между тем на состоявшемся недавно в Салехарде конкурсе Ноябрьскнефтегаз снова обошел своих соперников и получил «добро» на разработку Романовского месторождения. По мнению В.Ершова, проект, предложенный ноябрьцами, действительно был чуть ли не само совер-

шенство. Но одно дело — изобразить на бумаге, другое — добротно воплотить. Что касается последнего, то у меня на этот счет имеются большие сомнения. Ведь в последние годы акционерное общество практически совсем забыло о ремонте технического оборудования и замене труб, отслуживших свой срок.

Естественно, в качестве главной причины нефтяники называют отсутствие средств. А на обустройство Романовского они вдруг найдутся? Откуда? Этот интересный вопрос наводит на мысль, что Ноябрьскнефтегаз просто игнорирует законы. И в будущем настроен так же, по-варварски, относиться к природе.

Кстати, добытчики «черного золота» научились заметать следы преступления. Как правило, после разрыва трубопровода они останавливают целый участок магистрали и быстренько включают в дело бульдозеры. Но песок для нефти не преграда, и она в конце концов находит дорогу к водоемам. И губит в них все живое.

Впрочем, и газовики не ангелы. Их авторство доказано во многих случаях сброса промышленно-бытовых отходов в реки и озера. А выбросы газа? Копоть, поднимающаяся в атмосферу от «факелов»? Ямбурггаздобыча копеечка в копеечку рассчитывается за природопользование, но она является единственным исключением.

Всего же, по подсчетам Комитета по охране окружающей среды ЯНАО, общая задолженность по платежам в экологический фонд газовиков и Ноябрьскнефтегаза составляла на конец 1998 года порядка 200 млн. рублей. Как раз столько, сколько требуется для строительства очистных сооружений в Салехарде.

На фоне различного рода несчастий, свалившихся на голову ямальской природы, появилось улучшение экологической картины на Оби. Если раньше в районе Салехарда в воде содержалось от 10 до 12 ПДК, то теперь от 2 до 5, однако это отнюдь не говорит о том, что в нефтяном и лесоперерабатывающем комплексах, находящихся в верхнем течении реки, то есть в Ханты-Мансийском округе, воспылали искренней любовью к природе. И там природосберегающие технологии не особенно жалуют, потому

что стоят они дорого. А феномен очищения воды объясняется сокращением объема производства на этих комплексах. И колоссальным падением объема перевозок по реке.

Возможно, какую-то роль играют плавучие нефтесборщики, но, видимо, самую мизерную, а причина объясняется простым словом — монополизм. Так, в Салехарде лицензия на прием и очистку подсланевых вод имеется только у речного порта, а он, не зная меры, загибает такие цены, что капитаны иных судов, не прибегая к его услугам, предпочитают где-нибудь, при удобном случае, вылить все мерзопакостное содержимое из баков и из-под сланей прямо в Обь.

В общем, и здесь не так хорошо, как бы хотелось, а может быть, еще хуже. Этот прогноз возник не на пустом месте. В 1998 году «Российская газета» опубликовала мой материал о строительстве, Тюменьбургаз начало строительство буровой от Адер-Паюты, прямо в море. Чем руководствовались люди? Ведь, во-первых, они даже не удосужились получить на то разрешение Тазовского района, на чью территорию вторгались. Во-вторых, не имея опыта работы в открытом море, причем полярном, они даже не поинтересовались, чем помимо перспективы найти газ может быть богата Адер-Паюта?

Оказалось, что здесь зимует порядка 60 процентов от всех запасов сиговых пород рыб в России. Плюс к этому стада моржей, тюленей и белух. И действия буровиков с их излюбленной привычкой уничтожать все живое соляром, химреагентами и самой прозаичной грязью грозили обернуться настоящей бедой для морских обитателей.

Активное противодействие администрации Тазовского района, природоохранных районных органов заставило непрошеных гостей ретироваться. Но ненадолго. Нынешним летом «Тюменская правда», захлебываясь, сообщила, что наконец тюменские судостроители будут с куском хлеба. По заказу Газпрома они приступают к сооружению плавучего бурового комплекса.

Итак, история продолжается. На протяжении трех лет дочерняя фирма Газпрома Тюменьбургаз, не получив ни одного разрешения на отводы, «крутит» себе «дырки» в

недрах Ямала. И уже второй раз, после непродолжительной капитуляции, претендует на выход в район Адер-Паюты. К тому же успешно убегает от уплаты налогов в бюджет округа.

Ответной реакцией окружного комитета по охране окружающей среды является желание создать в части Тазовской губы заказник, чтобы держать ситуацию под контролем, а глазами и ушами комитета давно являются космические спутники. Два раза в день, пролетая над территорией округа, система «Ресурс» запечатляет все техногенные нарушения: дороги, карьеры, кусты скважин. К слову, комитет готовит специалистов для «разговора» с космосом на собственной базе. Так, состоялись курсы по дешифровке космических снимков. Повышали ямальские экологи свою квалификацию и в Арктическом институте Нансена.

Умение природоохранителей работать с современнейшей техникой и новейшими методиками воспринимаются «промышленниками» без особого энтузиазма, ведь их грехи теперь будут как на ладони. Но космос, поставленный на стражу экологии, готов с ними и сотрудничать. В частности, окружной комитет уже выполняет заказ для компании «Шелл».

Расшифровывая снимки, получаемые со спутников, специалисты формируют основу проектных материалов по освоению Заполярного газоконденсатного месторождения.

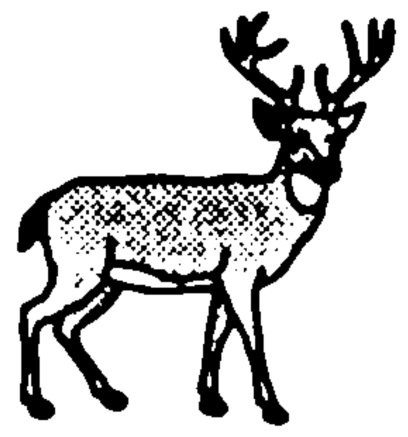
То есть польза от работы экологов зрима и вполне осязаема, но есть «но». Четыре последних года комитет на 10—15 процентов финансировался из федерального бюджета, а остальная доплата шла из экологического фонда. Но им «командует» окружная Дума, которая может в любой момент эту лавочку прикрыть. Окончательно иллюзий на выживание ямальских экологов лишило постановление, подписанное бывшим Председателем правительства Кириенко. Оно сокращало штат госслужащих на 20 процентов, а природоохранной структуры аж на 40 процентов. При этом на 50 процентов для них урезано финансирование.

— В общем, — говорит В.Ершов, — завтра может случиться так, что останутся в комитетах округа только председатели да сторожа, а в кабинетах специалистов будет гулять ветер.

Ржавая газовая труба и в половодье не тонет.

Все, что осталось от диких северных оленей.

Гибель рыбы на реке Собь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«ОЧЕРКИ И СТАТЬИ»:
Айболит ямальской тундры 3
Операция «Корявый» 7
Наука исчезнет, как мамонт? 11
Опасный язь 14
Волчий аппетит до голода доведет 17
Не стреляйте по гусиным стаям 20
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ»:
Последний перелет (*повесть*) 24
«ОЧЕРКИ И СТАТЬИ»:
Лающий волк рук не лижет 91
На фоне космоса ненецкое семейство... 96
«Оно» живет в Оби 99
«Французская» авантюра 105
Тундровое побоище 106
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ»:
Охота за «фонтанами» (*рассказ*) 109
Возвращение Находки (*рассказ*) 113
Аркашка (*рассказ*) 115
Рябчики-шутники (*рассказ*) 118
Орлиная свадьба (*рассказ*) 121
Мышеловка для медведя (*рассказ*) 125
Белый ягель (*рассказ*) 129
Жизнь или шкура? (*рассказ*) 135
«ОЧЕРКИ И СТАТЬИ»:
«Ангелы», но не те 136